



Роберт Масси Николай и Александра

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7169510

Николай и Александра : [роман] / Роберт Масси ; [пер. с англ. В. Кузнецова] : Амфора; Санкт-Петербург; 2012

ISBN 978-5-367-02443-2

Аннотация

Полная величия и драматизма история жизни последней императорской семьи России.

Содержание

От автора	5
Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	15
Глава третья	25
Глава четвертая	34
Глава пятая	41
Глава шестая	48
Глава седьмая	57
Глава восьмая	63
Глава девятая	74
Часть вторая	84
Глава десятая	84
Глава одиннадцатая	93
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Роберт Масси

Николай и Александра

Robert K. MASSIE
Nicolas and Alexandra

Издательство выражает благодарность Capel&Land Ltd. за содействие в приобретении прав

© 1967 by Robert K. Massie
Introduction copyright © 2000 by Robert K. Massie
© Перевод на русский язык, оформление. ЗАО ТИД «Амфора», 2012

* * *

Сюзанне посвящается

Я имею твердую и полную уверенность, что судьба России, точно так же, как судьба моя и моей семьи, находятся в руках Бога, который поставил меня на мое место. Что бы ни случилось, я склоняюсь перед Его волей, полагая, что никогда я не имел другой мысли, как только служить стране, управление которой Он мне вверил.
Николай II

В конечном счете источником всех бед России стала детская.
Сэр Бернард Пэйрс

Императрица не захотела подчиниться судьбе. Она непрестанно говорила о невежестве врачей... Все свои помыслы обратила она в сторону религии, и ее религиозность получила истерический характер. Таким образом, почва для появления чудотворца была подготовлена...
Великий князь Александр Михайлович

Болезнь великого князя наследника господствует над всем концом царствования императора Николая II; она одна его объясняет. Незаметно для других эта болезнь оказалась одной из главных причин его падения, ибо, с одной стороны, она вызвала возвышение Распутина, а с другой – она же имела своими последствиями роковое одиночество царственной четы, замкнувшейся в своей жизни, и постоянную тягостную заботу, которую надо было скрывать ото всех.
Пьер Жильяр

Без Распутина не было бы Ленина.
А. Ф. Керенский

От автора

Мысль написать эту книгу возникла благодаря вмешательству providения. Десять с лишним лет назад мы с женой узнали, что наш сын болен гемофилией¹, и тогда мы решили выяснить, как решались в других семьях проблемы, обусловленные этим роковым недугом. Так я узнал о судьбе цесаревича Алексея, единственного сына и наследника последнего русского императора Николая II.

То, что я выяснил, заинтересовало и в то же время огорчило меня. Мне стало ясно, что болезнь царственного ребенка роковым образом повлияла на судьбу его родителей – царя Николая II и императрицы Александры Феодоровны – и в конечном счете привела к краху императорской России. В наиболее серьезном политическом обзоре того периода, «Падение русской монархии», сэр Бернард Пэйрс категорически утверждает: «12 августа 1904 года... произошло событие, которое предопределило весь дальнейший ход российской истории. В этот день наконец родился наследник престола – долгожданный, вымоленный страстными молитвами». К несчастью родителей и страны, ребенок был неизлечимо болен. Пытаясь облегчить страдания сына, отчаявшаяся мать обратилась за помощью к Григорию Распутину, знаменитому сибирскому старцу. Приближение в дальнейшем Распутина к престолу, его влияние на императрицу, а через нее и на русское правительство привело к падению династии, во всяком случае, ускорило его.

Эти факты заинтриговали меня. Но обескуражило то, что даже лица, придававшие огромное значение болезни наследника, не объясняли происшедшее ни с общечеловеческой, ни с медицинской точки зрения. Пробел этот затрагивал гораздо больше проблем, чем та, которая поначалу волновала меня. Раз уж болезнь мальчика и помощь ему Распутина привели к гибели многовековой династии Романовых, а затем и к революции в России со всеми ее ужасными последствиями, то почему же никто не попытался поведать нам о тяжелых страданиях ребенка и объяснить чудесные его исцеления? Кто не слышал хотя бы краем уха о Распутине, этом необыкновенном человеке, и о его подлом убийстве? Но знает ли кто-нибудь определенно, каким образом облегчал он страдания цесаревича? А ведь и в историческом, и в общечеловеческом плане вопросы эти, по-моему, чрезвычайно важны, поскольку, лишь изучив их взаимосвязь, можно понять в этой истории и остальное.

Я ознакомился с дневниками, письмами и мемуарами тех лиц, которые были непосредственным образом вовлечены в эту драму. В переписке Николая II и Александры Феодоровны, в письмах царя своей матери, вдовствующей императрице Марии Феодоровне, мемуарах, принадлежащих перу родственников императорской четы, близких друзей императрицы, фрейлин, придворных сановников, министров и иностранных послов, имеется множество разрозненных сведений. Но они не систематизированы. В своей книге я попытался увязать отдельные факты в свете современной медицины и психиатрии и того опыта, какой приобретают все семьи, в которых есть больной гемофилией, истолковать историю семьи, борьба которой с этим недугом привела к последствиям, оказавшим огромное влияние на судьбы всего мира.

Если поначалу я главным образом изучал роль гемофилии, то очень скоро меня заинтересовали самые разные аспекты царствования Николая II, его роль как монарха, его место в истории и блестящая эпоха, главным действующим лицом которой он был. Из книг и устных свидетельств я понял, что более столетия спустя люди по-прежнему проявляют живей-

¹ Гемофилия – наследственное заболевание мужчин, передающееся через мать; характеризуется повышенной кровоточивостью вследствие нарушения свертываемости крови и недостатка в ней особого белкового вещества. – *Примечания, кроме особо оговоренных, принадлежат переводчику.*

ший интерес к личности Николая II. Некоторые, в основном русские эмигранты, видят в царе символ безвозвратного прошлого, преклоняются перед ним, даже творят из него кумира. Отдельные представители Русской Православной Церкви считают его и его семью, умершую мученической смертью, неканонизированными святыми².

В то же время есть и такие, кто по политическим или иным мотивам продолжают твердить, что это был «Николай Кровавый». Чаще всего последнего царя эти люди изображают недалеким, слабым и неумным – этакой невыразительной фигурой на шатком троне, прибившей последние дни гнилого и непрочного режима. Таким предстает перед обывателем образ последнего российского самодержца.

Историки признают, что Николай был «добрым человеком». Его личное обаяние, приветливость, любовь к семье, глубокая набожность и горячее патриотическое чувство – исторический факт, опровергнуть который невозможно. Но эти ученые утверждают, будто бы личные качества государственного деятеля не в счет; главное, по их мнению, заключается в том, что Николай был плохим царем. Добродетели, которыми мы восхищаемся в частных лицах и которым нас учит религия, отступают на второй план, когда речь идет о сильных мира сего. Насколько велик царь или президент, должно, дескать, подтверждаться не личной его жизнью и даже не добрыми намерениями, а его делами.

Николай II, если мерить его такой меркой, великим царем не был. С точки зрения истории выдающиеся руководители русского народа – Иван Грозный, Петр Первый, Ленин и Сталин – были людьми, которые с помощью насилия и террора выдвинули отсталую нацию в число передовых. Пожалуй, и поныне русские испытывают благоговейный трепет перед беспощадным вождем, который кнутом подгоняет их вперед. Петра Первого, пытавшего своих врагов на дыбе, собственноручно рубившего стрельцам головы на Красной площади и предавшего мучительной смерти родного сына, называют Великим. А Николай II, самый кроткий из всех русских монархов, заслужил прозвище Кровавый. Такова жестокая ирония судьбы, тем более что император знал, как его называют.

Вряд ли справедливо сравнивать Николая II с его предками-исполинами. Впрочем, еще неизвестно, как бы справились они с несчастьями, сыпавшимися как из рога изобилия на Николая II. Справедливее было бы сравнивать этого царя с его современниками, восседавшими на европейских тронах, – английскими королями Эдуардом VII и Георгом V, германским кайзером Вильгельмом II и императором Австро-Венгрии Францем-Иосифом. Кто из них сумел бы поспорить с бурей, какая выпала на долю Николая II? Впрочем, история ответила нам на этот вопрос: война, которая отняла престол у русского царя, свергла как германского, так и австро-венгерского императора.

Сравнение с обоими английскими королями – Эдуардом VII и Георгом V, которые, соответственно, приходились Николаю дядей и двоюродным братом, лишь усугубляет иронию. Если бы Николаю II не внушали с детства, что конституция – это исчадие ада, он стал бы идеальным конституционным монархом. По своему умственному развитию он ничуть не уступал ни тогдашним, ни нынешним европейским правителям. Личными качествами и вкусами он удивительно напоминал короля Георга V, на которого был так же поразительно похож внешне. В Англии, где от монарха требуется одно – быть добрым, Николай II стал бы идеальным королем.

² 31 октября / 1 ноября 1981 года Зарубежная Русская Православная Церковь канонизировала царскую семью вместе с сонмом других новомучеников, от безбожной власти убиенных. Торжества состоялись при участии 15 архиереев во главе с митрополитом Филаретом в присутствии всех здравствующих членов дома Романовых и огромного числа съехавшихся со всех стран русского рассеяния, как указывает Е. Е. Алферьев в книге «Император Николай II как человек сильной воли» (Изд. Свято-Троицкого монастыря, Джорданвилль, 1983. С. 142). 20 августа 2000 года члены царской семьи канонизированы Русской Православной Церковью в России как Царственные страстотерпцы.

Но судьбе не было угодно даровать последнему царю из династии Романовых столь безоблачное существование или столь завидную роль. Он родился русским, а не англичанином и стал не конституционным монархом, а царем-самодержцем, который правил многомиллионным народом, населяющим обширную территорию. Оказавшись на троне, он столкнулся с двумя несчастьями: неизлечимой болезнью сына и неминуемым распадом великой державы. С рождением наследника оба эти несчастья тесно переплелись. Хотя система, в которой император занимал самое высокое положение, явно отжила свой век, это отнюдь не означало, что конец царской России был предопределен. Возможности приспособить самодержавие к современным условиям, несомненно, были. Но тут, словно для того, чтобы обречь империю на неизбежную гибель, судьба уготовила гемофилию и Распутина. От этого удара ни Николай, ни царская Россия оправиться не сумели.

Трагедия Николая II, по сути, состояла в том, что он родился не в свое время. Получив образование, необходимое для того, чтобы стать монархом XIX века, и обладая характером, какой подобает английскому королю, он жил и царствовал в России XX века. Мир, который был понятен ему, рушился. События чередовались слишком быстро, на смену одной идее приходила другая, еще более радикальная. Гигантской бурей, которая пронеслась над Россией, смело и царя, и всех, кого он любил. До самого конца он делал все, что мог. Для жены и детей этого было очень много. Для России – недостаточно.

Человек, который весьма смутно представляет себе масштабы надвигающейся бури и все-таки сохраняет присутствие духа, стремясь исполнить свой долг, – явление весьма характерное для нынешнего столетия. Возможно, именно по этой причине нам теперь проще понять испытания, выпавшие на долю Николая II. В прежние времена, когда в мире царил порядок, а хаос обычно возникал в результате чьей-то человеческой слабости или глупости, ответственность за войну или революцию можно было возложить на того или иного правителя. Но две мировые войны, кризис и десятилетия ядерного противостояния научили нас многому, в том числе и терпимости. Мы поняли, что существуют силы, которыми никто, будь то царь или президент, не в состоянии управлять. Мы также произвели переоценку многих ценностей. Перед лицом событий, о которых мы имеем весьма нечеткое представление, и в условиях размытых целей мы придаем больше значения намерениям и усилиям. Мы можем проиграть и, как правило, проигрываем, и все же обязаны стараться достичь поставленной цели. Такова мораль XX столетия.

Попав в тенета, из которых он не мог вырваться, Николай II расплатился за свои ошибки и погиб мученической смертью вместе с женой и пятью детьми. Однако судьба не обездолила их окончательно. Исконные ценности, которых придерживалась царская семья, сама вера, за которую она подвергалась насмешкам, исполнили ее мужеством и величием духа, которые искупили все остальное. Эти человеческие качества непреходящи, они навсегда сохраняют свою ценность и значение и переживут расцвет и падение любой империи. Именно поэтому мы можем считать Николая II исключительной личностью. Ведь в конце концов он победил.

Часть первая

Глава первая 1894 год. Императорская Россия

Царь правил Россией, выбрав своей резиденцией Санкт-Петербург – город, построенный на болоте в устье Невы. Владения его были столь обширны, что, когда на западных границах империи наступала ночь, над тихоокеанским побережьем вставало солнце. А между двумя этими границами простирался целый континент, шестая часть всей суши. Под тяжелыми шапками снега долгую зиму стояли огромные хвойные леса. Освещаемые пологими лучами нежаркого солнца, летом шелестели шелковистой листвой белые березы. К далекому югу среди пойма и лугов Европейской России плавно несли свои воды полноводные реки. В Сибири еще более могучие реки устремлялись к Северному Ледовитому океану, пробиваясь сквозь тайгу, где не ступала нога человека, и безрадостную тундру.

Рассеянные по этим просторам, жили сто тридцать миллионов подданных российского царя. В это число входили не только славяне, но и прибалты, евреи, немцы, грузины, армяне, узбеки, татары... Одни обитали в провинциальных городах и городишках, над белыми стенами которых возвышались купола церквей, другие, еще более многочисленные, жили в своих бревенчатых избах в деревнях. Возле домов росли подсолнухи, по немощеным улицам бродили гуси и свиньи. Крестьяне все лето трудились, сея, а потом убирая высокие хлеба. В течение шести долгих месяцев зимы поля являли собой безжизненные снежные пустыни. В душных избах, пропахших потом и дымом, крестьяне, сидя у печей, обсуждали таинственные явления природы, чудные дела Господни.

Население деревень жило тихой размеренной жизнью. Люди, как правило, умирали в тех же селениях, где и появлялись на свет. Большая часть крестьянства была раскрепощена царем-освободителем Александром II. Но свобода не принесла им сытости. Когда лишенная влаги земля покрывалась сеткой трещин, зерно осыпалось в прах и наступал голод, крестьяне снимали с крыш солому, чтобы накормить скотину, а их дети отправлялись на заработки в города. В голодное время мужики, натянув на себя рваные зипуны, целыми днями молча стояли у запорошенной снегом дороги. Закутанные в меха барыни разъезжали на тройках по деревням, в которые пришел голод, и изящными движениями красивых пальчиков швыряли крестьянам пригоршни серебряных монет. Затем появлялись сборщики податей, отбирали у мужиков эти монеты и требовали еще. Если мужики возмущались, появлялись казаки с пиками в руках, шашками и нагайками на боку. Смутьянов пороли, текла кровь, вскипала ненависть. Крестьяне проклинали всех – помещиков, полицейских, губернатора и чиновников. Но только не царя. Царь, живущий в своем дворце за тридевять земель, ни в чем не виноват. Царь-батюшка не ведает о страданиях, которые выпали на их долю. «До Бога высоко, до царя далеко» – гласит русская пословица. Но если дойдешь до царя да расскажешь ему обо всем, то все твои невзгоды как рукой снимет – таков смысл доброй сотни русских сказок.

В конце прошлого столетия жизнь обитателей многочисленных русских городков и селений стала менее однообразной. Этому способствовало появление «чугунки». В те годы темпы строительства железных дорог в России были выше, чем в любой из стран Европы. Как и на американском Западе, железные дороги покрывали огромные расстояния, соединяя села с городами, промышленные предприятия с рынками сбыта.

Сев в уютное купе в Москве, путешественник мог, прихлебывая чай и разглядывая проплывающие мимо окна вагона снежные просторы, в тот же день добраться до Санкт-Петербурга. В 1891 году по решению царского правительства началось строительство Великого Сибирского пути – Транссибирской магистрали, самой длинной в России железной дороги. Взяв начало на одной из восточных окраин Москвы, нитка пути, протянувшаяся на четыре с лишним тысячи миль, должна была соединить сердце России с Тихим океаном.

Как и ныне, в ту пору Москва была центром страны, узлом, где сходились железные дороги, водные пути, средоточием торговли и промышленности. Из небольшого поселения, обнесенного частоколом, каким она была в XII веке, Москва превратилась в столицу, священный град России. Именно здесь, вступив в 1547 году на престол, Иван Грозный заявил, что будет короноваться не как великий князь Московский, а как царь всея Руси.

В Москве насчитывалось «сорок сороков церквей». Над зелеными крышами вздымались в небо их голубые с золотом маковки. Вдоль широких улиц выстроились украшенные колоннами княжеские дворцы, особняки богатых купцов и мануфактурных магнатов. В лабиринте улочек и переулков стояли двухэтажные деревянные дома и домишки, в которых находили пристанище мелкие служащие и мастеровые. Зимой улицы скрывались под толстым слоем снега, весной утопали в грязи, а летом были покрыты пылью. Выходя на улицу, женщины и дети оглядывались по сторонам, чтобы не угодить под колеса экипажа или копыта отряда казаков, с гиком мчащихся наметом, точно ковбои, попавшие в провинциальный городок где-нибудь на Диком Западе.

В самом центре столицы на берегу реки возвышались облицованные красным кирпичом массивные стены средневековой цитадели, Кремля, символа русского могущества. То была не просто крепость, а целый город, который одному романтичному французу представлялся как бы воплощением всей России: «Этот своеобразный конгломерат дворцов, башен, монастырей, часовен, казарм, арсеналов и бастионов; это слияние передовой цивилизации и средневековья; этот конфликт между самым низменным материализмом и высотами духа – разве все это не истинная история России, эпос русской нации, тайная драма русской души?»

Москва была Третьим Римом, центром православия. Миллионы русских шли в православные храмы с горем и радостью. В величественных соборах крестьянки в ситцевых платочках оказывались рядом с княгинями в дорогих шубах и драгоценных украшениях. Люди всех сословий, и стар и млад, часами стояли со свечами в руках, душой и разумом постигая величие происходящего. Освещенные тусклым светом лампад, с икон в золотых окладах на них смотрели лики святых. На иконостасе, на митрах и крестах, на сияющих ризах иерархов церкви сверкали бриллианты, изумруды и рубины. Священники с окладистыми бородами проходили среди рядов прихожан, размахивая кадилами, в которых курился ладан. Богослужение представляло собой не продолжительное песнопение, а чередование гимнов, которые выводили своими могучими басами дьяконы. Ошеломленные величественным зрелищем и благоуханием, очищенные чудными звуками молитв, по окончании службы прихожане прикладывались к кресту в руке священника, который наносил им на лоб благовонным елеем знак Креста. Верующие испытывали в церкви самые разные чувства – от печали до восторга. Церковь учила, что страдание – благо, что невзгоды, боль и печаль – неизбежные спутники жизни. «На все Божья воля», – твердили русские и с помощью церкви старались обрести кротость духа и силу, которые помогли бы им вынести бремя их земного существования.

Несмотря на все свое величие и славу, в 1894 году Москва не была столицей Российской империи. Двести лет тому назад Петр Первый насильно оторвал Россию от ее древних славянских корней и попытался привить ей западноевропейскую культуру. На низменных невольских берегах он построил новый город, решив с его помощью «прорубить окно в Европу». В болотистые земли были свезены миллионы тонн красного гранита, забиты

тысячи и тысячи свай. Двести тысяч рабочих умерли там от лихорадки и истощения. Но до самой смерти в 1725 году Петр правил страной, пребывая в этом странном, искусственном городе, расположенном в восточной оконечности Балтийского моря.

Град Петра был воздвигнут на девятнадцати островах, соединенных между собой арочными мостами и разрезанных извилистыми каналами. На северо-восток от него простиралось огромное Ладожское озеро, к западу – Финский залив, куда впадала полноводная Нева, берущая начало в Ладоге. «Рассекая город пополам, молча и быстро несет свои холодные воды Нева, похожая на полосу стали, видом своим напоминая о просторах лесов и болот, давших ей начало». Над северным берегом вознеслись мрачные бастионы Петропавловской крепости, в центре которой стоял собор с колокольной, упиравшейся в небо своим золоченым шпилем высотой в четыреста футов. По южному берегу, облицованному гранитом, на три мили тянулась набережная, вдоль которой выстроились здания Зимнего дворца, Адмиралтейства, посольств иностранных держав и особняки знати.

Получивший название Северной Венеции, Вавилона снегов, Санкт-Петербург был европейским, а не русским городом. По архитектуре, стилю, нравам и мышлению он принадлежал Западу. Особенно заметными были здесь итальянские мотивы. Выписанные в Россию Петром I и его наследниками итальянские архитекторы Растрелли, Росси, Кваренги спроектировали величественные дворцы в стиле барокко, выкрашенные в красный, желтый, салатный, синий с белым цвета, разместив их среди прекрасных садов вдоль широких, уходящих вдаль проспектов. Даже менее внушительные постройки окрашивались, отделялись лепниной и украшались, точно в южных городах. Громоздкие казенные строения выглядели не такими массивными благодаря красивой формы окнам, балконам, портикам. Величественный Казанский собор в Петербурге представлял собой точную копию римского собора Святого Петра.

Несмотря на свой средиземноморский стиль, Петербург был северным городом, и, благодаря его географическому положению, изменение освещения в зависимости от времени года создавало неожиданные эффекты. Зимой рассветало чуть ли не в полдень, а темнело уже через пару часов. Студеные ветры и метели, не встречая на пути преград, обрушивали свою ярость на стены и окна дворцов, заковывали поверхность Невы в прочный ледяной панцирь. Иногда унылое однообразие зимы скрашивал погожий денек. Голубело усеянное серебряными блестками небо, кристаллики снега на ветвях деревьев, крышах домов и золоченых куполах храмов сверкали на солнце так ярко, что было больно глазам. Зима уравнивала всех. И царь, и министр, и священник, и мастеровой – все закутывались до самых глаз, а придя домой, тотчас кидались к кипящему самовару.

Если зима в Петербурге – темное время года, то летом света хоть отбавляй. Двадцать два часа в сутки светло, как днем. Лишь к одиннадцати вечера яркие краски тускнеют, вместо них появляется полусвет, отливающий серебром и перламутром. Полусвет этот окутывает город, и он засыпает. Но полуночники, взглянув на восток, могут заметить на небе розовую полоску – предвестницу нового дня. Летом в Северной столице бывает жарко. В распахнутые окна врывается ветерок, дующий с реки, принося с собой солоноватый запах моря и смолы, ароматы специй, стук колес экипажей, возгласы уличных разносчиков, перезвон колоколов расположенной неподалеку церкви.

В 1894 году Петербург все еще следовал предназначениям Петра I. Он был центром всего самого передового, самого умного и зачастую самого циничного, что было в жизни страны. Здесь выступали знаменитые оперные певцы и артисты балета; симфонические и камерные оркестры исполняли произведения Глинки, Римского-Корсакова, Бородина, Мусоргского и Чайковского; петербуржцы читали Пушкина, Гоголя, Достоевского, Тургенева и Толстого. Но светское общество говорило по-французски, а не по-русски, и лучшие туалеты и мебельные гарнитуры выписывались из Парижа. Русская знать отдыхала в Биар-

рице, в Италии, на Ривьере, предпочитая их огромным родовым поместьям, откуда управляющие присылали своим господам деньги для развлечений. Мужчины ходили на скачки, играли в карты в клубах. Дамы спали до полудня, вызывали парикмахеров, затем отправлялись на прогулку на Острова. Завязывались любовные интриги, в гостиных с наслаждением предавались сплетням.

Каждый вечер представители высшего света отправлялись в великолепный голубой с золотом Мариинский театр, чтобы посмотреть спектакль Императорского балета, или во Французский театр, где чересчур декольтированные дамы выставляли напоказ свои драгоценности. После спектакля дамы, сопровождаемые кавалерами, кутаясь в меха, садились в легкие санки и неслись в ресторан «Кюба» ужинать и танцевать. «Раньше трех утра никто не думал уходить, а офицеры обычно засиживались до пяти... когда небо покрывалось перламутровыми, розовыми и серебристыми красками».

Сезон веселья в Санкт-Петербурге начинался в Новый год и продолжался вплоть до Великого поста. Все эти долгие зимние месяцы столичная знать кружилась в вихре развлечений. Концерты, банкеты, балы, балеты, оперы, приемы, ночные пиры... Все устраивали приемы, все ходили на них. Офицеры в блестящих мундирах, в орденах и медалях, старые дамы в белых атласных платьях с фижмами толпились в гостиных с высокими потолками. Подходили слуги с подносами в руках, на них стояли бокалы с шампанским, блюда с осетриной, паштеты, фаршированные яйца, три вида икры.

Устраивались «белые» балы, на которых юные девушки в белоснежных платьях танцевали с молодыми офицерами кадрили под присмотром бдительных наставниц, усевшихся в золоченые кресла с высокими спинками. Для молодых женатых пар устраивались «розовые» балы, где молодежь кружилась в вальсе, слушала цыганскую музыку, блистая драгоценными украшениями и щеголяя синими, зелеными, алыми мундирами. «Казалось, будто у тебя на ногах крылья, а голова где-то среди звезд».

В разгар сезона утром дамы надевали драгоценности, шли в церковь, принимали за обедом гостей, пополудни отправлялись на прогулку, затем возвращались домой, чтобы успеть переодеться к балу. Самые великолепные балы устраивала в Зимнем дворце императорская чета. Во всей Европе не было дворца, более подходящего для всеобщего веселья. Там было множество залов – огромных и высоких, как собор. Гигантские колонны, облицованные яшмой, мрамором и малахитом, подпирали украшенные золоченой лепниной потолки, с которых свешивались огромные хрустальные позолоченные люстры. В стылые январские ночи все три здания Зимнего дворца были залиты светом. К подъезду подкатывали всё новые и новые экипажи. Отдав швейцарам шубы и шинели, прибывшие поднимались по белым мраморным лестницам, покрытым пушистыми коврами. Бесконечные ряды пальм стояли на главной лестнице и вдоль стен галерей.

Залы заполнялись «придворными чинами, иностранными дипломатами, офицерами гвардейских полков и восточными владыками. Их блестящие формы, шитые серебром и золотом, являлись великолепным фоном для придворных нарядов и драгоценностей дам, – вспоминал великий князь Александр Михайлович. – Кавалергарды и конногвардейцы в касках с императорским двуглавым орлом и казаки Собственного Его Величества конвоя в красных черкесках стояли вдоль лестницы и при входе в Николаевский зал. Залы украшались бесчисленными пальмами и тропическими растениями, доставленными из придворных оранжерей. Ослепительный свет больших люстр, отраженный многочисленными зеркалами, придавал всей картине какой-то волшебный характер...

Вдруг вся толпа замирала. Появлялся обер-церемониймейстер и три раза ударял об пол своим жезлом, чтобы возвестить начало высочайшего выхода.

Тяжелая дверь Гербового зала открывалась, и на пороге показывались государь и государыня в сопровождении членов императорской фамилии и свиты. Самодержец всегда открывал бал полонезом, после чего начинались общие танцы...»

Царский бал начинался ровно в половине девятого вечера. Шуршали сотни платьев – дамы приседали в почтительном реверансе. После объявления церемониймейстера в залу входил высокий, могучего телосложения, бородатый мужчина. Это был царь Александр III. Рядом с ним, в платье из серебряной парчи, усыпанном бриллиантами, со знаменитой алмазной диадемой в волосах, выступала темноглазая императрица Мария Феодоровна, урожденная принцесса Датская Дагмара. Оркестр исполнял полонез, потом танцевали кадрили, чакону, мазурку, вальс... К полуночи в соседних комнатах к ужину накрывались столы. Уничтожая салаты из омаров, куриные паштеты, взбитые сливки и торты, сквозь двойные высокие окна пирующие наблюдали, как над замерзшей рекой метет поземка. Саженого роста царь проходил вперевалку, точно огромный медведь, останавливаясь то у одного, то у другого стола. В половине второго царственная чета удалялась в свои покои, и гости неохотно разбегались по домам.

Царь Александр III отличался огромной работоспособностью и невероятной физической силой. Он запросто сгибал кочергу или серебряную тарелку. «Однажды во время обеда австрийский посол начал докучливый балканский вопрос, – писал великий князь Александр Михайлович. – Царь делал вид, что не замечает его раздраженного тона. Посол... намекнул, что Австрия мобилизует два или три корпуса. Не изменяя своего полунасмешливого выражения, император Александр III взял вилку, согнул ее петлей и бросил по направлению к прибору австрийского дипломата. „Вот что я сделаю с вашими двумя или тремя мобилизованными корпусами“, – спокойно сказал царь».

Желая отдохнуть от государственных дел, император, встав спозаранку, мог целый день бродить по лесам и болотам с ружьем на плече. Он был по-медвежьки грубоват, прямолинеен и подозрителен. Обладал сильным интеллектом, умел любить и ненавидеть, был наделен могучей волей. Англичан и немцев царь недолюбливал и, по словам А. А. Мосолова, «стремился быть русским и проводить это во всем, что касалось его личной жизни... Во всем, что он делал, ясно виднелась мысль: чтобы быть русским, не надо быть чересчур лощеным». Сапоги и брюки он пронашивал чуть ли не до дыр. О царе-великане британская королева Виктория однажды сказала с холодком: «Этот монарх не похож на настоящего джентльмена».

Александр III был единственным хозяином не только в стране, но и в семье. Жене его требовалось немало усилий, чтобы улестить грубоватого великана; дети его, в особенности три сына, почти не пользовались самостоятельностью. Слова царя походили на команды³. Один из современников, встречавшийся с Александром III, признавался, что лицо государя поражало своей значительностью. Этот холодный, стальной взгляд, в котором было что-то и грозное, и тревожное, производил впечатление удара. Царский взгляд! Собрав небольшой домашний камерный оркестр, царь заглушал своим геликоном остальные инструменты.

При Александре III российская система самодержавия функционировала надлежащим образом. Царь воплощал правительство, обладая абсолютной властью и неся ответ лишь перед Богом. От царя власть передавалась по вертикали вниз, исполняемая целой армией министров, губернаторов, чиновников, акцизных и полицейских, назначаемых от высочайшего имени⁴.

³ С. Ю. Витте, человек прямой и резкий, отмечал спокойствие, твердость и незлобивость императора Александра III. (Витте С. Ю. Воспоминания. Т. I. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 198.)

⁴ «„Когда русский царь удит рыбу, Европа может подождать“, – ответил он одному министру, который настаивал в Гатчине, чтобы Александр III принял немедленно посла какой-то великой державы», – писал впоследствии Александр Михайлович. Вот еще один пример решительности царя, приведенный великим князем: «Какой-то чрезмерно честолюбив-

Парламента не существовало, и народ не участвовал в управлении страной. Даже члены императорской семьи – великие князья и княгини – повиновались царской воле. Великие князья занимали должности губернаторов или высокие должности в армии и на флоте, но служили они лишь для того, чтобы угодить царю. По мановению его руки они могли расстаться со службой.

Александр III был самодержцем до мозга костей и пользовался всеми привилегиями своего положения. Его непоколебимую веру в ниспосланное свыше самодержавие питала ненависть к убийцам его отца, царя-освободителя Александра II. Факт, что цареубийцами были не либералы, а революционеры-террористы, не интересовал императора, он считал, что это одна «шайка-лейка».

Все тринадцать лет своего правления Александр III подавлял малейшее сопротивление самодержавию. Сотни его политических противников были отправлены в отдаленные селения Сибири. Печать подвергалась суровой цензуре. Вскоре его динамичная политика стала способствовать распространению самодержавной идеологии, а террористы-убийцы и революционеры заметно поубавили свой пыл.

Если оставить в стороне его реакционные политические воззрения, то Александр III был дальновидным правителем. Он заключил союз с Францией, чтобы получить французские займы, нужные для строительства железных дорог. Предпринял реорганизацию русской армии и не поддавался ни на какие провокации, которые могли бы втянуть его в войну. Хотя царь и недолюбливал немцев, он благоволил немецким промышленникам, которые ввозили капиталы для развития угольной и железно-рудной промышленности. Стремление управлять огромной империей в одиночку требовало от царя отдачи всей его могучей энергии. Чтобы работать без помех, в качестве резиденции он выбрал Гатчину, расположенную в сорока четырех километрах от столицы. Императрица предпочитала Санкт-Петербург и каждую зиму привозила мужа в столицу. Однако Александр III не любил огромный, вычурный Зимний дворец, в котором, по его мнению, было холодно и гуляли сквозняки, и царская чета поселялась в Аничкове дворце на Невском проспекте.

К счастью для России, Александр III был женат на женщине, обладавшей достоинствами, вполне соответствовавшими ее положению. Урожденная принцесса Датская Дагмара, она приходилась младшей сестрой принцессе Александре, которая вышла замуж за принца Уэльского Эдуарда и стала английской королевой. В девичестве Дагмара была помолвлена со старшим братом Александра III, Николаем Александровичем, тогдашним наследником престола. Но перед свадьбой Николай умер, завещав брату не только титул цесаревича, но и свою темноволосую невесту. Перед бракосочетанием принцесса Дагмара взяла себе русское имя Мария Феодоровна.

Русские полюбили эту невысокую жизнерадостную женщину, ставшую их императрицей, а та, в свою очередь, наслаждалась жизнью двора, вечерами, балами. «Я танцевала до упаду», – писала она в возрасте сорока четырех лет. За столом императрица умела вести умную, искрящуюся юмором беседу. Глаза ее блистали, низковатый голос был исполнен душевного тепла и веселья. Она становилась душой любого общества благодаря не только своему положению, но и обаянию. Когда возникал повод посудачить, царица с удовольствием пускала сплетню по кругу. «Полчаса танцевали мазурку, – сообщала она как-то в письме сыну. – Одна бедняжка потеряла нижнюю юбку, которая валялась у нас под ногами, пока какой-то генерал не догадался спрятать ее за вазу с цветами. Злополучной даме удалось скрыться, прежде чем узнали, кто она». Подтрунивая над человеческими недостатками, императрица была терпима к слабостям людей. Она с насмешливой жалостью наблюдала за

вый министр угрожал отставкой самодержцу. В ответ на эти угрозы царь взял его за шиворот и, тряся, как щенка, заметил: „Придержите-ка ваш язык! Когда я захочу вас выбросить, вы услышите от меня об этом в очень определенных выражениях“. (Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М.: Современник, 1991. С. 144.)

страданиями эрцгерцога Франца-Фердинанда, нанесшего царской чете визит вежливости в 1891 году: «Его совсем закармливали обедами и ужинами. Дело кончится несварением желудка. Вчера вечером в театре он выглядел весьма бледно и рано ушел, сославшись на мигрень». Эрцгерцог стоял за союз трех монархий – Австрии, Германии и России, выступал против возможной войны с Россией, справедливо полагая, что война окончилась бы падением дома Романовых и Габсбургов.

К тридцати годам Мария Феодоровна успела исполнить свой материнский долг, родив императору шестерых детей.

18 мая 1868 года родился Николай, за ним Александр (умер во младенчестве), Георгий (1871), Ксения (1875), Михаил (1878) и Ольга (1882). Поскольку муж был вечно занят работой, царица, как наседка, обихаживала своих детей, наблюдала, как они готовят уроки, давала советы, выслушивала их тайны. Очень часто она выступала в качестве буфера, смягчая столкновения между своим подрастающим потомством и сильным, прямолинейным мужем, их отцом.

Особенно нуждался в материнской поддержке ее старший сын, Николай. Царь вызывал благоговейный трепет в душе сына. В октябре 1881 года в Борках императорский поезд упал под откос, несколько человек было искалечено. Во время крушения государь с семьей находился в столовом вагоне; вся крыша вагона упала на императора, и он лишь благодаря своей гигантской силе удержал крышу на спине. Дети и жена смогли выбраться, и никого не задавило. «Затем, – отмечает Витте, – со свойственным ему спокойствием государь вышел и сам из вагона, всех успокоил, раненым оказал помощь». Мысль о том, что однажды ему придется стать преемником этого исполина, вызывала в юном цесаревиче растерянность.

В начале 1894 года казалось, что страхи Николая Александровича преждевременны. Царю Александру III было всего сорок девять лет, он лишь приближался к вершине своего могущества. Первые годы царствования он посвятил восстановлению подлинного самодержавия. Теперь же, обеспечив безопасность империи и сохранность династии, император, обладавший к тому времени неограниченной властью, намеревался наложить могучую свою печать на весь образ русской жизни. Многие, с уверенностью глядя в будущее, сравнивали Александра III с Петром Великим.

Глава вторая

Цесаревич Николай Александрович

Судьбе было угодно, чтобы наследником престола, а затем и царем стал именно Николай Александрович. Он был старшим из четырех сыновей Александра III, но, по целому ряду печальных обстоятельств, не получил от братьев поддержки. Первый брат, Александр, умер младенцем. Второй, Георгий, был любимым товарищем детских игр. В детстве Николай восхищался искрометным юмором Георгия. Всякий раз, как брат говорил что-то смешное, он аккуратно записывал шутку на клочке бумаги и прятал его в шкатулку. Много лет спустя, когда Николай Александрович стал императором, домашние слышали, как он смеется у себя в кабинете, перечитывая собрание остроумий Георгия. К несчастью, в отрочестве у Георгия развился двусторонний туберкулез легких, и его отправили вместе с немногочисленной прислугой на солнечный Кавказ. Летом 1899 года он умер в Аббас-Тумане.

Несмотря на роскошь Гатчинского Большого дворца, Николай и его братья и сестры воспитывались со спартанской простотой. Александр III ежедневно поднимался в семь утра, умывался холодной водой, облачался в крестьянское платье и, сварив себе кофе, усаживался за письменный стол. Позднее, когда просыпалась царица, оба завтракали ржаным хлебом и яйцами вкрутую. Дети спали на простых походных кроватях, подложив под голову волосяную подушку. По утрам они принимали холодную ванну, на завтрак ели кашу. За обедом встречались с родителями. Еды было достаточно, но, поскольку детей кормили в последнюю очередь, после всех гостей, а вставать из-за стола полагалось вместе с отцом, они зачастую ходили голодными. Однажды Николай набросился на полый золотой крест, в который был помещен пчелиный воск с кусочком Животворящего Креста. «Ники был настолько голоден, что он открыл крест и съел все его содержимое вместе с реликвией, – вспоминала сестра его Ольга Александровна. – Потом ему стало стыдно, но он признался, что это было „невероятно вкусно“». Когда дети оставались одни, им перепало больше, хотя, оказавшись без родительского надзора, они часто принимались безобразничать, обстреливая друг друга хлебными шариками.

Цесаревича Николая Александровича учили домашние учителя. Они преподавали ему языки, историю, географию; был среди них и украшенный бакенбардами учитель танцев, который требовал, чтобы всякий раз на рояль тапера ставили огромную вазу с цветами. Однако самым главным наставником был Константин Петрович Победоносцев. Крупный мыслитель, реакционный философ, он получил прозвище «верховного жреца социального застоя» и оказал решающее и вредное влияние на последнего царя. Сухой, лысоватый, с холодными глазами аскета, смотрящими сквозь стекла очков в стальной оправе, он впервые обратил на себя внимание еще будучи профессором Московского университета, когда написал фундаментальный труд «Курс гражданского права» и ряд работ по истории русского права. Он учил еще детей Александра II, и будущий царь Александр III с отрочества стал его верным и убежденным учеником. Когда Александр III взошел на трон, Победоносцев занимал должность обер-прокурора Святейшего Синода, являясь светским главой Русской Православной Церкви. Кроме того, ему было поручено воспитание наследника престола, цесаревича Николая Александровича.

Обладая блестящим умом, Победоносцев исповедовал идеи национализма и самодержавного фанатизма. Он придерживался мизантропических воззрений Гоббса на человечество в целом. Славян он называл людьми медлительными и ленивыми, которым нужна сильная рука. Россия же, по его словам, представляла собой ледяную пустыню, «по которой бродит лихой человек». Полагая, что для сохранения этой огромной, населенной многочисленными народностями империи необходимо национальное единство, он верил в два объ-

единяющих Россию принципа: самодержавие и православие. Требуя беспощадной борьбы с малейшей оппозицией двум этим началам, он выступал против всяческих реформ, называя их «базаром прожектов... шумихой дешевых и низменных страстей». Конституция, по его словам, «это первая и самая ужасная язва... Газеты – царство лжи. Печать доведена до небывалой распушенности». Всеобщее избирательное право он рассматривал как роковую ошибку. Но больше всего Победоносцев ненавидел парламентаризм. «Одним из самых лживых политических принципов, – заявлял он, – является принцип верховной власти народа... которым, к сожалению, заморочены головы некоторых неумных русских... Парламент – это институт, который служит для удовлетворения личных амбиций, тщеславия и самолюбия его членов. Парламентаризм поистине одна из самых наглядных иллюстраций человеческих заблуждений... Судьба уберегла нашу Россию с ее многонациональным населением от подобных бед. Страшно подумать, что бы с нами произошло, если бы судьба послала нам роковой дар – антирусский парламент. Но этого никогда не случится».

По той же причине, будучи, по существу, министром по вопросам религии, Победоносцев преследовал всяческие религиозные течения, не желающие приобщиться к православию. Особенно он ненавидел упорствующих. Ярый антисемит, он заявлял, что еврейскую проблему в России можно решить, если треть еврейского населения эмигрирует, другая треть примет православие, а остальные исчезнут. Проникнутый идеями Победоносцева, Александр III написал на полях доклада о бедственном положении русского еврейства в 1890 году: «Не следует забывать, что евреи распяли Господа нашего и пролили Его драгоценную кровь».

Победоносцев относился с предубеждением не только к евреям, но и к католикам-полякам и мусульманам, разбросанным по огромному пространству империи. Не кто иной, как Победоносцев подписал в 1901 году документ об отлучении Л. Н. Толстого от церкви⁵.

Россия, какой изображал ее цесаревичу Победоносцев, не имела ничего общего с мятущимся гигантом за окнами царского дворца. То была древняя, отсталая, уважающая силу страна, объединенная тремя принципами: самодержавие, православие, народность. «Царь – это помазанник Божий», – внушал наследнику наставник. Божий промысел не допускает вмешательства народа в управление государством. Следовательно, царь, который не правит единолично, не исполняет обязанностей, возложенных на него Всевышним. Возможно, рассуждения старого наставника звучали для юного Николая Александровича несколько схоластически, но железная их логика убеждала.

Наиболее убедительным подтверждением доводов Победоносцева для Николая Александровича было зверское убийство его деда, Александра II, самого либерального русского монарха XIX столетия. За отмену крепостного права Александра II называли царем-освободителем, и все же основной целью русских революционеров-народовольцев было его убийство. К каким только ухищрениям не прибегали убийцы! Однажды они приобрели здание возле железной дороги, неподалеку от Москвы, и, сделав подкоп, заложили под железнодорожные пути мощную мину. Царь уцелел, поскольку поезд ушел из Москвы в другом направлении⁶.

Было предпринято еще шесть покушений, и 1 (13) марта 1881 года по иронии судьбы через несколько часов после того, как царь одобрил решение о введении института присяжных, попытка удалась. Когда царская карета ехала по набережной Екатерининского канала,

⁵ Л. Н. Толстой отошел от церкви, и отлучение явилось лишь формальным признанием этого факта. Но, возможно, Победоносцев получил личное удовлетворение, отлучив от церкви великого писателя. Начиная с 1877 года, после завершения «Анны Карениной», ходили слухи, будто образ Алексея Каренина, холодного и чопорного бюрократа, которому изменяет жена и который разводится с ней, списан с К. П. Победоносцева. – *Примеч. авт.*

⁶ Взрыв все-таки произошел (19 ноября 1879 г.): были убитые, раненые, искалеченные (царский и свитский поезд помешались местами в пути). (Гаврилов Ю. Казенный дом // Огонек. 1989. С. 12–15.)

террорист метнул бомбу, которой разбило в щепы карету, ранило лошадей, кучера и лейб-казака. Сам царь остался невредим. Вопреки настоятельной просьбе кучера вернуться боковыми улицами во дворец, император стал помогать раненым. В эту минуту подбежал второй убийца и с криком «Бога славить рано!» бросил бомбу прямо под ноги императору⁷. Взметнулся сноп огня и осколков. Взрывом Александру II оторвало обе ноги, распоролло живот, изуродовало лицо. Находясь все еще в сознании, царь прошептал: «Во дворец... там умереть».

Изувеченные останки государя внесли в Зимний дворец. «Большие пятна черной крови указывали нам путь по мраморным ступеням и потом вдоль по коридору в кабинет государя, – вспоминал великий князь Александр Михайлович. – Император Александр II лежал на диване у стола. Он был в бессознательном состоянии... Ему оставалось несколько минут жизни. Вид его был ужасен: правая нога была оторвана, левая разбита, бесчисленные раны покрывали лицо и голову. Один глаз был закрыт, другой – смотрел перед собой без всякого выражения. Ники, смертельно бледный, стоял в своем синем матросском костюмчике. Его мать, цесаревна, была тут же и держала в дрожащих руках коньки. У окна стоял отец, цесаревич Александр Александрович, опустив могучие плечи. Кулаки у него то сжимались, то разжимались. Агония императора продолжалась сорок пять минут. „Государь император скончался“, – объявил лейб-медик, отпустив окровавленную кисть Александра II. Новый царь, Александр III, угрюмо кивнул и сразу преобразился. Какой-то огонь святого мужества загорелся в его спокойных глазах, – вспоминал великий князь. – Александр Александрович дал рукой знак цесаревне, и они вышли вместе. Коляска двинулась, окруженная сотнею донских казаков, которые скакали в боевой готовности, и их пики ярко сияли красным отблеском в последних лучах багрового мартовского заката». В своем манифесте, обнародованном в связи с его восшествием на престол, Александр III заявил, что дает обет посвятить всю свою жизнь «попечениям о благоденствии, могуществе и славе России». И все тринадцать лет своего царствования император правил Россией, руководствуясь принципами, разработанными Победоносцевым.

В двадцать один год цесаревич был стройным юношей среднего роста, с квадратным открытым лицом, унаследованным от отца, выразительными, как у матери, глазами и неотразимым личным обаянием. Он был воплощенным благородством, добротой и дружелюбием. «Ники улыбнулся своей обычной мягкой, робкой, чуть-чуть грустной улыбкой», – вспоминал его двоюродный дядя и близкий друг, великий князь Александр Михайлович (Сандро). Готовый любить всех, Николай Александрович надеялся, что и окружающие любят его. И действительно, несмотря на лесть и подбострастие окружающих, так оно и было.

Цесаревич получил прекрасное среднее и высшее образование. У него была феноменальная память, он хорошо знал историю. «Он мог ввести в заблуждение любого оксфордского профессора, который принял бы его, по знанию языка, за настоящего англичанина. Точно так же знал Николай Александрович французский и немецкий языки», – писал Александр Михайлович. Цесаревич великолепно ездил верхом, отлично танцевал и метко стрелял. Его приучили вести дневник, и, по примеру многих тогдашних королей и дворян, он изо дня в день добросовестно заносил туда сведения о погоде, количестве убитой дичи, имена всех, с кем совершал прогулки и обедал. Дневник Николая II ничем не отличался от дневника его кузена, короля Георга V; он представлял собой реестр событий, описанных лаконичной прозой, и ведение его цесаревич рассматривал как одну из важных обязанностей. Как ни странно, но дневник Николая II, в котором отсутствует выразительность, свойственная его частным письмам, оказался золотым дном для клеветников, между тем как на дневники

⁷ Первая бомба, замаскированная под кулич, оторвала голову проходившему мимо мальчику-разносчику. Вторая бомба, которая смертельно ранила царя, тоже имела вид кулича. (Там же.)

Георга V зачастую ссылаются как на доказательства откровенного характера этого доброго монарха.

В мае 1890 года, за несколько дней до своего двадцатидвухлетия, цесаревич писал в дневнике: «Сегодня окончательно и навсегда прекратил свои занятия, окончив их с Леером». После этого юноша предался более приятному занятию – развлечениям. Вставал он поздно утром, не успев прийти в себя после очередного кутежа. «Как всегда после бала, чувствовал себя ненормально, в ногах слабость, – записал он в дневнике. – Встал в 10½; я уверен, что у меня сделалась своего рода болезнь – спячка, т. к. никакими средствами добудиться меня не могут».

Встав с постели, он отправлялся на заседание Государственного совета, принимал шведского министра или путешественника, вернувшегося в Россию после двухлетнего пребывания в Эфиопии. Иногда ему везло: «Сегодня не было заседания Государ. совета, я этого не оплакивал».

От Николая Александровича требовалось, чтобы он большей частью ничем не занимался. Главная задача цесаревича по завершении им образования и достижения совершеннолетия состояла в том, чтобы ждать, по возможности не подавая виду, своего черед занять престол⁸. В 1890 году Александру III было всего сорок пять лет. Рассчитывая царствовать еще лет двадцать или тридцать, он не очень-то спешил поделиться с наследником опытом правления. Николай охотно принял на себя роль повесы, предоставленную ему с молчаливого согласия отца. Он появлялся на заседаниях Государственного совета, но то и дело посматривал на часы и при первой же возможности под благовидным предлогом исчезал.

Зимой он часто бывал на катке, где катался на коньках с сестрой Ксенией и тетей Эллой. «На катке было очень весело. Я наконец надел коньки и валял во всю мочь за мячиками», – писал он. Однажды он стер ноги и, упав на лед, разбил колени, из-за чего ему пришлось ковылять в домашних туфлях, завидуя счастливым, которые продолжали кататься на коньках. С наступлением сумерек, раздумываясь от движения и мороза, конькобежцы собирались у кого-нибудь в гостиной и пили горячий чай. Ужинать они могли где угодно: в ресторане вместе с друзьями или шли к знакомым в гости, где хозяин устраивал концерт балалаечников.

Зимой 1890 года Николай каждый вечер выезжал в свет. В январе он двадцать раз был в театре, опере или балете, иногда дважды в день. Именно тогда в Петербурге состоялась премьера балета «Спящая красавица» на музыку П. И. Чайковского. Цесаревич побывал на двух генеральных репетициях и на двух спектаклях. Он смотрел пьесы, исполнявшиеся на немецком, французском и английском языках, в том числе «Венецианский купец». Особенно ему нравились оперы «Евгений Онегин» и «Борис Годунов», а в феврале ему даже предложили сыграть небольшую роль в «Евгении Онегине». Николай был желанным гостем на званных вечерах, где гостей развлекал оркестр Императорского флота, хор с участием шестидесяти певцов или знаменитый конферансье, рассказывавший гостям забавные истории. Два-три раза в неделю цесаревич отправлялся на бал: «Пение, пляска продолжались до первого часа;... сели за ужин в 3½ утра».

С наступлением Великого поста увеселениям приходил конец. После бала и позднего ужина, завершившего зимний сезон 1890 года, Николай сделал следующую запись: «Я нахо-

⁸ Ошибочное, хотя и распространенное мнение. После девятимесячного заграничного путешествия Николай Александрович вернулся в Санкт-Петербург, после чего в течение нескольких лет Александр III привлекал его к участию в государственных делах. Он состоял председателем Комитета по сооружению Великого Сибирского пути, возглавлял Комитет по борьбе с голодом 1892–1893 гг., пожертвовав на помощь голодающим доставшиеся по наследству пять миллионов золотых рублей, заседал в Государственном совете и в кабинете министров. Тот же факт, что, подавленный неожиданной кончиной отца, он сказал великому князю Александру Михайловичу, что не подготовлен к царскому служению, лишний раз свидетельствует, насколько наследник цесаревич был требователен к себе.

дился целый день в веселом настроении Масленицы, что отчасти не подходит ко времени говения».

С наступлением Великого поста Николай оставался дома, ужинал в обществе матери, играл с друзьями в карты. В его комнате во дворце установили телефон, связанный со сценой театра, чтобы цесаревич мог слушать оперу Чайковского «Пиковая дама». Часто наследник отправлялся с отцом на охоту. Уйдя из дому на рассвете, они целый день бродили по окрестным лесам и болотам, охотясь на зайцев.

Цесаревич был особенно счастлив, когда, сидя на белом коне перед Зимним дворцом и приложив к козырьку руку, наблюдал, как мимо проходят рысью эскадроны казаков в надвинутых на брови папахах, держа в руках пики с развевающимися на концах флажками. Всю жизнь Николай Александрович был влюблен в армию с ее нарядными мундирами, ее историей, и ни один из своих титулов не ценил более чина полковника, к которому представил его отец. «Став командиром эскадрона лейб-гусарского полка, он затем два года прослужил офицером в Гвардейской конно-артиллерийской бригаде. Ко всем своим обязанностям относился серьезно и добросовестно, – вспоминал впоследствии его двоюродный дядя Сандро. – Смерть отца застала его командиром батальона лейб-гвардии Преображенского полка в чине полковника...» Скромность цесаревича создала ему большую популярность в среде офицеров-однополчан.

Получив в девятнадцать лет под свое начало эскадрон, он отправился с ним на маневры в Красное Село. Сняв частный дом со спальней, кабинетом, столовой и балконом, выходившим в небольшой сад, цесаревич вел приятное, бездумное существование, ничем не отличавшееся от жизни любого молодого русского офицера из аристократической семьи. Он участвовал в жизни офицерского общества и заслужил дружбу своих товарищей.

«Теперь я вне себя от радости служить и с каждым днем больше и больше свыкаюсь с лагерной жизнью, – писал он матери из Красного Села 25 июня 1887 г. – Каждый день у нас два занятия: или утром стрельба, а вечером батальонные учения, или наоборот, утром батальонные учения, вечером стрельба... Завтракаем в 12 час., обедаем в 8 ч., между этими [занятиями] спим, и после чай. Обеды очень веселые; кормят нас замечательно. После еды господа офицеры... играют в биллиард, кегли, карты, домино».

Императрицу тревожила мысль, как бы ревностный служака не забыл, что он наследник престола. «Ни на минуту не забывай, что глаза всех прикованы теперь к тебе, все желают увидеть, каковы будут твои самостоятельные шаги, – писала она. – Постоянно будь вежлив и учтив с каждым, не выделяя никого в особенности, но, в то же время, не допускай излишней фамильярности или панибратства и никогда не слушай подхалимов».

25 июня 1887 года цесаревич благополучно отвечал: «Всегда буду стараться следовать твоим советам, моя душка Мама. Нужно быть осторожным во всем на первых порах!» А в дневнике писал: «Было принято соответствующее количество влаги», «пробовал 6 сортов портвейна и слегка надрызгался», «лежали на лужайке и пили», «был отнесен офицерами домой».

Весной 1890 года, будучи молодым офицером, Николай впервые встретил семнадцатилетнюю танцовщицу из Императорского балета Матильду Кшесинскую. Невысокого роста, живая, гибкая, полногрудая, с гордо изогнутой шеей, темными локонами и живыми глазами, Кшесинская уже десять лет училась в балетном училище и считалась лучшей ученицей выпускного класса. Так случилось, что на выпускном спектакле и праздничном ужине присутствовала вся императорская семья.

В своих мемуарах Матильда Кшесинская вспоминает о появлении императора Александра III, который, возвышаясь над всеми, спросил: «Где Кшесинская?» Когда ему представили девочку, царь, взяв ее за руку, приветливо произнес: «Будьте украшением и славою нашего балета». Во время ужина рядом с Матильдой сидел сам император. Потом он пере-

двинулся, и его место занял цесаревич. Когда Кшесинская взглянула на Николая, то, по ее словам, «в его душу, как и в мою, уже вкралось чувство влечения». Запись, сделанная Николаем Александровичем в дневнике, была более сдержанной: «Поехали на спектакль в театральное училище. Были небольшая пьеса и балет, – очень хорошо. Ужинали с воспитанниками».

С того момента Кшесинская старалась чаще попадаться Николаю. Узнав, что цесаревич с сестрой Ксенией часто выходит на балкон Аничкова дворца, чтобы поглядеть на петербуржцев, прогуливающих по Невскому проспекту, Кшесинская каждый день стала проходить мимо. В мае, в день рождения наследника, она украсила свою комнату бело-синими красными флажками. В то лето ее назначили в труппу, которая выступала в деревянном театре для офицеров, расквартированных в Красном Селе, где цесаревич нес службу со своими гвардейцами. Он ежедневно приходил посмотреть выступления Кшесинской. Однажды, увидев их беседующими, царь с улыбкой заметил: «Смотрите только, не флиртуйте слишком».

Поскольку цесаревич и балерина никогда не оставались наедине, дальше флирта в то лето у них не зашло. «Мне казалось, что хоть он и не влюблен, но все же чувствует ко мне влечение, и я невольно отдавалась мечтам», – писала она. «Положительно, Кшесинская 2-я меня занимает», – признавался в дневнике Николай. Несколько дней спустя он писал: «Разговаривал с маленькой Кшесинской через окно». Перед отъездом из лагерей он добавил: «После закуски в последний раз поехал в милый Красносельский театр. Простился с Кшесинской».

А потом был почти год разлуки. В октябре 1890 года вместе с братом Георгием Николай отправился в девятимесячное плавание по Средиземному морю, через Суэцкий канал в Индию и Японию. Родители надеялись, что, проведя несколько месяцев на борту судна, согревшись под лучами солнца и надышавшись соленым морским воздухом, Георгий подлечит больные легкие. Для Николая же, наследника российского престола, рассчитывали августейшие родители, это путешествие явится важным событием, во время которого он обучится дипломатическим тонкостям и успеет позабыть молодых дам, которые начали осложнять его жизнь.

Кшесинская была не единственной. Николай Александрович нашел, что балерина привлекательна. Она была всегда под рукой, хороша собой, изыскивала всяческие способы дать ему понять, как он ей нравится. Но чувство, которое Николай питал к высокой золотоволосой принцессе Алисе Гессен-Дармштадтской, оказалось гораздо глубже. Принцесса Алиса была младшей сестрой великой княгини Елизаветы Феодоровны, двадцатипятилетней супруги великого князя Сергея Александровича, дяди наследника. Елизавета Феодоровна, которую близкие звали Эллой, была жизнерадостной женщиной, своими праздниками на катке и домашними театральными постановками вносившей юный задор в жизнь императорской семьи. Наследник часто гостил у молоденькой тетушки. Когда к старшей сестре Элле пришла двенадцатилетняя Алиса, визиты наследника участились. Внешне серьезная и робкая, Алиса была страстной по натуре. Впервые обратив взор своих серо-голубых глаз на Николая (ему было тогда шестнадцать), она тотчас почувствовала к нему симпатию. К сожалению, жила она слишком далеко, в Гессен-Дармштадте, к тому же родители цесаревича считали, что захудалая немецкая принцесса – неподходящая партия для наследника российского престола.

С унынием в душе покинув Санкт-Петербург, Николай Александрович и Георгий Александрович отправились в Афины, где великих князей встретил их двоюродный брат, греческий принц Георгий. Там три кузена, сопровождаемые молодыми русскими аристократами, в том числе князьями Барятинским, Оболенским и Ухтомским, поднялись на борт русского фрегата «Память Азова».

К тому времени, как фрегат достиг берегов Египта, путешественники подружились, и настроение у Николая значительно улучшилось. На Ниле они перешли на яхту египетского хедива и совершили плавание вверх по реке. Изнемогая от жары, цесаревич разглядывал однообразные селения и кущи пальм, выстроившиеся вдоль берега. Останавливаясь в прибрежных городах, молодые русские аристократы заинтересовались искусством местных танцовщиц.

«Ничего особенного», – записал наследник после первого представления. Но на следующий вечер появилась такая запись: «Этот раз было лучше. Они разделись и выделяли всякие штуки». Путешественники поднялись на две пирамиды, ели, как арабы, руками, катались на верблюдах. Яхта поднялась до Ассуанских порогов. Цесаревич наблюдал, как в бурной пенящейся воде купаются египетские мальчишки.

В Индии князя Барятинский и Ухтомский убили по тигру; наследник, к его большому сожалению, остался без трофея. Стояла невыносимая жара, и цесаревич стал раздражителен. В письме из Дели он жаловался матери: «Несносно быть снова окруженным англичанами и всюду видеть красные мундиры». Мария Феодоровна поспешила ответить: «Хочется верить, что ты учтив со всеми англичанами, которые так стараются для тебя, устраивают приемы, приглашают на охоту и т. д. Прекрасно понимаю, что балы и прочие официальные мероприятия не очень-то увлекательны, особенно в такую жару, но ты должен понимать, твое положение обязывает. Надо позабыть о собственных неудобствах, быть вдвойне учтивым и любезным и, самое главное, никогда не подавать виду, что тебе скучно. Ты ведь делаешь так, не правда ли, мой милый Ники? Во время балов ты должен больше танцевать и меньше курить в саду с офицерами, хотя это тебе больше по душе. Этого просто нельзя делать, дорогой, я знаю, все это ты превосходно понимаешь; единственное мое желание в том, чтобы никто не сказал о тебе ничего дурного, чтобы ты повсюду производил хорошее впечатление».

В Индии Георгий Александрович страдал от жары. Кашель усилился, бедного юношу постоянно била лихорадка. К огромному его разочарованию, родители приказали ему прервать путешествие. Когда фрегат «Память Азова» покинул Бомбей, Георгий Александрович поднялся на борт взявшего курс в противоположном направлении миноносца, чтобы вернуться к прежней спокойной жизни на Кавказе.

Продолжая путешествие, Николай Александрович делал остановки в Коломбо, Сингапуре, Батавии и Бангкоке, где нанес визит королю Сиам. Оттуда отправился в Сайгон и Гонконг, а когда в токийских парках зацвели вишни, прибыл в Японию, где посетил Нагасаки и Киото. Когда он гулял по улицам города Оцу, путешествие его – да и жизнь – едва не оборвались. С мечом в руках на него неожиданно кинулся японский полицейский. Клинок, нацеленный в голову, лишь скользнул по лбу, и из раны брызнула кровь. Злодей взмахнул мечом во второй раз, но греческий принц Георгий отбил удар тростью. Причины, побудившие японца напасть на цесаревича, так и не были окончательно установлены. Ничего не мог объяснить и сам Николай Александрович. На всю жизнь у него остался шрам, и временами он страдал от головных болей. По мнению одних, нападение было совершено религиозным фанатиком, взбешенным якобы непочтительным поведением Николая Александровича и его спутников при посещении японского храма. Другие приписали его ревности некоего самурая, жена которого приглянулась цесаревичу. Этим эпизодом путешествие и завершилось: царь телеграфировал сыну, требуя немедленного возвращения.

После того эпизода Николай невзлюбил Японию и чаще всего называл японцев макаками. Запись в его дневнике гласит: «Принял шведского посланника и японскую „макашку“ – „поверенного в делах“, который привез мне письмо, портрет и старинные доспехи, подаренные мне Ее величеством (японской императрицей)».

Возвращаясь домой, цесаревич остановился во Владивостоке, где прожил достаточно долго и участвовал в закладке Владивостокского вокзала в самой крайней точке Великого Сибирского пути. Владивосток представился ему заброшенным провинциальным городком с грязными, немощеными улицами, открытыми канализационными канавами, бревенчатыми домами, фанзами, населенными китайцами и корейцами. 31 мая 1892 года, несмотря на холодную, ветреную погоду, цесаревич присутствовал на молебне, состоявшемся под открытым небом. Наполнив тачку грунтом, Николай Александрович провез ее на расстояние нескольких десятков метров и опрокинул на насыпь будущей железной дороги. Вскоре после этого, взяв в руки кельму, уложил первый камень здания вокзала⁹.

Вернувшись в Санкт-Петербург, цесаревич возобновил встречи с Кшесинской. Сначала влюбленные встречались на набережной Невы в карете. Затем наследник стал бывать в доме отца Матильды. Обычно он появлялся в обществе своих молодых двоюродных дядей – великих князей Сергея, Георгия и Александра Михайловичей. Кшесинская угощала гостей отцовским шампанским и слушала грузинские песни. По воскресеньям Матильда посещала скачки, усаживаясь напротив царской ложи, и всякий раз получала букет цветов, который по поручению цесаревича ей вручали его друзья-однополчане.

Привязанность Николая Александровича к Кшесинской крепла. Он подарил ей золотой браслет с крупным сапфиром и двумя большими бриллиантами. На следующее лето, когда Матильда вновь танцевала в Красносельском театре, Николай часто бывал на репетициях, сидел у балерины в артистической уборной, где чувствовал себя уютно, как дома, и подолгу беседовал с ней. После спектакля цесаревич сначала ехал к государю поужинать, а затем возвращался в театр за балериной. Вдвоем в экипаже они совершали прогулки под луной, катались по окрестностям Красного Села. Иногда после таких волнующих кровь прогулок ужинали вместе, и Николай оставался у возлюбленной до рассвета.

В конце лета 1892 года Матильда решила обзавестись собственным домом, где могла бы встречаться с цесаревичем. «Хотя наследник, с присущей ему деликатностью, никогда об этом открыто не заговаривал, я чувствовала, что наши желания совпадают... Отец лишь спросил, отдаю ли я отчет себе в том, что никогда не смогу выйти замуж за наследника и что в скором времени должна буду с ним расстаться. Я ответила, что отлично все сознаю, но что я всей душой люблю Ники, что не хочу задумываться о том, что меня ожидает, я хочу лишь воспользоваться счастьем, хотя бы и временным, которое выпало на мою долю», – писала впоследствии балерина. Вскоре Кшесинская сняла в Санкт-Петербурге небольшой двухэтажный дом, принадлежавший композитору Римскому-Корсакову.

На новоселье цесаревич подарил ей набор из восьми золотых чарок для водки с драгоценными камнями. Спустя годы Матильда вспоминала те счастливые дни, что прошли в этом доме. Наследник обычно приезжал вечером, к ужину. Иногда они устраивали небольшие вечеринки, приглашая трех молодых великих князей, одну-двух балерин и тенора, которого Николай очень любил. После ужина князя, по обыкновению, пели грузинские песни, а потом вся компания играла в баккара.

⁹ Еженедельник «Владивосток» (№ 21, 26 мая 1891 г.) так описывал торжество по случаю начала Уссурийского участка Великого Сибирского рельсового пути: «19 (24) мая к 10 часам утра уже собралась масса народа... Тотчас по прибытии Его Высочества Государя Наследника Цесаревича началось молебствие... По окончании молебна Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич и Его Королевское Высочество греческий принц Георгий приложились к кресту и направились к месту земляных работ... Почти у самого павильона была приготовлена лопата и тачка, в которую Его Императорское Высочество Государь Наследник Цесаревич и Великий князь Николай Александрович собственноручно наложил землю и отвез ее на полотно будущей железной дороги. Момент, когда Царственный Сын управлялся рабочей тачкой, двигаясь с нею вперед и вываливая из нее землю как простой рабочий, был поистине торжественный: все смолкли... По окончании всей церемонии Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич и Его Королевское Высочество греческий принц Георгий изволили сесть в вагон; туда же вошли приамурский генерал-губернатор, военный губернатор, адмиралы, генералы, свита и г. Урсати (строитель железнодорожной линии)... Раздался свисток, другой – и поезд тронулся, провожаемый оглушительным „ура“ бежавшей за поездом публики».

Тем временем Николай Александрович продолжал выполнять и государственные обязанности. «Меня назначили членом Финансового комитета, – писал он. – Чести много, радости мало... Принял шестерых членов этого учреждения; признаюсь, прежде я даже не подозревал о его существовании». В качестве главы Комитета по борьбе с голодом 1891–1892 годов цесаревич много трудился, изыскивая средства по подписке, и сам жертвовал значительные суммы на помощь голодающим. Отношения с отцом были несколько натянутыми.

«Очень хотелось в строй с гусарским взводом, но забыл спросить Папа», – отметил он в дневнике 6 января 1890 года. Сергей Юльевич Витте, грузный и толковый министр финансов, строивший Транссибирскую магистраль и позднее, уже при Николае II, во время Русско-японской войны и революции 1905 года, входивший в состав правительства, писал в своих мемуарах о беседе с Александром III. По словам Витте, он предложил царю назначить цесаревича председателем Комитета по сооружению Великого Сибирского пути. Император был удивлен подобного рода предложением. Произошел следующий диалог:

«– Как?.. Да вы знаете наследника цесаревича?

– Как же, Ваше Величество, я могу не знать наследника цесаревича?

– Да, но вы с ним когда-нибудь о чем-нибудь серьезном разговаривали?

– Нет, Ваше Величество, я не имел счастья говорить с наследником.

– Да ведь он, – говорит, – совсем мальчик, у него совсем детские суждения: как же он может быть председателем Комитета?

– ...Но ведь если вы, Ваше Величество, не начнете приучать его к государственным делам, он никогда к этому и не приучится».

Витте отмечал, что «уже через несколько заседаний Комитета... наследник овладел положением председателя, будучи человеком очень быстрого ума и быстрых способностей».

В 1893 году цесаревича направили в Лондон в качестве представителя российской императорской фамилии на торжества по поводу бракосочетания его двоюродного брата Георга, герцога Йоркского, будущего короля Георга V, с принцессой Марией Текской. Поселили его в Мальборо-хаусе вместе со многими представителями королевских домов Европы, жившими в комнатах, которые выходили в общий коридор. Принц Уэльский, известный законодатель мужских мод, тотчас решил приодеть своего молодого гостя. «Дядя Берти... конечно, мне немедленно прислал портных, сапожника и шляпника», – написал матери Николай Александрович. В Лондоне он был впервые. «Я в восторге от Лондона и никогда не думал, что он мне так понравится», – сообщал он родительнице, рассказывая о своем посещении Вестминстерского аббатства, собора Святого Павла и Тауэра. Естественно, от посещения палат парламента цесаревич уклонился.

Николай Александрович был очарован принцессой Мэри. «Мэй прелестна, гораздо лучше, чем на фотографиях», – писал он 24 июня 1893 года родительнице. Что же до Георга, то он и Николай Александрович были так похожи друг на друга, что кузенов путали даже те, кто хорошо был с ними знаком. Георг был пониже ростом и чуть стройнее, Николай Александрович имел более худощавое лицо и выпуклые глаза. Но оба расчесывали волосы на прямой пробор и носили бородки а-ля Ван Дейк. Когда они вставали рядом, то походили на братьев-близнецов. Сходство это не раз приводило к недоразумениям. Во время праздника в саду цесаревича приняли за Георга, а у Георга спросили, приехал ли он лишь для того, чтобы присутствовать на бракосочетании, или же у него есть и другие дела. Накануне бракосочетания один из придворных, приняв Георга за его русского кузена, просил жениха не опаздывать на церемонию.

После бракосочетания Николай Александрович посетил Виндзорский замок и завтракал у королевы Виктории. «Она была очень любезна и разговорчива и дала мне the Order of the Garter [орден Подвязки]», – писал он императрице. Зная, что это будет приятно роди-

тельнице, на балу в Букингемском дворце он «много танцевал и даже веселился», хотя «там я не видел особенно много красивых дам».

Тем временем в Санкт-Петербурге маленькая Кшесинская становилась известностью. В девятнадцать лет она уже танцевала Фею Драже в «Щелкунчике» Чайковского и Принцессу Аврору в «Спящей красавице». На ее репетиции приходил сам Чайковский, аккомпанировавший балерине на рояле.

Однажды, после того как Матильда исполнила роль Принцессы Авроры, знаменитый композитор пришел к танцовщице в артистическую уборную поздравить ее лично. Позднее Матильду Кшесинскую, Анну Павлову и Тамару Карсавину назовут самыми великими балеринами дореволюционной России.

Конечно, были и такие, кто объяснял ранний успех Кшесинской ее отношениями с наследником. Это отнюдь не означало, что общество осуждало эту связь. Для русской аристократии балет являл собой высочайшее искусство, и зачастую знатные титулы и стройные ножки оказывались рядом. Не одна полногрудая танцовщица из Императорского кордебалета, накинув на плечи мантию, выходила из Мариинского театра и, приподняв юбки, садилась в поджидавшую ее карету, обитую внутри бархатом, которая везла ее на ужин в какой-нибудь великолепный особняк.

Однако, несмотря на успехи Матильды на балетной сцене, привязанность к ней Николая Александровича стала ослабевать. Наследник никогда не скрывал своих симпатий к принцессе Алисе. Весной 1894 года он сообщил Кшесинской о своей помолвке с немецкой принцессой. После возвращения Николая из Кобурга они встретились с Матильдой в последний раз. Она приехала в карете, он – верхом из лагеря. Их расставание принесло балерине настоящее, беспредельное горе. Много месяцев она страдала из-за того, что «потеряла своего Ники». Знаменитый балетмейстер Мариус Петипа утешал ее, уверяя, что, «только испытав страдания любви, можно по-настоящему понять и исполнить» большую роль. «В моем горе и отчаянии я не осталась одинокой, – писала Кшесинская. – Великий князь Сергей Михайлович... остался при мне и поддержал меня». Великий князь приобрел для нее дачу с садом на берегу Финского залива. Позднее, в расцвете своей славы, Кшесинская сблизилась с другим кузеном царя, великим князем Андреем Владимировичем, хотя он был на семь лет моложе ее. Вместе они ездили в Биарриц и Венецию. В 1902 году у них родился сын, а значительно позднее, в 1921 году, они официально сочетались браком в Каннах.

Глава третья

Принцесса Алиса

«Моя мечта – когда-либо жениться на Алисе Г. Я давно ее люблю, но еще глубже и сильнее с 1899 года, когда она провела шесть недель в Петербурге! Я долго противился моему чувству, стараясь обмануть себя невозможностью осуществления моей заветной мечты».

Когда Николай Александрович сделал в своем дневнике в 1892 году эту запись, он еще не свил с Матильдой Кшесинской любовного гнездышка. Он был расстроен отказом отца благословить его на брак с принцессой Алисой. Да и светское общество не разделяло его восторгов по поводу золотоволосой юной немки. Когда Аликс приехала в столицу в гости к своей сестре, великой княгине Елизавете Феодоровне, она произвела на придворных неблагоприятное впечатление. Безвкусно одетая, угловатая, она плохо танцевала, по-французски говорила с кошмарным акцентом, краснела, как школьница, была слишком робкой, слишком нервной, слишком заносчивой – это лишь некоторые из нелестных эпитетов, которыми наградили в Санкт-Петербурге гессенскую принцессу.

Светское общество открыто пускало шпильки в адрес принцессы Алисы, зная, что Александр III и государыня, враждебно настроенные к Германии, не намерены допустить ее брака с наследником престола. Всем было также известно, что, хотя принцесса Алиса его крестная дочь, Александр III подыскивает для цесаревича улов покрупней, к примеру принцессу Елену Французскую, высокую темноволосую дочь графа Парижского, претендента на французский престол. Хотя Франция и была республикой, она являлась союзницей России, и Александр III рассчитывал, что брачный союз между представителями династии Романовых и низложенного дома Бурбонов придется по душе французскому народу и укрепит его альянс с русской державой.

Но попытки родителей сблизить цесаревича с принцессой Еленой были ему не по душе. В дневнике он записал: «В разговоре с Мама утром она мне сделала некоторый намек насчет Елены, дочери гр. Парижского, что меня привело в странное положение. Это меня ставит на перепутье двух дорог: самому хочется идти в другую сторону, а, по-видимому, Мама желает, чтобы я следовал по этой! Что будет?»

Принцесса Елена тоже возражала против брака. Она вовсе не собиралась менять римско-католическую религию на православное вероисповедание, в которое должна была перейти будущая русская императрица. Обескураженный, царь направил сватов к принцессе Маргарите Прусской. Николай решительно заявил, что скорее пострижется в монахи, чем женится на некрасивой и костлявой Маргарите. Однако до этого дело не дошло. Маргарита сама не захотела поменять свое протестантство на православие.

Все это время Николай лелеял надежду, что когда-нибудь сочается браком с Аликс. Перед тем как отправиться в путешествие на Дальний Восток, он записал в дневнике: «Боже! как мне хочется поехать в Ильинское [подмосковное имение великого князя Сергея Александровича], теперь там гостит Виктория с Аликс; иначе, если я не увижу теперь, то еще придется ждать целый год, а это тяжело!!!» Родители продолжали отговаривать сына, убеждая, что Аликс никогда не переменит религию, чтобы выйти за него замуж. Николай попросил разрешения лишь повидаться с ней и сделать ей предложение. Если Аликс отвергнет его, он никогда не женится.

Пока Александр III был здоров, он пропускал просьбы сына мимо ушей. Но зимой 1894 года император подхватил грипп, и у него развилась болезнь почек. Здоровье гиганта начало ухудшаться, царя стал тревожить вопрос, как будет управляться без него Россия. Что касается неопытности цесаревича в государственных делах, тут ничего нельзя было поделаться, но, чтобы упрочить положение наследника, его следовало женить. Поскольку ни о ком,

кроме принцессы Алисы, сын и слышать не хотел, Александр III и государыня дали наконец свое благословение на брак.

Для Николая Александровича это было большой победой. Впервые в жизни, преодолев все препятствия, отменяя все возражения, он одолел могучего родителя и настоял на своем.

Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса, принцесса Гессен-Дармштадтская, родилась 6 июня 1872 года в средневековом городе Дармштадте, неподалеку от Рейна. Она была названа Алисой (Аликс) в честь своей матери, английской принцессы Алисы, третьей дочери из девяти детей королевы Виктории. Имя Аликс было наиболее благозвучным немецким вариантом имени Алиса. «Здесь мое имя уродуют, – жаловалась ее мать, – произнося его „Алиисе“».

«Принцесса Алиса родилась милой, веселой крошкой, всегда смеющейся, с ямочкой на одной щеке», – писала мать королеве Виктории. Когда Аликс крестили – причем крестными отцами ее были будущий царь Александр III и будущий король Англии Эдуард VII, – мать уже называла девочку Солнышком. «Солнышко была в розовом, и все ею ужасно восхищались», – сообщала принцесса Алиса в Виндзорский замок матери.

Если эмоциональные связи между Англией и Великим герцогством Гессен-Дармштадтским были прочны, то отношения между Гессеном и Пруссией, управляемой домом Гогенцоллернов, были прохладными и натянутыми. Всего за два года до рождения Аликс Великое герцогство Гессенское было насильно включено в состав недавно созданной Германской империи. Еще в 1866 году Гессен участвовал в войне против Пруссии, окончившейся для него неудачно, на стороне Австрии. Отец Алисы, великий герцог Гессенский и Рейнский Людвиг IV, ненавидел Пруссию и Гогенцоллернов, и всю свою жизнь Алиса разделяла это чувство отца.

Дармштадт представлял собой старинный немецкий город с узкими, мощенными булыжником улицами, домами с островерхими крышами и резьбой XV века, украшавшей их стены. Дворец великого герцога находился в центре города и был окружен парком, в котором росли липы и каштаны. В комнатах дворца было множество предметов, которые Алиса, дочь королевы Виктории, привезла из Англии. В гостиных висели портреты королевы Виктории, принца Альберта и всех здравствующих английских двоюродных братьев Алисы. Стены спален украшали виды Англии, рисунки с изображениями английских дворцов. Полновластной хозяйкой детской была английская гувернантка, миссис Орчард, отличавшаяся строгостью. Детские спальни были просторными, с высокими потолками, но обстановка в них была очень скромной. Пища предпочиталась простая: печеные яблоки и рисовый пудинг. Миссис Орчард следила за точным соблюдением распорядка дня. Много лет спустя Аликс завела те же порядки и в своей семье, где ели в определенное время, а утро и день разбивали на определенные отрезки времени. Миссис Орчард, привезенная в Россию вместе с заведенными ею порядками, наблюдала, как четко расписан каждый час, и одобрительно кивала.

Аликс не было и шести лет, когда она начала кататься по парку на легкой коляске, запряженной пони, которым она сама и управляла. Правда, рядом с пони шагала облаченный в ливрею слуга. Летом великий герцог Людвиг IV вывозил свою семью в охотничий домик под названием Вольфсгартен. Там Аликс любила играть по утрам во дворе, освещенном ярким солнцем, носиться вверх и вниз по крутым каменным ступеням, сидеть у фонтана, запуская в воду руку, чтобы поймать золотую рыбку. Ей нравилось надевать старые материны платья и разгуливать в кринолинах по залу, воображая себя знатной дамой или феей из какой-нибудь волшебной сказки.

Рождество праздновали с немецким размахом, но на английский манер. В бальном зале дворца устанавливали огромную елку, на ветвях ее развешивали яблоки и золоченые орехи, укрепляли маленькие свечки, освещавшие помещение. Рождественский ужин начи-

нался традиционным гусем и заканчивался сливовым пудингом и мясными пирогами, специально доставленными из Англии.

Каждый год все семейство ездило в гости к королеве Виктории. Детям очень нравилось бывать в Виндзорском замке, расположенном неподалеку от Лондона, в сложенном из гранита замке Балморал, находящемся в Шотландии, и в Осборне – крытом черепицей дворце эпохи Возрождения, стоящем на берегу моря. Много лет спустя, уже живя в России, императрица Александра Федоровна вспоминала, как девочкой, гостя в Англии, ловила крабов, купалась и строила песочные замки.

В 1878 году, когда Аликс было шесть лет, во дворце Гессен-Дармштадта свирепствовал дифтерит. Все, кроме одного, дети великого герцога заболели. Королева Виктория прислала своего лейб-медика, чтобы помочь немецким докторам, но, вопреки всем их стараниям, Мэй, четырехлетняя сестричка Аликс, умерла. Измученная бдениями у кроваток своих детей, мать Аликс, принцесса Алиса, слегла. Не прошло и недели, как она скончалась.

Смерть матери в возрасте всего лишь тридцати пяти лет потрясла шестилетнюю Аликс. Тихая, замкнутая, она часами сидела в игровой комнате, а няня, наблюдая за ней, стояла в углу и заливалась слезами. Любимые игрушки девочки в целях профилактики были сожжены. Прежде Аликс была веселой, живой девочкой, упрямой, вспыльчивой, но доброй. После случившейся трагедии она замкнулась в себе. Научилась скрывать свои чувства, и на лице ее редко появлялась улыбка. Испытывая потребность в дружбе и ласке, Аликс, однако, пряталась в свою скорлупу. Ей не нравились незнакомые места и незнакомые люди. Открывалась она лишь в тесном семейном кругу, где ее любили и понимали. И тогда робкая, серьезная, холодная принцесса Аликс снова становилась веселым, с ямочками на щеках, любящим Солнышком – такой, какой она была в раннем детстве.

После смерти дочери королева Виктория стала относиться к великому герцогу Людвигу как к родному сыну и часто приглашала его в гости вместе с осиротевшими детьми. Аликс, самая младшая, была любимицей стареющей королевы. Наставницам и гувернанткам в Дармштадте предписано было посылать отчеты в Виндзор, взамен они получали советы и распоряжения от королевы.

При таком надзоре вкусы и манеры у Аликс стали вполне английскими и совершенно викторианскими. Будущая русская императрица превратилась в типичную английскую дворянку, чопорную пуританку.

Аликс получила блестящее образование (она имела степень доктора философии). К пятнадцати годам превосходно знала историю, географию, английскую и немецкую литературу. Но рояле играла виртуозно, но не любила играть при посторонних. Когда королева Виктория просила ее исполнить что-нибудь для гостей Виндзорского замка, Аликс повиновалась, но по ее пунцовому лицу было видно, чего это ей стоит. В отличие от Николая Александровича, который учил то, что задавали, наизусть, Аликс любила пускаться в абстрактные рассуждения. Одна из ее наставниц, англичанка Маргарет Джексон, которую принцесса Аликс звала Мэджи, увлекалась политикой. Свою страсть она передала и Аликс, убежденной в том, что политика – это сфера, которой должны заниматься не только мужчины. Ведь, в конце концов, бабушка Аликс была женщиной и в то же время одним из самых могущественных монархов Европы.

В Санкт-Петербург Аликс впервые приехала в двенадцатилетнем возрасте на бракосочетание своей старшей сестры Эллы, великой княжны Елизаветы Феодоровны, и великого князя Сергея Александровича, младшего брата Александра III, дяди наследника цесаревича. Девочка с любопытством наблюдала за тем, как на Николаевском вокзале в Санкт-Петербурге сестру встречала золоченая карета, запряженная белыми лошадьми. Во время церемонии бракосочетания, состоявшейся в дворцовой церкви в Зимнем дворце, Аликс стояла в стороне, с розами в волосах, одетая в белое муслиновое платье. Слушая длинную, непонят-

ную для нее службу и вдыхая благоухание ладана, она искоса поглядывала на шестнадцатилетнего цесаревича.

«Наследник как-то раз подарил ей маленькую брошку, – писала впоследствии А. А. Вырубова. – Сперва она приняла ее, но после решила... что подарка принимать нельзя... На детском балу в Аничковом дворце она потихоньку сунула брошку ему в руку. Цесаревич был очень огорчен и подарил брошку своей сестре Ксении, которая, ничего не подозревая, радостно приняла подарок».

Во второй раз Николай и Аликс встретились через пять лет, когда принцесса приехала погостить к сестре Элле. Теперь ей было семнадцать, а цесаревичу двадцать один год – возраст, в котором девушки и молодые люди влюбляются.

Виделись они на приемах, званых ужинах и балах. Цесаревич приходил за Аликс пополюдни и уводил ее кататься на коньках по замерзшему пруду или на санках с ледяных гор. Перед отъездом Алисы Николай упросил родителей устроить в ее честь в царскосельском Александровском дворце бал, после которого состоялся ужин, где подавали блины с икрой.

На следующее лето Аликс снова приехала в Россию, но не в Санкт-Петербург, а в Ильинское, подмосковное имение великого князя Сергея Александровича. Там великий князь и Элла жили простой деревенской жизнью в обществе приезжавших надолго гостей. Лето было в самом разгаре, отдыхающие гуляли по полям, ходили в лес по ягоды и грибы. Аликс впервые увидела русскую равнину, березовые рощи, крестьян в просторных рубахах навывпуск и домотканых портах. Ее поразило, как низко и почтительно они кланялись незнакомой барышне. Отправившись с сестрой на ярмарку, она накупила матрешек и печатных пряников, чтобы отвезти их с собой в Дармштадт.

Во время этого приезда Аликс и Николай не встретились, осенью же цесаревич отправился в продолжительное путешествие на Дальний Восток. Однако Аликс все больше проникалась чувством к наследнику. С самого начала их знакомства Николай был учтив и любезен. Ей нравилась его задумчивость, его внушающие симпатию голубые глаза. Принцесса заметила, что родители все еще относятся к нему как к ребенку, но видела и неназойливую настойчивость, с какой, несмотря на сопротивление его родителей, Николай добивался ее, Алисы, расположения. Такой преданности нельзя было не оценить.

Непреодолимым для Аликс препятствием к бракосочетанию с застенчивым влюбленным юношей была необходимость перемены религии. Воспитанная в протестантстве, принцесса Алиса была убеждена в истинности этого вероисповедания. Отличаясь преданностью своим принципам, она считала религию высшим идеалом и к перемене ее относилась как к измене самым святым чувствам. Но Аликс любила Николая и оттого терзалась сомнениями, не зная, на что решиться.

То, что однажды Николай займет российский престол, один из самых блестящих в тот период, ее ничуть не прельщало. Ни титулы, ни империи ее не интересовали. В 1892 году она отказала принцу Альберту-Виктору, старшему сыну принца Уэльского, который должен был унаследовать после отца титул наследника английского престола. Этот молодой веселый человек, которого звали в семье принцем Эдди, умер в 1892 году в возрасте двадцати восьми лет. Вследствие этого печального события наследником престола стал его младший брат Георг. Если бы Аликс приняла предложение принца Эдди и тот остался бы жив, то Англией правили бы они с Аликс, а не король Георг V и королева Мария. В таком случае английский трон мог бы перейти к сыну Аликс.

Как бы то ни было, Эдди ничуть не интересовал принцессу Аликс. Даже королева Виктория, благосклонно относившаяся к принцу Эдди, была восхищена той решительностью, с какой ее внучка отказала принцу Альберту-Виктору. «Пожалуй, нет никакой надежды на то, что Аликс выйдет замуж за Эдди, – сообщала она подруге. – Она написала, что ей не хочется причинить ему боль, но выйти за него не может, хотя и любит его, как кузена; она

знает: он не будет с нею счастлив и не должен думать о ней... Ей действительно жаль... и... по ее словам, если ее принудят, она повинуется, но в таком случае будут несчастны они оба. Это свидетельствует о силе характера Аликс, поскольку и ее семья, и все мы желаем этого брака, однако она отказывается от самых блестящих предложений».

Как и подобает принцессе, Аликс посещала школы, больницы, принимала участие в благотворительной деятельности. Бывала на балах-маскарадах, наряжаясь, как средневековая принцесса, в салатного цвета бархатное платье с серебряным шитьем и украшая золотые волосы диадемой из изумрудов. Сев с подругой у дворцового окна, пела песни, аккомпанируя себе на лютне. Сопровождала королеву Викторию во время ее поездок на угольные шахты Уэльса, спускалась в забои, осматривая пыльные подземные лабиринты. Во время поездки в Италию посещала дворцы и галереи Флоренции, совершала поездки на гондоле по каналам Венеции.

Весной 1894 года состоялось бракосочетание старшего брата Аликс, Эрнста, унаследовавшего от отца титул великого герцога Гессен-Дармштадтского. В Кобург съехались представители самых блестящих домов Европы. В сопровождении сына, принца Уэльского Эдуарда, приехала семидесятипятилетняя королева Виктория. Из Берлина прибыл тридцатипятилетний внук Виктории, кайзер Вильгельм. Уговорив отца разрешить ему сделать предложение Аликс, отправился в Кобург и цесаревич Николай Александрович, который должен был представлять Россию.

Теплым апрельским вечером цесаревич сел в Петербурге на поезд вместе с тремя из четырех своих дядей, великими князьями Владимиром, Сергеем и Павлом Александровичами. Полтора суток спустя Николай Александрович, облачившись в полную парадную форму, прибыл в Кобург, где на перроне его встречала Аликс. Вечером они со всем семейством принцессы отправились ужинать и слушать оперетту. Не в силах больше ждать, Николай пошел к Алисе и сделал ей предложение. В дневнике и письме к родительнице он отметил все, что произошло.

«Боже! Что сегодня за день! – гласила запись в дневнике. – После кофе, около 10 часов, пришли с т. Эллой в комнаты Эрни и Аликс. Она замечательно похорошела, но выглядела чрезвычайно грустно. Нас оставили вдвоем, и тогда начался между нами тот разговор, которого я давно сильно желал и вместе очень боялся. Говорили до 12 часов, но безуспешно, она все противится перемене религии. Она, бедная, много плакала. Расстались более спокойно».

Домой, в Гатчину, Николай написал: «Я имел с Alix длинный и весьма нелегкий разговор, в котором я постарался объяснить ей, что иначе, как дать свое согласие, она не может сделать другого! Она все время плакала и только шепотом отвечала от времени до времени: „No, I cannot“¹⁰. Я все продолжал, повторяя и настаивая... Хотя разговор этот длился больше двух часов, но он окончился ничем».

Николай Александрович получил поддержку со стороны влиятельных родственников. Со всей Европы в Дармштадт съехалось столько родни, что ужинали в два приема: одна часть гостей села за стол в семь часов, другая в девять. Через несколько часов после разговора Николая с Аликс с эскадроном драгун прибыла королева Виктория. Британская королева благословила свою внучку на брак с русским цесаревичем и объяснила принцессе, что православие не слишком отличается от лютеранства. На следующий день прибыл и кайзер. Радуюсь возможности брака между немецкой принцессой и наследником русского престола, он тоже постарался повлиять на Аликс. Но не кто иной, как великая княгиня Елизавета Федоровна окончательно рассеяла страхи Аликс и укрепила ее желание угодить цесаревичу. Элле не требовалось переходить в православную веру при бракосочетании с великим князем

¹⁰ Нет, не могу (англ.).

Сергеем Александровичем, поскольку тот не обладал правом престолонаследия. Однако она охотно приняла православие и объяснила сестре, что это вовсе не будет отступничеством.

Задолго до бракосочетания великого герцога Эрнста на первый план вышла помолвка между Николаем Александровичем и Аликс. Во время брачной церемонии Николай внимательно наблюдал за Аликс. «Мне в эту минуту, – писал он, – страшно захотелось посмотреть в душу Аликс».

В тот же день принцесса Аликс согласилась переменить религию. Николай с восторгом записал в своем дневнике: «Чудный незабвенный день в моей жизни – день моей помолвки с дорогой, ненаглядной Аликс. После десяти она пришла к тете Михен¹¹, и после беседы с ней мы пришли к согласию. Боже, какая гора свалилась с плеч... Я целый день ходил, как в дурмане, не вполне сознавая, что, собственно, со мной приключилось. Вильгельм сидел в соседней комнате и ожидал окончания нашего разговора с дядями и тетями. Сейчас же я пошел с Аликс к королеве Виктории... Все семейство долго на радости лизалось. После завтрака пошли в церковь т. Мари и отслужили благодарственный молебен... Мне даже не верится, что у меня невеста».

В письме родительнице Николай Александрович рассказывал: «Нас оставили одних, и... с первых же слов она согласилась!... Я заплакал, как ребенок, она тоже, но выражение у нее сразу изменилось: она просветлела, и спокойствие явилось на лице ее... Для меня весь свет перевернулся, всё, природа, люди, места – всё кажется милым, добрым, отрадным... Она совсем стала другой: веселой, и смешной, и разговорчивой, и нежной».

Позднее присутствующие вспоминали, как состоялась эта знаменитая помолвка. «Помню, я сидела у себя в комнате, – писала английская принцесса Мария-Луиза. – Я спокойно готовилась к обеду, когда ко мне ворвалась Аликс и, обняв меня за шею, произнесла: „Я выхожу замуж за Ники!“»

Наутро цесаревич проснулся от цокота копыт по булыжной мостовой и хриплых команд. Под его окнами гвардейские драгуны королевы Виктории устроили учения в честь наследника. «В 10 часов, – записал он в дневнике, – пришла чудная Аликс, и мы вдвоем отправились к королеве пить кофе». Пока они жили в Кобурге, каждый день начинался с «питья кофе в обществе Бабушки». Виктория была в восторге от юной пары. Старой королеве нравилось окружать себя влюбленными. Аликс считалась ее любимицей, и Виктории было приятно сознавать, что и она сыграла свою роль в помолвке.

День выдался холодный и пасмурный, «но на душе зато, – писал цесаревич, – было светло и радостно». Дядя Берти предложил сфотографироваться всем семейством. Тридцать членов фамилии отправились в сад, и в результате возникла групповая фотография родственников Виктории вместе с престарелой королевой, крохотной и неsgiбаемой, которая сидела в центре ряда. Единственным сидевшим мужчиной был кайзер Вильгельм – со свирепой торчащими усами, в парадном мундире. Невысокого роста, с приветливым лицом, в котелке на голове, Николай стоял рядом с Аликс – хорошенькой, но серьезной.

«Отовсюду поступали поздравления. Пошел к Аликс отвечать на бесчисленное количество телеграмм, которые скорее прибавляются в числе, чем убавляются, – сетовал цесаревич. – Все русские господа поднесли моей невесте букет».

Забыв о своем нежелании благословить сына на брак, Александр III и императрица от души поздравили наследника и Аликс с помолвкой. В своем письме государыне Аликс назвала ее «тетей», а Мария Федоровна написала сыну: «Твоя милая Аликс для меня совсем как дочь... Передай Аликс, что ее... письмо глубоко растрогало меня. Но я не хочу, чтобы она звала меня „тетей“, я теперь для нее „мамочка“... Узнай у Аликс, какие драгоценные камни

¹¹ Великая княгиня Мария Павловна, супруга самого старшего дяди цесаревича, великого князя Владимира Александровича.

она предпочитает, сапфиры или изумруды? Мне хотелось бы знать наперед». Для начала императрица прислала Аликс изумрудный браслет и великолепное пасхальное яйцо, усыпанное драгоценными камнями.

В Дармштадт пришла дружная весна, в парке появились цветы, теплый воздух наполнился их ароматом. Николай Александрович не мог поверить тому, что произошло: «Она так переменялась в последние дни в своем обращении со мною, что этим приводит меня в восторг. Утром она написала две фразы по-русски без ошибки!» Когда вся семья отправлялась на прогулку в каретах, Николай и Аликс ехали последними в шарабанчике с одной лошадью, правя ею по очереди. Они гуляли, собирали цветы, отдыхали на берегу пруда. Вместе трапезничали. «Нелегко разговаривать в присутствии чужих людей, приходится многих тем не касаться», – огорчился Николай. По вечерам они присутствовали на придворных концертах. По просьбе цесаревича из России прибыли певчие лейб-гвардии Преображенского полка, которые своим пением украсили службу в церкви и услаждали дивными голосами присутствующих.

У Николая вошло в привычку в конце дня приходить к Аликс в ее комнату: «Мы долгое время оставались вместе, она была удивительно нежна со мною... Так необычно – знать, что можешь без помех приходить к ней... Даже на ночь жалко расставаться».

Прошли десять дней блаженства, наступила пора разлуки. Последний вечер влюбленные провели в комнате Аликс. По стволам деревьев, росших под окнами, текли струи теплого весеннего ливня. «Вечер провел с дорогой Аликс у нее: ужас, как грустно, что приходится расставаться на долгое время. Как хорошо было вместе – рай!»

В поезде, который вез его домой, в Россию, с любовью и грустью в душе Николай разглядывал свое обручальное кольцо: «Аликс подарила мне кольцо; в первый раз в жизни воздел его на перст, самому кажется смешно... В Гатчино прибыли в 4.20. На станции вошли в вагон дорогие Папа и Мама, Ксения, Миша, Ольга и Сандро...» Император Александр III, только что вернувшийся с охоты на уток, не успел даже переодеться. Цесаревича уже ждали телеграммы от Аликс и королевы Виктории, на которые следовало тотчас ответить. Потом Николай пошел в парк с родительницей и подробно описал события.

Ему казалось, что май никогда не кончится. Он проводил время в прогулках среди кустов сирени, потом бегом возвращался к себе, чтобы написать очередное письмо своей невесте. Наконец в июне Николай поднялся на борт императорской яхты «Полярная звезда», которая через Балтийское и Немецкое моря доставила его в Англию. После четырех суток плавания, приближаясь к берегам Англии, Николай писал в дневнике: «Итак, даст Бог, завтра увижу снова мою ненаглядную Аликс... Схожу с ума от этого ожидания. Встали на бочку в Гревсенде. На экипаже доехал до станции». «Полетел на экстренном поезде в Лондон... Приехал в Walton... и в 3¼ встретился с дорогой Аликс», – записал Николай. Особняк в Уолтон-на-Темзе принадлежал старшей сестре Аликс, принцессе Виктории Баттенбергской. Целых три дня, надолго запомнившихся молодым влюбленным, они отдыхали на берегу реки, плавно катившей свои воды. Гуляли по зеленым лужайкам, ели фрукты, собирали цветы в окрестных полях. Сидели на траве в саду под старым каштаном; Аликс вышивала, Николай читал вслух. «Все время были на воздухе благодаря летней погоде, и днем катались на шлюпках вверх и вниз по реке, вылезая на берег в траву, где заваривали и пили чай. Une véritable idylle¹²», – писал цесаревич матери. Много лет спустя Николай и Аликс в мельчайших деталях вспомнят те три удивительных дня, проведенных в английской провинции, и при упоминании Уолтона на глазах у Аликс появятся слезы радости.

Прошло трое суток, и молодой паре пришлось оставить особняк, где они купались в счастье. В Виндзорском замке их уже ждала Granny – королева Виктория. Император Алек-

¹² Настоящая идиллия (фр.).

сандр III прислал собственного исповедника, протопресвитера И. Л. Янышева, которому не терпелось начать приобщение к православной религии принцессы Алисы. В Виндзоре Николай преподнес своей нареченной подарки: перстень с розовой жемчужиной, ожерелье из крупных розовых жемчужин, цепочку-браслет с крупным изумрудом и брошь, украшенную сапфирами и алмазами. Самым роскошным было жемчужное кольцо – подарок Александра III своей будущей невестке. Оно было изготовлено знаменитым придворным ювелиром Фаберже и оценивалось в 250 000 рублей золотом. То был самый крупный заказ, полученный Фаберже от императорской семьи. Разглядывая эти сокровища, королева Виктория качала головой: «Смотри, Аликс, не возгордись».

В то лето в Англии стояла неимоверная жара. Николай выезжал из Виндзорского замка утром, когда было еще прохладно. Ему нравилось прогуливаться рысцей на лошади по «аллее королевы Анны» – излюбленному маршруту для верховых поездок, – окаймленной с обеих сторон могучими деревьями, и скакать по полю галопом, «как угорелый». К десяти часам Николай всегда возвращался и вместе с Аликс и королевой пил кофе. Обед был в два часа, после него все расходились кто куда, пытаясь спрятаться от жары. До чая Николай и Аликс катались в шарабане по аллеям Виндзорского парка, вдоль которых росли вековые дубы, и восхищались цветущими рододендронами. Наследник писал императрице: «Жаловаться я не могу. Granny очень любезна и даже позволяет нам обоим кататься вместе». Когда становилось прохладнее, они вместе с гостями ужинали на балконе или террасе и слушали музыку, исполняемую во дворе замка. Однажды, когда из Лондона приехал скрипач, Аликс аккомпанировала ему на рояле.

Несмотря на занятия с отцом Янышевым, Аликс часто заглядывала в комнаты Николая. Цесаревич извинялся перед матерью за то, что не пишет чаще. «Каждую минуту, – оправдывался он, – мне хотелось подняться и заключить ее в объятия». Очевидно, во время одного из таких вторжений Аликс узнала, что жених ведет дневник. Она начала делать в нем записи и сама. Записи эти, чаще всего по-английски, поначалу были совсем коротенькими: «Много раз целую», «Благослови тебя Господь, ангел мой», «Навсегда, навсегда». Потом на смену им пришли стихи и молитвы: «Мне снилось, я любима, и, проснувшись, убедилась в этом наяву и благодарил на коленях Господа. Истинная любовь – дар Божий – с каждым днем все сильнее, глубже, полнее и чище».

Видя себя предметом такого безграничного обожания, Николай решил рассказать невесте о некоторых эпизодах из прошлой своей жизни. Так зашла речь о Матильде Кшесинской. Хотя ей было всего двадцать два года, Аликс, как и подобает внучке королевы Виктории, оказалась на высоте. Она великодушно простила своего нареченного, но прочитала ему назидательную лекцию о том, что чистая любовь искупает грехи: «Что прошло, то прошло, и к нему нет возврата. В этом мире мы все окружены соблазнами, и когда мы молоды, мы не всегда находим в себе силы устоять перед ними. Но если мы покаемся, Господь простит нас... Прости, что я так много пишу, но я хочу, чтобы ты был уверен в моей любви к тебе и знал, что я люблю тебя еще больше после того, как ты поведал мне ту историю; твоё доверие ко мне меня так тронуло... Хочу всегда быть достойной его... Да благословит тебя Господь, мой любимый Ники...»

Зная о любви Николая к армии и строевым занятиям, королева Виктория то и дело устраивала военные парады и учения в Виндзоре. «1000 мальчиков, будущих матросов, отлично проделали гимнастические упражнения под музыку и затем прошли церемониальным маршем. Они все из Greenwich School», – вспоминал цесаревич. Он произвел осмотр шести рот гвардейского Колдстримского полка, офицеры которого пригласили его к себе на обед. В обычных условиях Николай охотно принял бы это приглашение. «Granny меня слишком любит и, как и Аликс, не желает отпустить от своего обеда», – объяснил он свой отказ в письме к императрице. В Альдершоте, огромном военном лагере, «в темноте при свете факел-

лов четыре сборных хора прошли почетными караулами от четырех племен Соединенного Королевства, которые потом соединились», – записал в дневнике Николай Александрович. На следующий день он, облачившись в гусарскую форму, принимал парад. «На месте парада всего было собрано около 10 000 чел. После Royal salute началось прохождение, сначала конная артиллерия, кавалерия, пешая артиллерия и пехота... Парад закончился общим наступлением к флангу и гимном», – гласила запись в дневнике. Особенно понравились Николаю килты (юбки) и волынки шотландских полков.

Во время пребывания русского цесаревича в Англии в английской королевской семье родился младенец. «Вчера в 10 час. вечера у Джорджи и Мэй родился сын, радость и ликование были всеобщие...» Ребенок, получивший титул принца Уэльского, станет королем Эдуардом VIII, а затем герцогом Виндзорским. Николай и Аликс стали крестными родителями маленького принца. «Вместо погружения архиепископ намочил пальцы и обвел ими голову ребенка, – записал цесаревич. – Какой славный, хорошенький ребенок...»

Впоследствии родитель новорожденного посетил обрученных в Вестминстерском замке. Даже в дневнике Николай старается не нарушать приличий. Описывая визит, он указывает: «К завтраку приехал Georgie. Он и Аликс сидели у меня со мной – прибавил „со мной“, потому что без него выходило довольно странно».

Прежде чем покинуть Англию, цесаревич и его нареченная вместе с королевой Викторией отправились в Осборн, летнюю королевскую резиденцию на острове Уайт. С дворцовых газонов они могли наблюдать вереницы яхт, летевших на всех парусах. Николай писал: «Отправились к берегу моря, где я ходил, аки ребенок, в воде голыми ногами».

В конце июля продолжавшаяся полтора месяца идиллия кончилась. Дневник Николая был испещрен записями, сделанными рукой Аликс: «Любовь поймана, я связала ее крылья. Она больше не улетит. В наших сердцах будет всегда петь любовь». Когда «Полярная звезда» прошла мимо Дувра, держа курс на север, Николай прочитал строки: «Спи сладко, и пусть мягкие волны тебя убаюкают – твой ангел-хранитель стоит на страже. Нежно целую».

На другой день у ютландского побережья Николай стоял у поручней, глядя на огненный закат. Двадцать судов германского императорского флота приспустили флаги, салютуя русскому цесаревичу. Пройдя заливом Скагеррак в Балтийское море, «Полярная звезда» медленно проплывала мимо побережья Дании, над которым возвышался замок Эльсинор. Но Николай в мыслях уносился в иные края.

«Я твоя, ты мой – будь в этом уверен! Ты пленен в моем сердце, ключик затерян, и ты навсегда останешься там», – писала Аликс.

Была там и другая запись, удивительно пророческая строка из Марии Корелли: «Что прошло, то прошло безвозвратно и не вернется вновь – будущее скрыто для нас, – и только настоящее мы можем считать принадлежащим нам».

Глава четвертая Бракосочетание

По приезде цесаревича в Гатчину выяснилось, что семья обеспокоена состоянием здоровья императора. Государя мучили головные боли, бессонница, у него стали отекать ноги. Врачи рекомендовали ему отдых, лучше всего в Крыму. Но Александр III был не из тех, кто меняет свои планы лишь потому, что ему нездоровится. В сентябре вся семья села в поезд и поехала, но не в Крым, а в Польшу, где в Спале у царской семьи был охотничий дворец.

Но и там здоровье императора не улучшилось. Из Вены был выписан профессор Лейден. Внимательно осмотрев великана-царя, Лейден установил диагноз: нефрит. Он настоял на том, чтобы пациента тотчас отвезли лечиться в Крым. На сей раз Александр III подчинился требованиям врача. Цесаревич разрывался между «чувством долга остаться при дорогих родителях, чтобы сопровождать их в Крым, и страшным желанием поехать в Вольфсгартен к милой Аликс». Подавив в себе это желание, он вместе со всей семьей отправился в Крым, где в Ливадии у императорской семьи был летний дворец.

Там, в теплом краю, среди виноградников, царь начал поправляться. У него появился аппетит, он стал принимать солнечные ванны и даже спускался к морю. Но через несколько дней государя снова стала мучить бессонница, появилась слабость в ногах, и он слег. Была назначена строгая диета и, к крайнему огорчению царя, ему было запрещено есть мороженое. Шестнадцатилетняя Ольга, которая сидела у постели отца, однажды услышала шепот: «Деточка, милая, я знаю, в соседней комнате есть мороженое. Принеси мне, только чтобы никто не заметил». Дочь тайком принесла больному лакомство, и тот с неописуемым наслаждением съел его. Был вызван из Петербурга священник, отец Иоанн Кронштадтский, многие почитатели которого называли его чудотворцем. Доктора лечили царя, отец Иоанн молился, но с каждым днем государю становилось все хуже.

Почувствовав роковой исход, Николай попросил Аликс приехать в Ливадию. Принцесса тотчас примчалась. Ехала она в обыкновенном пассажирском поезде. Высоконареченной невесте следовало бы подать специальный поезд, но министр двора, в чьи обязанности входило решение подобных проблем, был так занят в связи с болезнью государя, что упустил это из виду. Подъезжая к Крыму в сопровождении сестры Эллы, которая встретила ее на границе, Аликс телеграфировала жениху, что желает как можно скорее принять православие. Николай Александрович был не в силах скрыть своих чувств: «Боже мой! Какая радость встретиться с ней на родине и иметь близко от себя – половина забот и скорби как будто спала с плеч!»

Встретив Аликс в Алуште вместе с великим князем Сергеем Александровичем, цесаревич повез ее в Ливадию в открытой коляске. Во время четырехчасового путешествия оба неоднократно останавливались в татарских аулах, жители которых встречали их хлебом-солью, виноградом и охапками цветов. Когда экипаж подкатил к дворцу, где для встречи цесаревича и его невесты выстроился почетный караул, оказалось, что коляска доверху нагружена цветами и виноградом.

Желая оказать внимание невесте своего сына, будущей императрице всероссийской, несмотря на все запреты врачей и семьи, Александр III встал с кровати, надел полную парадную форму и, сев в кресло, благословил будущих супругов, припавших к ногам бледного, обессиленного гиганта.

Десять суток не отходили домашние от постели умирающего царя. Охваченные одновременно счастьем и отчаянием, Николай и Аликс неслышно двигались по дому. Гуляли среди виноградников, по берегу моря, не смея удаляться от дома, где жил император. Когда царь принимался за доклады, доставленные министрами, Аликс садилась у его постели. Для

молодой невесты роль эта была нелегкой. Оказавшись среди убитых горем близких царя, она чувствовала себя посторонней. Единственным, с кем она с радостью встречалась, кому могла довериться, был Николай. Императрица Мария Федоровна была слишком занята больным супругом, чтобы уделять особое внимание своей будущей невестке.

Вполне естественно, в семье, где больным был одновременно мужем, отцом и правителем огромной империи, взоры всех были обращены к царю и его супруге. Врачи, министры и придворные относились к императрице не только с почтением, какого и заслуживает царица, но еще и с особой заботой, понимая, какие тяжкие испытания выпали на ее долю. Едва отойдя от постели больного царя, врачи направлялись к императрице, почти не замечая робкого молодого человека и юную женщину, стоящих возле дверей или у лестницы. В конце концов Аликс это возмутило. Ее любимый, которого она почитала, – наследник престола. Если этот великан, с которым она была почти незнакома, скончается, царем станет ее суженый. Однако на него смотрят как на пустое место.

Многие из испытываемых ею чувств Аликс выразила в знаменитой записи в его дневнике: «Дорогое дитя! Молись Богу, Он поможет тебе не падать духом, Он утешит тебя в твоём горе. Твое Солнышко молится за тебя и за любимого больного... Будь стойким и прикажи доктору Лейдену и другому Г. приходить к тебе ежедневно и сообщать, в каком состоянии они его находят, а также все подробности относительно того, что они находят нужным для него сделать. И если д-ру что-нибудь нужно, пусть приходит прямо к тебе. Не позволяй другим быть первыми и обходить тебя. Ты – любимый сын отца, и тебя должны спрашивать и тебе говорить обо всем. Выяви твою личную волю и не позволяй другим забывать, кто ты. Прости меня, дорогой!»

Страдания царственного больного продолжались все десять дней, которые прошли после приезда Аликс в Ливадию. «Окружающие встретили ее холодно, в особенности княжна А. А. Оболенская и графиня Воронцова. Ей было тяжело и одиноко; не нравились ей шумные обеды наверху... собравшейся семьи, в такой момент, когда... доживал свои последние дни и часы государь», – писала впоследствии А. А. Вырубова.

Днем 20 октября (1 ноября) 1894 года Александр III скончался. Мария Федоровна, подхваченная Аликс, упала в обморок. «Боже мой, Боже мой, что за день! Господь отозвал к себе нашего обожаемого, дорогого, горячо любимого Папа. Голова кругом идет, верить не хочется – кажется до того неправдоподобной ужасная действительность. Все утро мы провели наверху около него! Дыхание его было затруднено, требовалось все время давать ему вдыхать кислород. Около половины 3-го он причастился Св. Тайн; вскоре начались легкие судороги... и конец быстро настал! О. Иоанн больше часу стоял у его изголовья и держал за голову. Это была смерть святого! Господи, помоги нам в эти тяжелые дни! Бедная дорогая Мама!...»

Никто не осознал в большей мере значение кончины царя, чем двадцатилетний цесаревич, унаследовавший его трон.

«В эту минуту в первый и в последний раз в моей жизни я увидел слезы в его голубых глазах. Он взял меня под руку и повел вниз в свою комнату. Мы обнялись и плакали вместе. Он не мог собраться с мыслями. Он сознавал, что сделался императором, и это страшное бремя власти давило его», – вспоминал великий князь Александр Михайлович, двоюродный дядя молодого царя.

«Сандро, что я буду делать? – патетически воскликнул он. – Что будет теперь с Россией? Я еще не подготовлен быть царем! Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами».

В конце дня, когда в гавани Ялты еще грохотали орудия кораблей, отдавая последний долг почившему в бозе монарху, перед дворцом был установлен алтарь. Придворные, чинов-

ники, слуги и члены царской семьи встали полукругом, и священник в золотых ризах совершил чин присяги новому императору, Николаю II.

На следующее утро весь дворец был драпирован черным крепом. На Черном море бушевал шторм. Пришли бальзамировщики и занялись телом усопшего царя; в этот день православные священники, совершив таинство миропомазания, приобщили протестантскую немецкую принцессу к святому православию и нарекли ее Александрой Феодоровной. Поздно утром того же дня новый царь, его высоконазначенная невеста и императрица-мать отправились в дворцовую церковь на богослужение.

«И в глубокой печали Господь дает нам тихую и светлую радость, – записал Николай Александрович. – В 10 часов в присутствии только семейства моя милая дорогая Аликс была миропомазана, и после обедни мы причастились вместе с нею, дорогой Мама и Эллой. Аликс поразительно хорошо и внятно прочла свои ответы и молитвы!»

Когда все вернулись во дворец, новый император издал первый свой манифест. В нем указывались новое вероисповедание, новый титул и новое имя прежней принцессы Гессенской, Аликс, внучки королевы Виктории. Манифест гласил: «Сегодня совершенно Св. Миропомазание над нареченной невестой нашей. Прияв имя Александры, она стала дочерью Православной нашей Церкви, к великому утешению нашему и всей России».

Смерть могучего царя Александра III в возрасте сорока девяти лет явилась ударом для России. Для похорон ничего не было подготовлено, и пока шел обмен телеграммами между Крымом и Санкт-Петербургом, тело усопшего государя целую неделю находилось в Ливадии. Бракосочетание, которое, как вначале предполагалось, должно было состояться весной следующего года, по настоянию Николая Александровича было перенесено на более ранний срок. Взвалив на себя тяжкую ношу царского служения, он не желал лишиться поддержки единственного близкого человека, внушавшего ему доверие.

«Мама, некоторые другие и я находим, что всего лучше сделать свадьбу здесь спокойно, пока еще дорогой Папа под крышей дома, – записал он 22 октября в дневнике, – а все дяди против этого и говорят, что мне следует жениться в Питере, после похорон».

Четыре дяди Николая, братья покойного императора, были независимыми, волевыми людьми, имевшими большой вес в семействе Романовых. И они настояли на том, чтобы бракосочетание их молодого племянника, слишком важное в жизни страны событие, прошло не в узком кругу в Ливадии, а в столице. Между тем непрерывно шли богослужения. Члены царской семьи целовали усопшего императора в мертвые уста и дважды в день ходили в часовню молиться за упокой его души. «В 6½ началась тяжелая церемония переноса тела дорогого Папа в гробу в большую церковь, – записал 25 октября Николай Александрович. – Казаки несли гроб на носилках... Вернулись в пустой дом, разбитые нравственно. Тяжелое испытание послал нам всем Господь!»

В конце недели, задрапированный алым, сопровождаемый опечаленной царской семьей, гроб доставили из Ялты в Севастополь на пароходе «Память Меркурия» под сенью Андреевского флага. В порту ждал состав. Когда траурный поезд ехала по Украине, к железнодорожному полотну группами подходили крестьяне, чтобы проводить усопшего царя в последний путь. Останавливались в Борках и Харькове для панихид. Затем – в Курске, Орле и Туле, где в присутствии местного дворянства и чиновного люда тоже совершались панихиды. В Москве гроб установили на колесницу и повезли в Архангельский собор, оставив там его на ночь. Ноябрьское небо затянуло свинцовыми тучами, мокрый снег хлестал в лица солдат и тысяч москвичей, вышедших на улицы проститься с царем. Прежде чем траурный кортеж добрался до Кремля, было десять остановок для литий возле церквей. В Санкт-Петербурге у вокзала стояли красные с золотом кареты, которые повезли царскую семью по улицам, покрытым мокрым снегом. Целых четыре часа двигалось траурное шествие к собору Петра и Павла, служившему местом упокоения царей династии Романовых начиная

с Петра I. Во всех частях столицы слышен был лишь приглушенный бой обтянутых крепом барабанов, грохот карет по мостовой да заунывный колокольный звон. Великая княжна Александра Федоровна, закрыв плотной вуалью лицо, ехала одна позади остальных членов царской семьи. Молчаливая толпа силилась разглядеть свою будущую императрицу. «Женщины в толпе, набожно осеняя себя крестным знамением, шептались, указывая на молодую царицу: „Она вошла к нам позади гроба, она приносит нам несчастье“».

Проводить в последний путь русского императора прибыли короли Греции, Дании и Сербии. Принц Уэльский Эдуард вместе с сыном, герцогом Йоркским Георгом, представляли королеву Викторию; принц Генрих Прусский представлял своего брата кайзера Вильгельма. В течение той недели мраморные дворцы Санкт-Петербурга собрали в своих стенах восемьдесят одного представителя владетельных домов Европы, каждого со своей свитой. Отдать последний долг государю прибыли министры, высшие чины армии и флота, губернаторы и четыреста шестьдесят делегатов из разных концов России.

«Принимал массу депутатов... Погулял немного в саду, голова кругом ходила», – записал Николай Александрович. Во время обеда, устроенного в честь заморских принцев, он «чуть не разревелся, садясь за стол, – до того было тяжело видеть подобную обстановку, когда на душе камень».

Семь дней лежало в открытом гробу тело усопшего в бозе государя. Тысячи подданных прошли мимо катафалка, рядом с которым стоял священник, читавший заупокойные молитвы. Представители всех царствующих домов дважды в день проезжали по мокрым улицам, чтобы присутствовать на панихиде. Будущий английский король Георг V писал своей жене Мэри: «Ежедневно после обеда устраивалась еще одна служба в церкви. После службы мы поднимались к открытому гробу, чтобы поцеловать икону, которую держал в руках император. Когда я склонился к нему, я был потрясен, увидев так близко от себя его дорогие черты. У него такое прекрасное, спокойное лицо; но, разумеется, он сильно изменился. Уже две недели прошло со дня его кончины».

Среди священников и их молитв, комнат и улиц, задрапированных крепом, печальных лиц, слез и рук, ломаемых в горе, Александра старалась скрыть свою радость. «Представь мои чувства, – писала она сестре. – Один день ты в глубочайшем трауре, оплакиваешь любимого человека, на другой день облачаешься в роскошные платья для бракосочетания. Более значительный контраст трудно вообразить, но именно это обстоятельство еще больше сблизило нас, если это возможно». «Так я въехала в Россию, – рассказывала своей фрейлине государыня. – Государь был слишком поглощен событиями, чтобы уделить мне много времени, и я холодела от робости, одиночества и непривычной обстановки. Свадьба наша была как бы продолжением этих панихид – только что меня одели в белое платье». Свадьба проходила в Зимнем дворце. Те, кто видели государыню в тот день, говорили, что «она была бесконечно грустна и бледна».

Бракосочетание состоялось 14 ноября, через неделю после похорон Александра III. День бракосочетания совпал с днем рождения вдовствующей императрицы Марии Федоровны, и по этому поводу протоколом разрешалось некоторое послабление траура. Одетые в белое, Александра Федоровна и Мария Федоровна вместе ехали по Невскому проспекту к Зимнему дворцу. Перед знаменитым золотым зеркалом, которым пользовались все русские великие княжны в день своего бракосочетания, невесту одели дамы императорской фамилии. Ее облачили в старинное русское придворное платье из серебристой тафты со шлейфом из золотой парчи, отороченной горностаем. Взяв с красной бархатной подушечки усыпанную алмазами диадему, вдовствующая императрица собственноручно возложила ее на голову невестки. Обе женщины вместе прошли по галереям в дворцовую церковь, где их ждал жених – в сапогах и гусарском доломане. С зажженными свечами в руках Николай и Александра обратили свои лица к митрополиту. Обряд венчания был завершен около часу.

Александра сияла от счастья. «Она выглядела удивительно прекрасной», – отметила принцесса Уэльская. Герцог Йоркский Георг написал в Англию жене: «По-моему, Ники очень повезло: у него такая красивая и очаровательная жена. Должен признаться, никогда еще я не видел пары более любящей и более счастливой, чем они. Я сказал, что желаю им лишь одного – чтобы они были столь же счастливы, как мы с тобой. Правда ведь?»

По причине траура после бракосочетания не было ни приема, ни медового месяца. Молодая чета сразу же вернулась в Аничков дворец. «Когда они ехали после бракосочетания из Зимнего дворца, огромные толпы народа встретили их бурной овацией, – писал королеве Виктории Георг. – Приветствия были искренними, и это напомнило мне Англию... Ники был воплощенной добротой, он все тот же славный мальчик, каким он был всегда, и говорит со мной обо всем совершенно откровенно... Он все делает спокойно и естественно; на всех это производит огромное впечатление, он уже пользуется большой популярностью». В Аничкове дворец вдовствующая императрица Мария Федоровна уже ждала молодую чету с хлебом-солью. В тот вечер они остались дома, отвечали на поздравительные телеграммы. «Обедали в 8 час., – записал Николай Александрович. – Завалились спать рано, т. к. у нее [Александры Федоровны] сильно разболелась голова».

Супружеская их жизнь, начавшаяся в тот день, не была омрачена ничем до самого конца их жизни. То был викторианский брак – внешне торжественный и чинный, но основанный на страстной взаимной любви. Перед брачной ночью Александра записала в дневнике мужа: «Наконец-то мы соединены, связаны узами на всю жизнь, и когда эта жизнь кончится, мы снова встретимся в мире ином и останемся навечно вместе. Твоя, твоя». На следующее утро, переполненная новыми, неизведанными чувствами, она написала: «Никогда не думала, что на свете бывает такое счастье, такое чувство единения двух земных существ. Я люблю тебя, в этих трех словах вся моя жизнь».

В ту первую зиму молодые занимали шесть комнат Аничкова дворца, хозяйкой которого была вдовствующая императрица. Из-за спешки, связанной с бракосочетанием, Николай Александрович не успел позаботиться о собственном гнезде и въехал с молодой женой в комнаты, которые он в детстве занимал вместе с братом Георгием. Владея целым континентом, молодой царь вел государственные дела расположившись в небольшой гостиной, а двадцатидвухлетняя императрица находилась в соседней комнате, где занималась русским языком. Когда Николай выкраивал свободное время, он заходил к жене, чтобы поболтать и выкурить папиросу. Поскольку в их комнатах столовой не было, Николай и Александра трапезничали у «дорогой Мама».

Молодым досаждала не теснота занимаемых ими помещений, а долгие часы разлуки. «День был преисполнен суеты... и затем я принимал, – досадовал государь, – так что за все утро виделся с милой Аликс только час... Невообразимо счастлив с Аликс, жаль, что занятия отнимают столько времени, которое так хотелось бы проводить исключительно с ней!» Вечером Николай читал супруге по-французски, поскольку ей хотелось совершенствоваться в языке, на котором говорили при дворе. Начали они с чтения новелл Альфонса Доде и книги, описывающей ссылку Наполеона на остров Святой Елены.

Иногда вечером, закутав Александру в меха, царь усаживал ее рядом с собой в санки, и они неслись по заснеженным улицам и площадям города. Вернувшись домой, надевали домашние халаты и, устроившись перед затопленным камином, затевали поздний ужин.

В последний день 1894 года Николаю вспомнились памятные его события. В дневнике он записал: «Тяжело было стоять в церкви при мысли о той страшной перемене, которая случилась в этом году. Но, уповая на Бога, я без страха смотрю в наступающий год – потому что для меня худшее случилось, именно то, чего я так боялся всю жизнь! Вместе с таким непоправимым горем Господь наградил меня также и счастьем, о каком я не мог даже мечтать, – дав мне Аликс».

Существовали и проблемы, общие для всей семьи. Искренне жалея внезапно овдовевшую родительницу, Николай Александрович пытался утешить ее своим присутствием, ужинал в ее обществе и часто оставался у матери после ужина. Первые месяцы своего правления Николай II советовался с вдовствующей императрицей по государственным делам, и та щедро давала ему наставления, не подозревая, что такое ее отношение к сыну может прийти не по нраву невестке. В глазах Марии Федоровны невестка по-прежнему была неуклюжей немецкой девушкой, совсем недавно прибывшей в Россию и не имеющей ни знаний, ни опыта ведения государственных дел. Когда траур окончился, вдовствующая императрица вернулась к яркой светской жизни, занялась нарядами, драгоценностями. Ее часто видели на Невском в открытом экипаже или саних, запряженных парой холеных вороных коней в сопровождении рослого чернобородого казака, стоящего на запятках. Согласно протоколу русского двора, вдовствующая императрица имела преимущество перед молодой царицей. Во время церемоний Мария Федоровна, облаченная в белое платье, украшенная алмазами, выступала впереди, опираясь о руку сына; между тем как молодая государыня, поддерживаемая кем-нибудь из великих князей, следовала сзади. Ведущая роль вдовствующей царицы настолько бросалась в глаза молодой императрице, что, узнав, насколько этим огорчена невестка, Мария Федоровна удивилась и обиделась.

Что касается Александры Федоровны, та чувствовала себя как любая другая молодая жена. Она была потрясена внезапным ударом, обрушившимся на Марию Федоровну, и первой ее реакцией было сочувствие. Однако вскоре совместное проживание под одной крышей и борьба за Николая Александровича начали сказываться в отношениях двух женщин. Во время трапезы Александра Федоровна чувствовала себя оскорбленной вдвойне. Пренебрегали не только ею: с возлюбленным ею Ники старая императрица обращалась словно со школьником. Между матерью императора и его женой возникло глухое соперничество, которое стало разрастаться.

Особенно раздосадовал молодую царицу один эпизод. Некоторые драгоценные украшения по традиции переходили от вдовствующей императрицы к новой государыне, да и придворный протокол обязывал Александру Федоровну надевать их для официальных церемоний. Однако у императрицы-матери была страсть к драгоценностям, и, когда Николай обратился к матери с просьбой передать их невестке, пожилая царица ошетинилась и отказалась это сделать. Уязвленная Александра заявила, что вообще не станет надевать никаких украшений. Чтобы избежать скандала, Мария Федоровна уступила.

Подобно многим молодым женщинам, недавно вышедшим замуж, Александре Федоровне было трудно сразу привыкнуть к новому укладу жизни. «Все еще не могу убедить себя, что я замужем, – писала она. – У меня такое впечатление, словно я тут в гостях». Она испытывала то отчаяние, то блаженство.

Своей подруге, графине Рантцау, императрица писала: «Я чувствую, что все, кто окружает моего мужа, неискренни и никто не исполняет своего долга ради долга и ради России; все служат ему из-за карьеры и личной выгоды, и я мучаюсь и плачу целыми днями, так как чувствую, что мой муж очень молод и неопытен, чем все пользуются». Государыня была целыми днями одна. Государь днем был занят с министрами, вечера же проводил со своей матерью (жившей тогда в том же Аничковом дворце). Но в Рождество того же года она писала одной из своих сестер: «Как довольна и счастлива я со своим любимым Ники». В мае она записала у него в дневнике: «Вот уже полгода мы женаты. Какой счастливой сделал ты меня, ты даже не представляешь».

Обстановка в семье разрядилась весной 1895 года, когда Николай и Александра уехали на лето в Петергоф, а вдовствующая императрица надолго отправилась к родным в Копенгаген. И, самое главное, Александра поняла, что у нее будет ребенок. К сестре приехала в гости великая княгиня Елизавета Федоровна. Обе молодые женщины занимались живопи-

сю, шили, катались в карете по парку. Николай и Александра удивлялись скорости, с какой рос в материнском чреве младенец. «Дите стало очень велико и прыгает и дерется внутри очень сильно», – писал вдовствующей императрице будущий отец. Ожидая ребенка, Александра затеяла ремонт и переделку их первого собственного жилища в Александровском дворце в Царском Селе, расположенном в двадцати четырех верстах к югу от Санкт-Петербурга. В письме от 16 сентября 1895 года император писал: «Оба были в грустном настроении, покидая Петергоф, а, главное, наш маленький дом у моря, где мы так спокойно провели первое лето вместе! Но когда мы вошли в комнаты Аликс, – продолжал Николай Александрович, – ...печальное настроение прошло, и в нас поселилось великое удивление к тому, что мы увидели. Теперь чувство удивления сменилось наслаждением... Бывает, что, когда мы сидим в одной из комнат, мы просто молчим и смотрим на стены, камин и мебель... Два раза ходили мы наверх в будущую „детскую“, тоже комнаты вышли замечательно чистые, светлые и уютные».

И Николай, и Александра надеялись, что у них родится мальчик, который станет первым с восемнадцатого века наследником, родившимся у царствующего монарха. В середине ноября, когда подошло время родов, приехала, полная радужных надежд, императрица Мария Федоровна. «Разумеется, вы дадите мне знать, как только появятся первые симптомы? – писала она сыну. – Я примчусь к вам, дорогие мои дети, и я не стану вам помехой, а, как городской, буду отгонять всех от вас».

Когда у Александры начались схватки, возле орудий Кронштадта и Петропавловской крепости заняли свои места артиллеристы. Триста залпов должны были означать появление наследника-мальчика, сто один – девочки. Наконец загрохотали орудия. Прозвучало девять-сто девять залпов... сто... сто один... Но сто второго залпа не последовало. Первым ребенком, родившимся у царя Николая II и императрицы Александры Федоровны, была дочь, великая княжна Ольга Николаевна. При рождении она весила девять фунтов (4,1 кг).

Радость, которую принесло рождение первенца, заставила молодых родителей забыть о том, что это не мальчик, а девочка. Когда отцу всего двадцать семь, а матери двадцать два года, кажется, что впереди вечность, что дети еще появятся. Александра сама кормила, мыла дочь, баюкая, пела ей колыбельные песни. Пока Ольга спала, мать, сидя у колыбели, вязала одну за другой кофточки, чепчики и носочки. «Представь себе наше несказанное счастье, ведь у нас такая славная малышка, которую мы холим и лелеем», – писала Александра Федоровна.

Глава пятая

Коронация

Весной, когда на Неве, по которой всю зиму ездили на санях и ходили пешком, затрещал лед, мысли всех подданных империи были заняты предстоящей церемонией коронации. Шел 1896 год, двенадцатимесячный траур окончился; в мае новому императору предстояло короноваться в Москве.

Понимая, что сорокадевятилетней вдовствующей императрице церемония коронации напомнит о скоропостижной смерти Александра III, Николай Александрович попытался утешить мать: «Мне кажется, что мы должны смотреть на все эти тяжелые церемонии в Москве как на великое испытание, посланное Богом, когда на каждом шагу приходится повторять то, что пережили мы в чудные светлые дни 13 лет тому назад! Одна только мысль меня утешает, а именно, что больше в нашей жизни не придется совершать этот обряд, потом уже все будет ровно и спокойно», – отметил он в письме от 27 апреля 1896 года.

Коронация русского царя представляла собой событие, освященное историей и традициями. Церемония должна была пройти в Москве: такому торжественному, важному для всей страны событию не следовало происходить в Северной столице, этом искусственно созданном на западный манер городе.

Согласно обычаю, некоронованный царь мог въехать в древний город лишь за день до коронования. Прибыв в Москву, царская семья отправилась в Петровский дворец в предместье города, где Николай Александрович и Александра Федоровна постились и читали молитвы.

В это время москвичи красили и белили здания, украшали зеленью подъезды, вывешивали трехцветные бело-сине-красные флаги. С каждым часом в город прибывали новые тысячи гостей. Эскадроны казаков проносились мимо скрипучих телег, битком набитых крестьянками в пестрых платках – алых, желтых, синих и оранжевых. Из вагонов высаживались рослые сибиряки в полушубках, кавказцы в алых чекменях, турки в красных фесках, кавалерийские генералы в красных черкесах с золотыми позументами. У всех горожан было радостное настроение: коронация – это не только веселье, нарядные толпы и угощение, но еще и трехдневный праздник, амнистия для заключенных, отмена штрафов и пошлин.

25 мая, в день въезда Николая Александровича в Москву, сияло солнце, отражаясь в золотых куполах и окнах домов. Сдерживая толпу, вдоль семикилометрового пути по обеим сторонам дороги выстроились войска. На балконах и в окнах домов было полно народу. На одном из специально сооруженных помостов сидела Матильда Кшесинская. «Как трудно было мне видеть коронационную процессию, когда мимо трибуны, где я сидела, проходили в коронах и порфирах... Ники со своей женой», – писала она впоследствии.

В два часа появилось шествие. Открывали его эскадрон кавалергардов и эскадрон лейб-гвардии конного полка. Солнце сияло на их золоченых касках и кирасах. За ними на белом коне, кованом на серебряные подковы серебряными гвоздями, ехал царь в мундире полковника Преображенского полка – первого и старейшего полка русской гвардии. Вслед за царем и сопровождающими его ехали золоченые кареты двух императриц, а за ними – великих княгинь и иностранных принцесс.

Лицо у государя было осунувшееся, бледное от волнения. Поводья он держал в левой руке, правой прикасался к козырьку. В карете Екатерины II, украшенной сверху короной и запряженной восьмеркой белых лошадей, ехала вдовствующая императрица. Мария Федоровна улыбалась и кланялась москвичам. В такой же карете сидела и Александра Федоровна в платье из серебристой тафты, усыпанном жемчугом, в бриллиантовом ожерелье, сверкав-

шем в солнечных лучах. Улыбаясь и кланяясь налево и направо, обе царицы следом за царем через Никольские ворота въехали в Кремль.

26 мая, в день коронования, небо над Москвой было голубое, безоблачное. На разукрашенных конях выезжали герольды в средневековых плащах из золотой парчи и читали царский манифест о короновании. В Кремле на ступенях Красного крыльца камер-лакеи расстелили алый бархатный ковер, протянув его до Успенского собора, где должна была состояться церемония. Напротив были сооружены деревянные помосты. Вдоль помостов на расстоянии двух-трех шагов стояли в полной парадной форме солдаты гвардейской кавалерии с палашами и саблями наголо.

Николай Александрович и Александра Федоровна встали на заре. Пока цирюльник убирал императрице волосы, царь сидел рядом и, чтобы успокоить супругу, непринужденно беседовал с ней. С помощью фрейлин государыня пыталась застегнуть тяжелое коронационное платье. Николай Александрович возложил на голову жены корону в том положении, в каком она должна будет находиться при коронации. Подошел парикмахер, держа в руке усыпанную алмазами булавку, чтобы закрепить корону. Булавка вошла слишком глубоко в прическу, и молодая царица вскрикнула от боли. Смущенный цирюльник поспешно ретировался.

Во главе процессии, спускавшейся по Красному крыльцу, шли бородатые священники в золотых ризах, за ними следовала вдовствующая императрица, ее шлейф поддерживали несколько человек. Наконец наверху показались Николай Александрович и Александра Федоровна. На груди императора была орденская лента. Рядом с ним выступала государыня в платье из серебристой тафты с красной лентой через плечо. На шее у нее была нитка розовых жемчужин. Двигались они медленно, в сопровождении камер-пажей, несших шлейф. По обе стороны императорской четы шли другие сопровождающие, несшие парчовый балдахин, над которым развевались страусовые перья. Стоя у Красного крыльца, чета поклонилась народу и остановилась перед священниками, которые окропили их обоих святой водой, после чего священнослужители поочередно поцеловали руки царю, и тот с молодой царицей вошел в Успенский собор.

Пятиглавый собор внутри весь залит светом. Алтарь отгорожен усыпанным самоцветами иконостасом. Свет, проникавший сверху, и пламя сотен свечей отражались от граней алмазов и золотых окладов икон, блики их падали на лица молящихся. Певчие, одетые в серебристые и голубые одежды, наполняли собор звуками православных песнопений. У алтаря стояли все три митрополита – московский, петербургский и киевский, архиепископы, епископы и архимандриты. На их митрах сверкали алмазы, сапфиры, рубины и жемчуга.

Вся середина собора была занята огромным помостом, в глубине которого стояли три трона: средний – для царя, правый – для вдовствующей, левый – для молодой императрицы. Царь сел на Алмазный трон XVII века царя Алексея Михайловича, сплошь усыпанный бриллиантами и жемчугами. Свое название трон получил от 870 алмазов, которыми он был украшен: в каждом подлокотнике было 85 бриллиантов, 144 рубина и 129 жемчужин. Александра Федоровна восседала на знаменитом троне из слоновой кости, привезенном в Россию из Византии в 1472 году невестой Ивана III, великого князя Московского, Софьей Палеолог.

Церемония коронования продолжалась пять часов. После обедни наступило время торжественного облачения царя и царицы. Александра Федоровна опустилась на колени, а митрополит молился за царя. В то время, когда все присутствующие стояли, царь один, на коленях, молился за Россию и русский народ. После таинства священного миропомазания император произнес клятву править Россией и сохранять самодержавие, как император и самодержец всея Руси¹³. Затем царь в первый и последний раз в своей жизни вошел в

¹³ Полный титул императора был таков: «Божиею поспешествующею милостию, мы, Николай Второй, Император

Царские врата, через которые обычно могло проходить только духовенство, и направился к престолу. И тут случилась беда. «Как камергер императорского двора, – вспоминал Извольский, – я был назначен вместе с шестью другими камергерами поддерживать императорскую мантию, которую император надевал во время ритуала вручения ему скипетра и державы перед возложением на голову императорской короны... Когда император подходил к алтарю, чтобы совершить обряд помазания, бриллиантовая цепь, поддерживающая орден Андрея Первозванного, оторвалась от мантии и упала к его ногам. Один из камергеров поднял ее и передал министру двора графу Воронцову, который положил ее в карман. Это произошло так быстро, что никто, кроме тех, кто стоял близко, этого не заметил. Позднее они присягнули молчать об инциденте, чтобы народ не счел это дурным предзнаменованием».

По традиции, взяв корону из рук митрополита, царь должен был сам возложить ее на себя. Готовясь к коронации, Николай II намеревался использовать для этого шапку Мономаха, которой, согласно преданию, короновался Владимир Мономах, правитель Киевской Руси, живший в XII веке. Помимо того что она послужила бы свидетельством преемственности царя русской истории, шапка Мономаха имела то преимущество, что весила всего два фунта. Но существовало железное правило, запрещавшее это, и молодой император надел на себя огромную девятифунтовую корону. «Большая императорская корона была сделана знаменитым Позье, придворным ювелиром Екатерины II, в 1762 году; она представляла собой митру и была увенчана крестом из пяти громадных бриллиантов, объединенных вместе негнанным рубином. Пояс, окружавший голову, состоял из двадцати больших бриллиантов. Одиннадцать больших бриллиантов находились в чешуйчатом изгибе, которым поддерживался крест, а в обручах с каждой стороны находилось по тридцати восьми розовых жемчужин», – писал великий князь Александр Михайлович. Сняв корону со своей головы, царь согласно церемониалу коснулся ею головы императрицы. Потом возложил ее на собственную голову, а царице надел другую корону, поменьше. Церемония окончилась тем, что вдовствующая императрица и все члены царской семьи подошли к коронованному самодержцу всея Руси, чтобы присягнуть ему в своей верности.

Несмотря на продолжительность церемонии, писала молодая царица одной из своих сестер, она ничуть не устала: так сильны были охватившие ее чувства. Церемония эта явилась как бы таинством, обручившим ее с Россией. Девушки, родившейся в Дармштадте и получившей воспитание в Англии, больше не существовало. Александра Федоровна верила всей душой, что теперь она не только императрица, но и царица-матушка всего русского народа.

«При выходе из собора царя и царицу ожидал большой балдахин. Царские горностаевые мантии с двуглавыми орлами несли высшие гражданские сановники. Поднявшись на Красное крыльцо, императорская чета трижды поклонилась собравшимся. Могучее „ура“ вырвалось из тысяч глоток. В воздухе стоял колокольный звон московских „сорока сороков“, смешавшийся со звуками военных оркестров, игравших гимн».

В числе семи тысяч гостей на парадном обеде в Грановитой палате, кроме великих князей и принцев королевской крови, эмиров и послов, были простолюдины, облаченные в обыкновенную одежду; они занимали отдельную палату. Они пришли туда по праву, пере-

и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсониса Таврического, Царь Грузинский; Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Карельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новагорода низовские земли, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея северных страны Повелитель; и Государь Иверския, Карталинския и Кабардинския Земли и области Арменския; Черкасских и Горских князей и иных Наследный Государь и Обладатель; Государь Туркестанский; Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голстинский, Стормарн-ский, Дитмарсенский и Ольденбургский и прочая, и прочая, и прочая».

даваемому по наследству: то были потомки тех, кто в разное время спас жизнь царя. Наиболее почитаемыми были потомки старого крестьянина Ивана Сусанина, который и под пытками не выдал полякам место, где скрывался молодой Михаил Романов, вскоре положивший начало династии Романовых. На столах – а их были сотни – гости могли видеть перевязанные шелковым шнурком пергаментные свитки, на которых старинными буквами было напечатано меню: борщ, похлебка, голубцы с мясом, вареная рыба, барашек, зажаренный целиком, рябчики в сметане, салат, спаржа, фрукты в вине и мороженое.

По старинной традиции царь и царица обедали одни на помосте под парчовым балдахинном; за ними наблюдал цвет русского дворянства. Золотые блюда с яствами, которые подносили депутации от сословий, подавались государю и государыне высшими придворными сановниками. Во время продолжительной трапезы один за другим поднимались со своих мест послы иностранных держав, провозглашая тосты за здоровье императорской четы. После обеда царь и царица приветствовали остальных гостей, проходя по просторным кремлевским палатам, драпированным синим шелком и уставленным золочеными стульями. Весь день царь не снимал с головы огромную корону, которая была надвинута почти на самые глаза. Шрам, оставленный на его лбу японским фанатиком, оказался прижатым краем короны, отчего у государя разболелась голова. Императрица шла рядом, шлейф ее нес десяток пажей.

Во время праздничного бала, устроенного по случаю коронации, Кремль сверкал огнями, гремел музыкой. Платья, в которых щеголяли русские дамы, по мнению заморских гостей, потрясали воображение. На дамах были тиары, ожерелья, браслеты, перстни и серьги, подчас с рубинами величиной с яйцо малиновки. Великая княгиня Ксения Александровна, сестра Николая II, и его свояченица великая княгиня Елизавета Федоровна были сплошь усыпаны изумрудами. Другие дамы щеголяли сапфирами и рубинами. Талию государыни украшал бриллиантовый пояс. У самого императора вся грудь была в алмазах. Такое обилие драгоценностей могло повергнуть в смятение любого.

В ту ночь во всех частях Москвы была устроена иллюминация. Императрице вручили букет роз, под которым на золотом блюде была спрятана кнопка. Стоило нажать на нее, как разом вспыхивали электрические лампочки, освещавшие кремлевские храмы и светские здания. На улицах и в домах москвичей горели миллионы свечей. Москва салютовала новому императору.

День, наступивший после коронования, должен был принадлежать жителям и гостям Москвы. Великий князь Сергей Александрович, московский генерал-губернатор, распорядился, чтобы для народа на окраине Москвы приготовили угощение; на этом празднике должны были присутствовать и царь с царицей. Целыми телегами привозились эмалевые кружки с императорским вензелем, которые должны были раздаваться в качестве сувениров; для бесплатного угощения доставили множество бочек пива.

Для народного гулянья было выбрано Ходынское поле, служившее полигоном для инженерных войск и изрытое неглубокими траншеями и рвами, закрытыми сверху щитами из досок. То было единственное в Москве место, способное вместить сотни тысяч горожан и приезжих, желающих увидеть молодого государя и царицу.

Накануне вечером на Ходынку пришли тысячи гуляк, так и не сомкнувших глаз. К рассвету собралось с полмиллиона человек, некоторые из них были уже пьяны. Появились телеги, нагруженные кружками и бочками с пивом. Их огородили непрочными деревянными перилами. Толпа с любопытством наблюдала за происходящим, потом стала продвигаться поближе – с самыми лучшими намерениями. Вдруг кто-то пустил слух, будто телег доставлено меньше, чем ожидалось, и что пива хватит только тем, кто доберется до бочек первыми. Толпа устремилась вперед. Эскадрон казаков, прибывший для поддержания порядка, был сметен прочь. Не выдержав тяжести, доски ломались, люди падали во рвы. Толпа сбивала

с ног, затаптывала в грязь женщин и детей. Тысячи ног промчались по изувеченным, гибнущим от удушья людям.

К тому времени, когда подросла полиция и дополнительные отряды казаков, Ходынка напоминала поле битвы. Сотни людей погибли, тысячи были ранены. Пополудни все городские больницы оказались заняты пострадавшими. Все знали, что произошло. Государь и государыня были потрясены известием о случившемся. Царь решил удалиться в монастырь и заявил, что не сможет отправиться на торжественный бал, который давал в тот вечер французский посол граф (позднее маркиз) де Монтебелло. И снова вмешались дяди, сплотившиеся вокруг великого князя Сергея Александровича. Французское правительство прислало для украшения бала бесценные гобелены и серебряную посуду из Парижа и Версаля, с юга Франции было доставлено сто тысяч роз. Дяди императора настояли на том, чтобы царь не придавал особого значения катастрофе и не отменял бала, чтобы не обидеть французов, своих единственных европейских союзников. К сожалению, молодой император уступил им.

«Предполагали, что, хотя бал будет, – вспоминал С. Ю. Витте, министр финансов, – ...их величества не приедут... Но приехали государь и императрица; открылся бал... первый контрданс государь танцевал с графиней Монтебелло... Впрочем, государь вскоре с этого бала удалился». Праздник получился невеселый. «Императрица казалась удрученной, веки ее покраснели от слез», – докладывал королеве Виктории британский посол. Александр Извольский, впоследствии ставший русским министром иностранных дел, писал: «Могу засвидетельствовать, что Николай II был опечален происшедшим, и первым его движением было приказать прекратить празднества и удалиться в один из монастырей в окрестностях Москвы, чтобы дать ясное выражение своего горя... Но некоторые... указывали, что это произведет дурное впечатление на иностранных представителей, собравшихся в Москву».

На следующий день государь и государыня присутствовали на панихиде по погибшим в катастрофе, посетили несколько больниц, где лежали раненые. Император распорядился, чтобы погибшие были похоронены за его счет, в отдельных гробах, а не в братской могиле, как бывало в подобных случаях. Из личной казны царя семьям погибших или пострадавших было выплачено по тысяче золотых рублей. Но никакие его усилия не смогли изгладить из памяти это ужасное событие. Многие простолюдины видели в случившемся недоброе предзнаменование. Что же касается интеллигентствующих и злобствующих кругов русского общества, о тех и говорить нечего. Они постарались воспользоваться этим случаем, чтобы представить государя и его «немку» как людей ограниченных и черствых.

После коронации царю и императрице полагалось отправиться в путешествие, нанося государственные и частные визиты вежливости представителям царствующих домов. Летом 1896 года царь и царица поехали в Вену навестить престарелого императора Австро-Венгрии Франца-Иосифа, посетили кайзера Вильгельма в Бреслау и провели десять спокойных дней в Копенгагене в гостях у родителей вдовствующей императрицы Марии Федоровны, датского короля Христиана IX и королевы Луизы. В сентябре, взяв с собой десятимесячную Ольгу, императорская чета отплыла в Англию, чтобы повидать королеву Викторию.

Королева находилась в это время в горах Шотландии, в огромном, украшенном башнями замке Балморал. Под проливным дождем императорская яхта «Штандарт» встала на якорь на рейде Лейта, и дядя Берти – принц Уэльский – поднялся на борт судна, чтобы предложить свои услуги в качестве проводника в путешествии по диким горам Абердина. Промокнув до нитки, поскольку ехали в открытых экипажах, под вечер путешественники добрались до королевской резиденции. Королева Виктория встретила их на ступенях замка в окружении семейства и свиты. Ее сопровождали шотландские гвардейцы.

Вне себя от радости после долгой разлуки, бабушка и внучка часами сидели рядом, играя с девочкой. В письме, датированном 13 сентября 1896 года, государь, которого оставили на попечение дяди Берти, сообщал императрице-матери: «Она [королева] опять уди-

вительно добра к нам и любезна и страшно рада увидеть Аликс и дочку!.. [Дядюшки] считают своим долгом увозить меня со всеми господами на целый день на охоту, – жаловался он родительнице. – Погода стоит пакостная, каждый день льет, дует ветер и совсем холодно, и, кроме того, мне не везет, я до сих пор не убил ни одного оленя... Я так рад, что Georgie, по крайней мере, бывает на охотах, хоть с ним можно переговорить о прежнем».

Из Шотландии императорская чета направилась в Портсмут, а оттуда во Францию. В отличие от визита в Англию, представлявшего собой отдых в семейном кругу, посещение Франции стало событием огромного значения для обеих держав. Вопреки различиям в их политических системах, крупнейшая из европейских республик и абсолютная монархия для достижения своих дипломатических целей стали военными союзниками. Начиная с 1870 года, когда Франция, проигравшая Франко-прусскую войну, лишилась своих восточных провинций – Эльзаса и Лотарингии, французские государственные деятели и военачальники мечтали о реванше с помощью неисчислимого воинства русского царя. Со своей стороны, царю Александру III нужен был союз, который нейтрализовал бы гигантскую военную мощь Германской империи, образовавшейся у западных рубежей России. Франция была готова предоставить крупные займы, необходимые русскому императору для реорганизации армии и строительства железных дорог. В 1888 и 1889 годах России под невысокий процент был предоставлен первый из этих займов. В 1891 году в Кронштадт пришли с визитом французские корабли, и всероссийский самодержец, обнажив голову, слушал «Марсельезу». Прежде исполнение этого революционного гимна в российских владениях считалось уголовно наказуемым преступлением. В 1893 году русская эскадра посетила Тулон, а в 1894 году, когда скончался Александр III и трон занял его сын, Россия и Франция заключили договор о союзнничестве. Раймон Пуанкаре, президент Франции, во время Первой мировой войны отмечал в своих «Мемуарах»: «Те из нас, кто возмужал к 1890 году, не могут не вспомнить без особого чувства то потрясающее впечатление, которое произвело на нас миролюбие Александра III».

Николай II был первым русским царем, который посетил Францию после заключения между нею и Россией дружественного союза, и французское правительство оказало ему всяческие почести. Поскольку стоял поздний сентябрь, парижским плотникам было приказано для вящего эффекта украсить знаменитые каштаны искусственными цветами. Через каждые двадцать метров по пути следования царя, чтобы охладить пыл революционеров или анархистов, которым вздумалось бы совершить на него покушение, стояли полицейские. Чтобы встретить русского императора, отплывшего из Англии, в Ла-Манш вышли французские корабли.

Едва на Больших бульварах Парижа появилась коляска Николая II, жители столицы взорвались громкой, долго не смолкающей овацией. Завидев русского царя и императрицу, огромные толпы восторженно размахивали платками и выкрикивали приветствия. Когда во второй карете появилась крохотная Ольга с кормилицей, послышались восторженные возгласы: «Vive le bébé!», «Vive la Grande Duchesse!» и даже «Vive la nounou!»¹⁴. Николай Александрович был растроган. «Могу сравнить ее [встречу в Париже] только с въездом в Москву [для коронации]». Царственные гости посетили собор Парижской Богоматери, Сент-Шапель, Пантеон и Лувр. В Доме инвалидов они осмотрели могилу Наполеона, некогда вторгшегося со своими войсками в Россию. В присутствии государыни Александры Федоровны, стоявшей рядом в голубом атласном платье, Николай II уложил закладной камень моста Александра III через Сену. В Версальском дворце императрице, которой предстояло провести там вечер, предоставили покои Марии-Антуанетты.

Визит царской четы во Францию завершился внушительным парадом войск на берегу Марны. Верхов на золотисто-гнедой лошади русский царь, облачась в казачью форму, раз-

¹⁴ «Да здравствует дитя!», «Да здравствует великая княжна!», «Да здравствует кормилица!» (фр.)

глядывал дефилирующие мимо него французские войска численностью семьдесят тысяч человек. Это были альпийские стрелки, зуавы, спаги – всадники в развевающихся бурнусах, пехотинцы в алых шароварах. «Под конец парада, – по словам государя, – вся кавалерия произвела отличную атаку на трибуны». К вокзалу он ехал по дороге, вдоль которой выстроились батальоны французской пехоты. Из сотен глоток вырывалось дружное: «Vive l'Empereur!»¹⁵

В восторге от оказанного им во Франции приема государь и императрица нехотя отправились домой. «На границу мы приехали в 11 час. веч., – писал родительнице государь. – Мы в последний раз слышали наш гимн. После этого уже пошли немецкие каски, и противно стало смотреть в окно. Там, во Франции, на каждой станции слышалось „ура!“ и видны были добрые и веселые лица, а тут все было черно, темно и скучно!.. Хорошо еще, что пора было спать, днем было бы гораздо грустнее».

Николаю II никогда не забыть этого взрыва чувств, проявленных к нему французами – штатскими и военными, – во время первого его визита во Францию. Со временем эти теплые воспоминания, укоренившиеся в рассудке и сердце молодого государя, сослужат Франции добрую службу.

¹⁵ «Да здравствует Император!» (фр.)

Глава шестая

Новый царь

Вернувшись домой, государь с головой погрузился в работу, «которой боялся всю жизнь». Перед ним лежала гора бумаг, которая росла с каждым днем. Он внимательно изучал документы, писал свои пометы на полях, подписывал рескрипты, приказы о представлении тех или иных лиц к очередному чину или ордену. Не успев набраться опыта, поначалу советовался с родительницей. «Я рассмотрел все дела, прошения и т. д., которые ты мне прислала», – добросовестно докладывал молодой царь. Через две недели императрица-мать ответила сыну: «Жаль, что приходится посылать тебе такую уйму бумаг, но так бывает всегда в начале лета, когда министры уходят в отпуск».

Однако молодой император не всегда следовал рекомендациям Марии Федоровны. Когда та обратилась к сыну с просьбой выдать одной княгине вспомоществование из казны в миллион рублей, Николай Александрович строго отчитал августейшую родительницу. В письме от 13 августа 1895 года он указал: «Я должен поговорить с тобой, милая Мама, о скучных вещах... Что касается прошения или желания княгини Лопух. Дем. о прощении им долга и еще о ссуде из банка 1 миллиона, то я *по совести* должен сказать, что обе просьбы ее удовлетворить невозможно. Я хотел бы видеть, осмелилась бы она заикнуться об этом Папа, – во всяком случае, я слышу тот ответ, который он бы дал ей. Самое большое облегчение, которое ей можно оказать... это простить долг, но после этого подарить ей миллион – это сумасшествие... Хороши были бы порядки в Государственном казначействе, если бы я, за спиной Витте (он теперь в отпуску), отдавал бы тому миллион, этой два и т. д.? Таким способом все то, что было накоплено и что составляет одну из самых блестящих страниц истории царствования дорогого Папа, а именно финансы, будут уничтожены в весьма немного лет».

Гораздо более сложную проблему для государя представляли его дяди – четыре брата покойного императора Александра III. Великий князь Владимир Александрович, самый старший из них – охотник, гурман и покровитель изящных искусств, – командовал Императорской гвардией и был президентом императорской Академии художеств. Алексей Александрович, обладавший большим личным обаянием и огромным животом, одновременно являвшийся главным начальником флота и морского ведомства, слыл бонвиваном международного масштаба, любившим тяжелые корабли и легкомысленных женщин. Сергей Александрович, московский генерал-губернатор, был человеком настолько ограниченным и деспотичным, что запретил своей жене читать «Анну Каренину» из опасения, что книга вызовет нездоровое любопытство или слишком сильные переживания. Лишь Павел Александрович, который был всего на восемь лет старше императора, не доставлял ему никаких хлопот.

«Николай II провел первые десять лет своего царствования, сидя за громадным письменным столом в своем кабинете и слушая с чувством, скорее всего приближающимся к ужасу, советы и указания своих дядей, – вспоминал впоследствии великий князь Александр Михайлович. – Он боялся оставаться наедине с ними. В присутствии посторонних его мнения принимались дядями за приказания, но стоило племяннику и дядям остаться с глазу на глаз, их старшинство давало себя чувствовать... Они всегда чего-то требовали. Николай Николаевич воображал себя великим полководцем, Алексей Александрович повелевал морями, Сергей Александрович хотел бы превратить московское генерал-губернаторство в собственную вотчину, Владимир Александрович стоял на страже искусств. Все они имели, каждый своих, любимцев среди генералов и адмиралов, которых надо было производить и повышать вне очереди, своих балерин, которые желали бы устроить „русский сезон“ в Париже, своих удивительных миссионеров, жаждущих спасти душу императора, своих

чудодейственных медиков, просящих аудиенции, своих ясновидящих старцев, посланных свыше... и т. д.».

Не удивительно, что дяди оказывали на царя огромное влияние: в ту пору, когда их неопытный двадцатилетний племянник неожиданно стал императором, все это были энергичные, сравнительно молодые люди. Когда он ездил в Дармштадт, чтобы сделать предложение Алике, трое из них сопровождали цесаревича. Именно они настояли на том, чтобы бракосочетание состоялось в торжественной обстановке в Санкт-Петербурге, а не в узком семейном кругу в Ливадии. После коронации и ходынской катастрофы они заставили царя отправиться на бал во французское посольство. Их влияние продолжалось долгие годы. И лишь пройдя горнило Русско-японской войны и революции 1905 года, император, которому исполнилось уже тридцать шесть лет, стал освобождаться от этого бремени.

Будучи российским императором, Николай II стал главой Дома Романовых, в распоряжении которого оказалось огромное состояние. «Личные доходы императора Николая II слагались из следующих трех источников: 1) ежегодные ассигнования из средств Государственного казначейства на содержание императорской семьи; эта сумма достигала одиннадцати миллионов рублей; 2) доходы от удельных земель; 3) проценты с капиталов, хранившихся за границей в английских и германских банках. В удельные имения входили сотни тысяч десятин земли, виноградников, охоты, промыслы, рудники, фруктовые сады и пр., приобретенные... прозорливой Екатериной II. В 1914 году стоимость романовских земель оценивалась в 50 миллионов долларов... „Мертвый капитал“ императорской семьи оценивался в сумме 160 миллионов рублей (80 млн долларов), соответствующей стоимости драгоценностей Романовых, приобретенных за триста лет их царствования... наряду со знаменитой Большой императорской короной, включавшей знаменитый бриллиант Орлова в 194½ карата весом, а также вделанный в скипетр „Горную Луну“ – нешлифованный бриллиант около 120 карат – и „Полярную Звезду“ – превосходный бледно-красный рубин 40 карат весом.

Несмотря на эти богатства, личная казна царя часто оказывалась пустой... Как это ни покажется маловероятным, самодержец всероссийский испытывал материальные затруднения... каждый год задолго до конца сметного периода... Государь говорил: „Мы должны жить очень скромно последние два месяца“. Надо было содержать семь дворцов: Зимний и Аничков в Петербурге, Александровский и Екатерининский в Царском Селе, Большой дворец в Петергофе. Содержание Гатчинского и Большого Кремлевского дворца в Москве требовало также больших расходов.

Трем тысячам дворцовых служащих нужно было платить ежемесячно жалованье, давая стол, обмундирование, а вышедшим в отставку – пенсии. Гофмаршал, церемониймейстеры, егеря, скороходы, гоф- и камер-фурьеры, кучера, конюхи, метрдотели, шоферы, повара, камер-лакеи, камеристки и пр. – все они ожидали два раза в год подарков от царской семьи: на Рождество и в день тезоименитства государя. Таким образом, ежегодно тратилось целое состояние на золотые часы с императорским вензелем из бриллиантов, золотые портсигары, брошки, кольца и другие драгоценные подарки.

Затем шли императорские театры: три в Петербурге и два в Москве... Императорский балет, в котором были заняты 153 балерины и 73 танцовщика, не являлся доходным, и все пять императорских театров приносили убытки, покрываемые из средств министерства двора и уделов. На искусство императорской семье надо было ежегодно расходовать 2 миллиона рублей. В 1905 г. к ним прибавилась еще и балетная труппа (Дягилева)... Таковую же... поддержку требовала и императорская Академия художеств... Далее шла самая разнообразная благотворительность, ложившаяся на личные средства государя», – писал великий князь Александр Михайлович.

Даже учащиеся балетной школы, которые носили синие костюмчики с серебряными лирами на воротниках и учились выполнять прыжки и антраша, находились на попечении царя. Существовали царские поезда и яхты.

Ко всему, каждый член императорской фамилии получал от государя содержание. Каждому великому князю ежегодно выплачивалось 200 000 рублей, а каждая великая княжна получала в качестве приданого миллион рублей. Кроме того, из царской казны выплачивались суммы на благотворительные цели: на содержание бесчисленного числа больниц, детских приютов и интернатов для слепых. Ежегодно в императорскую канцелярию приходили потоки прошений о вспомоществовании, многие из них удовлетворялись¹⁶.

Управляя страной и фамилией, Николай II опирался на отцовский и исторический опыт. Даже в мелочах государь стремился быть русским. Работая за письменным столом, надевал простую крестьянскую рубаху, просторные штаны и сапоги из мягкой кожи. Одно время он намеревался облачить всех придворных в кафтаны времен Ивана III и Ивана Грозного. От подобной мысли царь отказался лишь после того, как выяснилось, что украшение одежд самоцветами по боярской моде ему не по карману. Хотя Николай II превосходно знал английский, французский и немецкий, он предпочитал говорить по-русски. По-русски он разговаривал с детьми и писал матери; лишь с Александрой Федоровной, плохо освоившей русский язык, беседовал по-английски и по-английски же с ней переписывался. Хотя в светских кругах принято было общаться на французском языке, государь настаивал, чтобы министры докладывали ему по-русски, и был недоволен, когда в русскую речь те вставляли хотя бы фразу или какое-то выражение на иностранном языке. Даже в культурном отношении Николай II придерживался русских традиций. Любил читать Пушкина, Гоголя, романы Л. Н. Толстого. Обожал музыку Чайковского и несколько раз в неделю посещал концертные залы, оперные и балетные театры; его любимым балетом был «Конек-Горбунок» по сказке Ершова. Самым любимым его государем был Алексей Михайлович, последний из истинно московских царей, отец Петра I. В 1903 году по инициативе Николая II был устроен грандиозный костюмированный бал. Приглашенные явились в одеждах и платьях XVII века и танцевали старинные русские танцы, которые перед этим разучивали несколько недель. Когда один из его советников принялся восхвалять Петра I, государь, задумавшись, заметил: «Конечно, я признаю много заслуг за моим знаменитым предком, но сознаюсь, что был бы неискренен, если бы вторил вашим восторгам. Это предок, которого менее других люблю за его увлечение западною культурою и попираание всех чисто русских обычаев».

В работе Николай II привык полагаться лишь на самого себя. Не в пример большинству монархов и глав государств – даже в отличие от собственной супруги, – он не имел личного секретаря. Предпочитал все делать сам.

¹⁶ В книге, вышедшей в 1990 г. в «Лениздате», приводится клеветническое измышление очередного идейного однодельца юровских, войковых и ермаковых: «Царь скуп и редко жертвовал из своих личных средств во время народных бедствий, ничего не создавая для просвещения народа...» Это утверждение опровергается сведениями, приводимыми Витте в своих «Воспоминаниях», а также в книге великого князя Александра Михайловича: «Выросши... в сознании своих обязанностей по отношению к России, царь, ни минуты не колеблясь, пожертвовал во время войны все 200 миллионов рублей, хранившихся в Английском банке, на нужды раненых и увечных и их семьи, но никто не мог убедить его взять для себя в мирное время хотя бы копейку. <...> Еще в бытность наследником цесаревичем император Николай II получил от своей прабабушки наследство в 4 миллиона рублей. Государь решил отложить эти деньги... и употребить доходы от капитала... на нужды благотворительности. Однако весь этот капитал был израсходован через три года. <...> После лета 1915 г. ни в Английском банке, ни в других зарубежных банках на текущем счету государя императора не оставалось ни одной копейки. Двадцать миллионов стерлингов царских денег, которые со времен царствования императора Александра II (1856–1881) держали в Лондонском банке, были истрачены Николаем II на содержание госпиталей и различных иных благотворительных учреждений, находившихся во время последней войны под личным покровительством царской семьи. Факт этот не был известен широкой публике по той... причине, что не в правилах... государя было сообщать во всеобщее услышание о своих добрых делах. Если бы император Николай II продолжал царствовать, то к концу Великой войны у него не осталось бы никаких личных средств».

«Кабинет государя был довольно темный. Государь был очень аккуратен и педантичен. Каждая вещь на его столе имела свое место, и не дай Бог что-нибудь сдвинуть. „Чтобы в темноте можно было бы найти“, – говорил государь. На письменном столе стоял календарь: на нем он помечал лиц, которым был назначен прием», – вспоминала А. А. Вырубова. Когда к Николаю II поступали пакеты с официальными бумагами, он их вскрывал, прочитывал, подписывал и лично запечатывал. Будучи человеком сдержанным, император не любил распространяться о политике, особенно мимоходом, в частных беседах.

«В Ливадии... я часто имел честь сопровождать Его Величество в поездках верхом, – вспоминал А. А. Мосолов. – Вначале, еще мало зная государя, я пытался разговаривать на злобы дня... Царь отвечал крайне неохотно и сейчас же переводил беседы на другие, безобидные темы: о лошадях, теннисе и т. п. При этом, когда кем-либо затрагивался вопрос, на который Николай II не желал отвечать, он менял аллюр шага на рысь, при которой разговаривать было трудно».

Это стремление к уединению наряду с нежеланием обидеть кого бы то ни было явилось причиной постоянных трений между царем и министрами. Министры назначались и уходили в отставку по личному указанию императора. Теоретически министры служили царю, и он волен был предоставлять посты эти по своему усмотрению, мог прислушиваться к рекомендациям того или иного министра или пренебрегать ими. Мог, не объясняя причин, отрешать их от должности. Практически же министры являлись управляющими крупными правительственными департаментами, где следовало соблюдать преемственность и координацию. Кроме всего, министры были люди честолюбивые, гордые и обидчивые.

Николай II так и не освоил технику энергичного и эффективного управления своими подчиненными. Он не любил сцен, ему было трудно подвергнуть критике или снять с поста какое-то должностное лицо, лично заявив ему об этом. Если у кого-то из министров дела не ладились, император дружелюбно принимал его, вежливо делал замечания и пожимал руку. Иногда бывало так, что наутро, придя в свой кабинет, вполне удовлетворенный самим собой министр обнаруживал на столе рескрипт с предложением подать прошение об отставке. Вполне естественно, эти лица сетовали на то, что их ввели в заблуждение¹⁷.

Основные особенности характера Николая II как царя закладывались в ранний период его правления. Императору, занявшему трон, не будучи достаточно к тому подготовленным, пришлось набираться административного опыта в процессе работы. Поскольку вначале на царя оказывали влияние императрица-мать, дяди и наставник (Победоносцев занимал должность обер-прокурора Святейшего Синода до 1905 года), противники Николая II утверждали, будто это безвольная личность. Было бы более справедливо сказать, что Николай II был человеком, получившим образование, ограниченное узкими, специфическими рамками, имевшим собственные устоявшиеся и, к сожалению, неизменные взгляды, чрезвычайно воспитанным, мягким внешне; но под этой мягкостью скрывались решимость и мужество. Даже С. Ю. Витте, впоследствии снятый императором с министерского поста и возненавидевший Николая II, писал о государе: «Он очаровывает как своею сердечною манерою, обхождением, так и своею удивительной воспитанностью».

К досаде российских либералов, которые надеялись, что со смертью Александра III самодержавие ослабнет, Николай II недвусмысленно заявил, что будет неуклонно следовать принципам своего родителя. Он подчеркнул это еще до коронации. Направив новому императору традиционное поздравление в связи с восхождением на трон, земство Твери, оплот либерализма, призвало царя прислушаться к голосу народа, выражению его желаний, к тому,

¹⁷ С. С. Ольденбург объяснял любезное обхождение императора с министром, которого намеревался снять с должности, желанием подчеркнуть свое личное расположение, безотносительно к деловым качествам чиновника, не справившегося со своими обязанностями.

чтобы закон был выше меняющихся взглядов отдельных инструментов верховной власти. В этих невинных формулировках Победоносцев усмотрел опасный вызов, брошенный принципу самодержавия, и с помощью министра молодой царь составил ответ, который собственноручно вручил тверской делегации. Порицая этих людей, увлекавшихся «бессмысленными мечтами об участии представителей земства в делах внутреннего управления», император добавил: «Я буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой покойный незабвенный родитель».

Своим выступлением государь рассеял надежды либералов и бросил вызов революционерам, которые вновь начали свою подрывную деятельность. Но среди членов императорского дома слова эти нашли самую горячую поддержку. Кайзер Вильгельм II ликовавал: «Всюду требуется, чтобы монархическое начало проявило свою силу. Вот почему я так обрадован превосходной речью, которую ты недавно произнес перед депутатами в ответ на просьбы о реформах».

Что касается внешней политики, то, хотя император Александр III оставил в наследство сыну тринадцать лет мира, он не считал нужным хотя бы в общих чертах обрисовать цесаревичу международное положение России. Лишь после восхождения на престол молодой царь узнал об условиях франко-русского альянса¹⁸. Стремясь к сохранению мира и не желая ограничиваться военным союзом, Николай II призвал правителей государств к разоружению и всеобщему миру. Это привело к созданию в Гааге постоянного третейского суда. В августе 1898 года русским правительством была направлена правительствам всех государств мира нота, в которой указывалось на экономический, финансовый и моральный ущерб гонки вооружений и предлагалось созвать международную конференцию по разоружению. Кто-то выдвинул гипотезу, будто предложение царя объяснялось тем, что Австрия оснащалась современными полевыми орудиями, которым уступала русская артиллерия. Второй причиной явилось появление в том же году шеститомного труда Ивана Блюха, крупного русского финансиста еврейского происхождения, где приводилось множество фактических, статистических данных и предполагаемого количества потерь в случае возникновения войны. Блюх получил аудиенцию у царя и убедил его обратиться к правительствам с призывом о разоружении.

Прозвучавший из Санкт-Петербурга призыв поразил глав европейских государств. Некоторые его приветствовали, заявляя, что Николай II станет известен в мировой истории как Николай Мироточивый. Но многие, будучи себе на уме, отмахнулись от подобной идеи. К примеру, принц Уэльский заявил, что «это самое бессмысленное предложение, какое он когда-либо слышал». Реакция кайзера была мгновенной и отрицательной. В телеграмме царю он писал: «Представь себе монарха, который упраздняет полки, покрывшие себя славой, и отдает свои владения анархистам и демократам».

Несмотря на неоднозначную реакцию со стороны правителей Европы, в знак уважения к царю и Российской державе, в мае 1899 года в Гааге состоялась конференция по разоружению. В ней участвовали представители двадцати европейских государств, а также США, Мексики, Японии, Китая, Сиам и Персии. Выдвинутые русской делегацией предложения о замораживании уровня вооружений были отклонены, однако были разработаны правила ведения военных действий и создан постоянный третейский суд. В 1905 году, после эпизода на Доггер-банке, Николай II сам обратился в Гаагский суд с просьбой рассмотреть иск британского правительства к России, а в 1914 году, накануне Первой мировой войны, при-

¹⁸ Этот непонятный факт утаивания главами государств существенной информации от своих преемников относится не только к России или монархам. Лишь после смерти Франклина Д. Рузвельта, став президентом, Гарри Трумэн узнал, что в Соединенных Штатах со дня на день будет создана атомная бомба. – *Примеч. авт.*

звал германского кайзера посодействовать в разборе Гаагским трибуналом конфликта между Австрией и Сербией.

Европу удивил тот факт, что идея, имеющая мировое значение, родилась в «полудикой» России. Это объяснялось тем, что Запад был недостаточно осведомлен о творческом и культурном расцвете в этой стране. Ранний период царствования Николая II ознаменовался столь блестящими достижениями в области науки и культуры, что стал известен как «русский Ренессанс» или Серебряный век. Всплеск творческих сил, возникновение новых идей коснулись также философии, науки, музыки и изящных искусств.

Антон Чехов создавал пьесы и рассказы, благодаря которым ему суждено было стать классиком мировой литературы. В 1898 году Константин Станиславский открыл свой Художественный театр, где была поставлена вторая пьеса Чехова, «Чайка», созданная в 1896 году и сделавшая его знаменитым. Вслед за этой пьесой были поставлены «Дядя Ваня» (1899 г.) и «Вишневый сад» (1904 г.), означавшие возникновение нового, реалистического направления и ознаменовавшие начало новой эры в истории театра. В 1907 году Станиславский поставил «На дне» – мрачную реалистическую пьесу, созданную Максимом Горьким, до этого известным публике как автор пухлых романов. В период с 1900 года по 1905-й живший в Киеве Шолом Алейхем, который успел потерять целое состояние, торгуя зерном и участвуя в биржевых сделках, занимался исключительно литературным трудом. Написанные на идише десятки рассказов принесли ему известность «еврейского Марка Твена».

Начиная с 1894 года стали появляться в печати труды Владимира Соловьева, выдающегося религиозного философа и поэта. В 1904 году публика познакомилась с творчеством Александра Блока, знаменитого ученика Соловьева. И. П. Павлов, представитель плеяды русских ученых, совершивших ряд важных открытий в химии и медицине, в Санкт-Петербургском институте экспериментальной медицины проводил свои опыты в области физиологии, принесшие ему в 1904 году Нобелевскую премию.

Русская живопись претерпевала период изменения эстетических принципов. Илья Репин, профессор исторической живописи императорской Академии художеств, создавший ряд картин из прошлого России, находился в зените славы. Виктор Васнецов и Михаил Нестеров пошли еще дальше, пытаясь возродить средневековое религиозное искусство. В то же время целый ряд молодых живописцев живо откликнулся на состоявшиеся в Москве выставки работ Сезанна, Гогена и Пикассо. Серов, под влиянием французских импрессионистов, создавал оригинальные по замыслу портреты своих современников, в том числе царя (1900 г.). В 1896 году московский юрист Василий Кандинский, оставив службу, уехал из России и поселился в Мюнхене, где занялся живописью. В 1907 году в Петербург приехал Марк Шагал, чтобы учиться живописи у своего знаменитого современника Льва Бакста.

Мариус Петипа, великий хореограф, приближался к финалу своей пятидесятилетней творческой карьеры, которую он завершил, уйдя в отставку в 1903 году. К этому времени он успел поставить шестьдесят замечательных балетных спектаклей, в том числе «Лебединое озеро», «Щелкунчик» и «Спящая красавица» на музыку П. И. Чайковского. Именно Петипа вывел на сцену целое созвездие таких исполнителей, как Матильда Кшесинская, Тамара Карсавина, Анна Павлова и Вацлав Нижинский. И поныне мастерство знаменитых балетных трупп оценивают по стандартам, установленным Мариусом Петипа. В 1899 году Сергей Дягилев основал влиятельный журнал «Мир искусства», в передовых статьях которого начал критиковать консервативный стиль Петипа. Вместе со смелым новатором хореографом Михаилом Фокиным Дягилев создал в Париже «Русский балет» и штурмом завоевал сердца балетоманов всего мира.

В прославленных консерваториях Санкт-Петербурга и Москвы преподавали знаменитые профессора, передававшие свое искусство талантливым ученикам. Главным дирижером Санкт-Петербургского симфонического оркестра был Н. Римский-Корсаков. В период

создания своей замечательной оперы «Золотой петушок» композитор преподавал молодому Игорю Стравинскому, сочинившему музыку для дягилевских балетных спектаклей «Жар-птица» (1910 г.), «Петрушка» (1911 г.) и «Весна священная» (1913 г.), которым суждено было оказать огромное влияние на музыкальное творчество всех композиторов XX века. В 1914 году окончил консерваторию Сергей Прокофьев, тоже ученик Римского-Корсакова. В числе скрипачей и пианистов, получивших музыкальное образование в императорской России, были Владимир Горовиц, Ефрем Цимбалист, Миша Эльман и Яша Хейфец. Сергей Кусевицкий был дирижером собственного симфонического оркестра, выступавшего в Москве. В 1899 году состоялся дебют несравненного Федора Шаляпина, который с тех пор не сходил с оперной сцены.

Во всех частях России люди валом валили в театры, чтобы послушать музыкальные произведения и оперу. В Киеве, Одессе, Варшаве и Тифлисе были собственные оперные театры, где театральный сезон продолжался от восьми до девяти месяцев. В одном лишь Санкт-Петербурге насчитывалось четыре оперных театра.

Между тем семья молодого царя быстро увеличивалась. С перерывом в два года каждая, родились еще три дочери. В 1897 году, когда государыня во второй раз оказалась в интересном положении и почувствовала недомогание, вдовствующая императрица писала: «Она должна до завтрака попробовать съесть в постели сырокопченой ветчины. Это очень хорошее средство от тошноты, знаю по себе. Кроме того, это полезно и питательно... Твой долг, мой милый Ники, ухаживать за женой, всячески о ней заботиться и следить, чтобы ноги у нее были в тепле...» В июне того же года на свет появилась великая княжна Татьяна Николаевна.

Год спустя, в октябре 1898 года, Александра Федоровна была снова в положении. «Теперь я в состоянии тебе сказать, моя дорогая Мама, что, с Божьей милостью, мы ожидаем в будущем мае нового счастья в семье! – писал государь. – Все это время, с тех пор, как я вернулся... моя милая Аликс себя чувствовала нехорошо, ее тошнило и пр...». Через месяц, в ноябре, он писал: «Противное чувство прошло – она очень мало ходит и, когда тепло, лежит на *long chair* на балконе. По вечерам она лежит в постели, и я ей читаю, мы уже окончили „Войну и мир“». Великая княжна Мария Николаевна родилась в мае 1899 года, а четвертый ребенок венценосных супругов, тоже девочка, родился в июне 1901 года. Окрестили ее Анастасией.

И как во всякой другой семье, в семье царя случались болезни и потери близких. Летом 1899 года в возрасте двадцати семи лет скончался от туберкулеза брат царя, великий князь Георгий Александрович, а осенью 1899 года, находясь в Крыму, заболел брюшным тифом царь. Государыня сама ухаживала за супругом. «Ники действительно был ангелом, – писала она сестре. – Я не захотела приглашать сиделку, и мы превосходно обошлись своими силами. Орчи [миссис Орчард] все время мыла ему по утрам лицо и руки и приносила мне еду. Ела я устроившись на кушетке... Когда ему стало лучше, я читала ему почти целый день». «Я все время мог стоять на своих ногах и теперь хожу между постелью и стулом совершенно свободно, – пойдя на поправку, сообщил Николай Александрович родительнице. – Она [Аликс] была моим ангелом-хранителем и смотрела за мною лучше, чем всякая сестра милосердия!»

Едва царь успел поправиться, скончалась королева Виктория. Еще прошлым летом, когда королева в возрасте восьмидесяти с лишним лет приглашала внуку приехать в Англию, Александра Федоровна писала подруге: «До чего хочется взглянуть на ее дорогое старенькое лицо... мы еще никогда не расставались так надолго, на целых четыре года. У меня предчувствие, что мы никогда больше с ней не увидимся. Если бы это не было так далеко, я бы уехала на несколько дней одна, оставив детей и мужа, ведь после смерти мамы 22 года назад она была мне вместо матери».

Узнав в январе 1901 года о кончине королевы Виктории, Александра Федоровна решила было тотчас отправиться в Виндзор, но, поскольку она ждала четвертого ребенка, ее

убедили остаться дома. Во время панихиды, состоявшейся в англиканской церкви в Санкт-Петербурге, императрица не скрывала слез. Своей сестре она писала: «Как я тебе завидую, потому что ты можешь видеть, как любимую бабушку повезут к ее последнему пристанищу. Не могу поверить, что ее больше нет, что никогда больше не увижу ее... С тех пор, как я себя помню, она всегда была среди нас, более дорогого и доброго существа не было на свете... Англия без королевы мне кажется невыносимой».

Смерть королевы Виктории означала для государыни больше чем утрату любимой бабушки. То была потеря опоры, источника уверенности. После бракосочетания Александры Федоровны императрица и английская королева постоянно переписывались, правда, в марте 1917 года царица уничтожила эти письма. Королеву Викторию всегда тревожила крайняя застенчивость Александры. Она опасалась, что серьезная перемена в положении немецкой принцессы, внезапно ставшей русской императрицей, не позволит ее внучке с легкостью вписаться в местное общество.

По существу, проблема эта возникла сразу после появления Александры Федоровны в светском обществе зимой 1896 года. Стоя на балу рядом с супругом, молодая императрица чувствовала, что в глазах ее застыл страх, а язык словно прилип к гортани. В тот вечер, призналась позднее государыня, от смущения она готова была провалиться сквозь пол. И все-таки осталась во дворце до полуночи, после чего с радостью удалилась.

Первые приемы императрицей петербургских дам омрачались все той же застенчивостью. Ожидавшие представления дамы оказывались лицом к лицу с высокого роста особой, молча и безучастно смотревшей перед собой. Александра Федоровна редко улыбалась и приветствовала приглашенных словно автомат, неловким жестом протягивая для поцелуя руку. Сжатые губы, взгляд, изредка бросаемый на дам с целью выяснить, сколько их еще ждет своей очереди быть представленными, – все это свидетельствовало о том, что единственное желание молодой императрицы – как можно скорее освободиться.

Очень скоро нервозность и неуверенность как светских дам, так и царицы привели к весьма натянутым между ними отношениям. Ни детство, проведенное Александрой Федоровной в Дармштадте, ни строгое викторианское воспитание в Виндзорском замке не подготовили ее к жизни веселого и легкомысленного петербургского света. Ее шокировали продолжавшиеся до утра балы, любовные интрижки, злые сплетни. «Русские барышни не знают ни хозяйства, ни рукоделия, – сетовала, по словам А. Вырубовой, императрица, – и ничем, кроме офицеров, не интересуются». Возмущенная легкомысленностью аристократии, она принялась вычеркивать из списка приглашенных во дворец одно имя за другим, заметно сократив количество именитых гостей.

Многие представители светского общества Петербурга решили, что молодая царица ханжа и скучная особа. Рассказывают, что, заметив однажды среди танцующих на балу во дворце даму с чересчур откровенным декольте, императрица направила к ней одну из своих фрейлин. В ответ на слова последней: «Мадам, Ее Императорское Величество поручила мне сообщить вам, что в Гессен-Дармштадте такие платья не носят» – дама заявила: «Неужели? – И, опустив платье на груди еще ниже, добавила: – Прошу уведомить Ее Императорское Величество, что в России носят именно такие платья».

Набожность недавно обращенной в православие царицы смущала представителей светского общества. Родившись в православии, они находили странной страсть государыни к собиранию редких икон, изучению истории церкви, поездкам по святым местам, беседам о настоятелях монастырей и святых отшельниках. А. А. Вырубова вспоминала: «Императрице не нравилась пустая атмосфера петербургского света, и она все надеялась привить вкус к труду... Она основала „Общество рукоделия“, члены которого, дамы и барышни, обязаны были сработать не менее трех вещей в год для бедных». Но большинство петербургских дам заявляли, что у них нет времени на такие пустяки.

Члены императорской фамилии были недовольны тем, что, по их мнению, молодая царица пытается отдалить их от дворца и государя. Хотя императорская фамилия была многочисленна и, подобно большинству русских семей, разбросана повсюду, члены ее были тесно сплочены. Дяди, тети и двоюродные братья царя привыкли к частым визитам и приглашениям к обеду. Стремясь как можно чаще остаться наедине с молодым супругом, императрица не слишком охотно рассылала такие приглашения. Родственники государя вознегодовали. Великие княгини и княжны, которые сами были царскими сестрами или дочерьми, возмутились тем, что какая-то немецкая принцесса пытается лишить их привилегий.

Светская чернь радовалась, видя трения между вдовствующей императрицей и молодой государыней, не скрывала симпатий к Марии Федоровне и вспоминала веселые времена. Однако императрица-мать обычно жила за границей – в Копенгагене, у сестры Александры, ставшей королевой Англии, или же во Франции, на Ривьере, в собственной вилле.

Из-за робости, с детства отличавшей молодую государыню, ей все равно не удалось бы справиться с ролью, какую ей следовало играть. Помимо особенностей натуры Александры Федоровны, существовали и другие обстоятельства, осложнявшие ее положение. Между помолвкой принцессы Дагмары с будущим русским царем Александром и его коронаванием протекало семнадцать лет. У Аликс это произошло спустя всего лишь месяц.

«Молодая императрица, – писал впоследствии Сандро, – с трудом говорила по-русски. Еще далекая от сложных взаимоотношений придворной жизни, императрица делала ошибки, незначительные сами по себе, но равносильные страшным преступлениям в глазах петербургского высшего света. Это запугало ее и создавало известную натянутость в ее обращении с окружающими».

Александре Федоровне трудно было найти себе подруг: дамы не могли запросто навесить ее или пригласить к себе на чашку чая, ведь она была императрицей. Сестра царицы, великая княгиня Елизавета Федоровна, которая могла бы перекинуть своего рода мостик между государыней и высшим светом, переехала в Москву. Планы Александры Федоровны устраивать званые обеды нарушались частыми беременностями и длительными пред- и послеродовыми периодами. Роды у нее были трудными, поэтому задолго до них императрица отменяла все приглашения и соблюдала постельный режим. Детей она воспитывала сама и не любила удаляться от детской.

Отношения между двором и обществом приняли натянутый характер. Александра Федоровна объясняла себе это тем, что общество – вовсе не русский народ. Ни развратные аристократы, ни бастующие рабочие, ни революционные студенты или заносчивые министры, по ее мнению, не имели ничего общего с истинно русскими людьми: теми, кого она встречала летом в Ильинском, скромными простыми людьми, а их миллионы – тех, кто на коленях молился за царя. Вот кто поистине олицетворял Россию. Для них она была не просто императрица, а царица-матушка.

Глава седьмая

Два революционера

Представление императрицы о провинциальной жизни, хотя и значительно упрощенное, было в общем недалеко от истины. Еще в начале столетия отличительной особенностью русского сельского пейзажа были разбросанные там и сям помещичьи усадьбы, окруженные деревьями, где жили крестьяне, отцы которых были крепостными. Здесь сохранялся прежний уклад жизни. Общество любого провинциального города было похоже одно на другое: верхний его слой, сливки общества, составляли местная знать и дворянство, следующую ступень занимали бюрократы и интеллигенция – судьи, присяжные поверенные, врачи и учителя; после них шли священники, чиновники, лавочники, ремесленники, мастеровые, прислуга. Подчас монотонную жизнь таких городков нарушали какие-то волнения, появлялся душок либерализма, однако преобладали консервативные взгляды и настроения. По иронии судьбы именно таков был Симбирск, город на Средней Волге, где прошло детство двух человек, которым суждено будет сыграть важную роль в свержении Николая II и Александры Федоровны. Одним из них был Александр Федорович Керенский. Другим – Владимир Ильич Ульянов, он же Ленин, который был на одиннадцать лет старше Керенского.

В 80–90-х годах прошлого столетия Симбирск представлял собой заброшенный приволжский городок. Железной дороги не было, и, хотя в период летней навигации у городской пристани останавливались колесные пароходы, основной дорогой, связывавшей город с остальной страной, был санный путь по льду реки. «На самом вершине холма разместились кафедральный собор, губернаторский дворец, гимназия, женский монастырь и публичная библиотека, – вспоминал А. Ф. Керенский. – По его склону до самого берега шли великолепные яблоневые и вишневые сады. Весной деревья покрывались благоухающими белыми цветами, по ночам сады оглушались соловьиными трелями. Туда же, к берегу Волги, спускался уступами парк с тремя аллеями, а через реку открывалась величественная панорама бескрайних луговых просторов. Каждый год, когда начинал таять снег, река выходила из берегов и затопляла левобережные низины, разливаясь словно бескрайнее море. А в разгар лета над лугами неслись песни крестьян, косивших траву и складывавших ее в высокие стога, а также веселый шум пикников горожан».

В этом живописном уголке два года спустя после рождения Николая II, в 1870 году, появился на свет Владимир Ульянов. Его отец, Илья Николаевич Ульянов, сын получившего свободу крепостного, окончив курс в Казанском университете, стал учителем математики. Он быстро поднимался по ступеням служебной лестницы и в 1863 году женился на Марии Александровне Бланк, отец которой, крещеный еврей, врач по профессии, был владельцем крупного поместья. Владимир, названный в честь князя Владимира, крестившего Русь, был третьим из шести детей Марии Александровны.

За год до рождения сына Владимира Илья Николаевич стал инспектором, а пять лет спустя – директором народных училищ Симбирской губернии. Он целиком отдавался работе, готовя учителей и открывая новые школы, и надолго уезжал из дому. За двенадцать лет количество народных училищ увеличилось с 20 до 434. В знак признания его заслуг Илья Николаевич получил чин действительного статского советника, согласно табели о рангах соответствующий чину генерал-майора. Узнав об убийстве Александра II, опечаленный Илья Николаевич Ульянов «застегнулся на все пуговицы вицмундира и отправился в Симбирский собор, чтобы присутствовать на панихиде по царю-освободителю».

Владимир, которого в семье звали Володей, был пухлым рыжеволосым подростком с большой головой, крепкой фигурой и короткими ногами. Летом вместе с братьями и сестрами он купался в Волге, собирал в березовой роще грибы; зимой ходил на каток, катался на

салазках с гор. В отличие от старшего брата Александра, импульсивного, идеалистичного по натуре, Владимир был лаконичным и насмешливым. Играя в шахматы с братьями и сестрами, он придерживался жестких правил: ни при каких обстоятельствах не отступать; тронул фигуру – ходи. В гимназии он учился превосходно, и когда остальные Ульяновы, вернувшись домой, добросовестно докладывали родителям, какие отметки по каким предметам они получили, Володя, распахнув дверь, взвизгивал вверх по лестнице, громко восклицая: «Из всех предметов пять».

За какие-то шестнадцать месяцев с 1886 по 1887 год произошли события, нарушившие размеренную, уютную жизнь семьи. Отвечая в 1922 году на вопросы анкеты, Ленин писал: «Атеист с 16 лет». Когда он находился в этом возрасте, в январе 1887 года у него на глазах скончался от апоплексического удара отец. Весной того же года в Санкт-Петербурге вместе с четырьмя другими студентами университета был арестован его брат Александр. Их обвинили в покушении на царя Александра III. У них нашли примитивную бомбу, спрятанную внутри медицинского справочника. Александр не отрицал вины. Матери, мигом примчавшейся к сыну, Александр сказал: «Я хотел убить царя. Попытка не удалась, вот и все». В мае 1887 года Александр Ульянов был повешен. Прощаясь с сыном, Мария Александровна твердила: «Мужайся, мужайся».

О том, какое впечатление произвела казнь брата на Владимира, единого мнения не существует¹⁹. «Казнь такого брата, как Александр Ульянов, несомненно, должна была произвести убийственный эффект на психику всякого нормального человека», – писал Александр Керенский. Однако Владимир, разумеется, был отнюдь не нормальным человеком. Кроме того, есть основания полагать, что между братьями происходили стычки, особенно после смерти отца. «Несомненно, это очень одаренная личность, но мы с ним не ладим», – писал тогда о брате Александр. Особенно раздражала его во Владимире заносчивость, дерзость и постоянные насмешки над матерью. Однажды, когда сыновья играли в шахматы, Мария Александровна напомнила Володе, чтобы он выполнил поручение, которое она ему дала. Тот ответил грубо и не сдвинулся с места. Мать стала настаивать, Володя ответил новой грубостью. Александр спокойно сказал: «Или ты пойдешь и исполнишь мамину просьбу, или я с тобой больше не буду играть».

Александра казнили весной, когда у его младшего брата шли выпускные экзамены в Симбирской гимназии. Внешне хладнокровный, облачась в синий гимназический мундирчик, Володя сдал экзамены лучше всех в классе. После этого директор гимназии (сильно рискуя, поскольку над семьей Ульяновых собирались грозные тучи), дал Владимиру Ульянову блестящую рекомендацию: «Очень способный, всегда аккуратный и прилежный, Ульянов был первым по всем предметам и окончил гимназию с золотой медалью, как наиболее достойный по своим успехам в учебе, и примерного поведения. Ни в стенах учебного заведения, ни вне его ни разу не подавал повода для неудовольствия со стороны гимназического начальства... Основой этого воспитания были религия и дисциплина... что и проявилось в поведении Ульянова. После тщательного изучения характера и личной жизни Ульянова я заметил в нем несколько повышенную склонность к замкнутости и скрытности, склонность избегать контактов со знакомыми и даже с лучшими учениками за стенами гимназии».

Документ этот подписал Федор Керенский, друг и почитатель покойного Ильи Николаевича Ульянова. Благодаря этой дружбе суд и поручил Федору Керенскому опекать младшего Ульянова.

Будучи вдовой потомственного дворянина, Мария Александровна продолжала получать пенсию, однако, чтобы избежать скандала, из Симбирска пришлось уехать. Влади-

¹⁹ Лишь недавно нам стало известно, что Володя Ульянов произнес: «Мы пойдем другим путем, путем Нечаева», то есть путем создания повязанной кровью организации.

мир поступил в Казанский университет, но вскоре был исключен за участие в студенческой демонстрации. После этого, в попытке уберечь второго сына от гибельного пути, по которому пошел старший его брат, Мария Александровна приобрела имение площадью в 225 акров и назначила Владимира управляющим. Должность эта оказалась не по душе ему. «Мать хотела, чтобы я занялся сельским хозяйством, – вспоминал он впоследствии. – Я начал было хозяйничать, но очень скоро бросил это дело. Я не мог продолжать возиться с землей, потому что отношения с соседями-крестьянами начали портиться и перестали быть нормальными». Хутор был продан, и семья Ульяновых переехала к родителям Марии Александровны в Самару. Там, в доме деда, сидя возле огня, Владимир читал все подряд: Пушкина, Тургенева, Достоевского, Толстого. Принялся за изучение права и, освоив четырехгодичный курс обучения за один год, сдал экзамены экстерном. И снова в числе первых.

Несмотря на успехи в области изучения теории, непродолжительная его деятельность в качестве защитника оказалась неудачной. Взяв на себя в Самаре защиту десятка крестьян и мастеровых, обвиняемых в незначительных преступлениях, все дела он проиграл. Для укрепления здоровья ежедневно купался. Зимой, повиснув вниз головой на самодельных брусьях, занимался гимнастикой.

С тем же усердием, с каким изучал право, Владимир принялся штудировать труды Карла Маркса. Законченность марксистского учения и убедительная логика выводов произвели на него гораздо большее впечатление, чем импульсивность и эмоциональность его брата Александра. Тот вздумал убить одного человека, смерть которого ничего бы не изменила. Что же касается Маркса, тот решил изменить все. К ужасу матери, каждую семейную трапезу Владимир превращал в оживленное обсуждение «Капитала». Еще больше Мария Александровна расстроилась, когда сын заявил, что намерен, по примеру старшего брата, отправиться в Санкт-Петербург, поскольку, по Марксу, движущей силой революции будет фабричный пролетариат.

В 1893 году, всего за год до восхождения на престол молодого царя Николая II, в Санкт-Петербург в отцовском сюртуке и котелке приехал двадцатитрехлетний Владимир Ильич, который получил должность помощника присяжного поверенного. Он вступил в марксистский кружок, члены которого собирались по вечерам. За ужином во время Масленицы познакомился с молодой девушкой, тоже убежденной марксисткой. Надежда Константиновна Крупская – круглолицая, курносая, большеглазая учительница – была на год старше Владимира. После ужина оба гуляли по набережным Невы. Вместе посещали собрания кружка. На одном из них кто-то предложил создать литературные комитеты для образования масс. «Владимир Ильич рассмеялся, – писала впоследствии Крупская. – Смех его прозвучал как-то зло и сухо... „Что же, – заявил он, – если кто-то желает спасти отечество с помощью литературного комитета, это превосходно, мешать мы ему не будем“».

В 1895 году Владимир впервые выехал за границу. Ему хотелось попасть в Женеву, чтобы познакомиться там с Георгием Валентиновичем Плехановым, основателем русского марксизма, кумиром всей русской революционной молодежи. Однако Плеханов, проводивший двадцать лет в изгнании, начал терять связь с марксистским движением в России, и Владимир Ильич, жаждавший побеседовать с Плехановым, нашел при встрече, что тот холоден и высокомерен. Из Женевы Ульянов поехал в Цюрих, Берлин и Париж, где любовался широкими, усаженными деревьями бульварами. Через несколько недель вернулся в Россию, привезя в сундуке с двойным дном пачки нелегальной литературы, и тотчас с головой окунулся в организацию забастовок и составление антиправительственных листовок и воззваний. Из осторожности он избегал нападок на молодого царя, находившегося на престоле меньше года. «Конечно, если начнешь с выступлений против царя и существующей социальной системы, то лишь восстановишь против себя рабочих», – объяснял он. В 1895 году Вла-

димир Ульянов был арестован и с год просидел в петербургской тюрьме, после чего сослан на три года в Сибирь.

Жизнь политического ссыльного в Сибири в последние годы царского режима отнюдь не походила на кошмар. Напротив, допускалось множество послаблений. Наказание состояло лишь в ограничении передвижения ссыльного. При наличии средств он мог жить с теми же удобствами, как и в европейской России, мог завести семью, иметь прислугу, получать письма и книги, принимать гостей.

После освобождения из петербургской тюрьмы перед ссылкой Владимиру Ульянову разрешили задержаться на пять суток в Санкт-Петербурге и на четверо в Москве. Взяв с собой тысячу рублей и сундук с сотней книг, он в одиночку уехал за Урал. Три года, проведенные в Шушенском, недалеко от монгольской границы, были одним из самых счастливых периодов в жизни В. Ульянова. Рядом протекала река Шушь, изобиловавшая рыбой, в лесах водились медведи, белки, соболя. Владимир снял несколько комнат. Дважды в день купался; купив собаку и ружье, ходил на охоту на уток и бекасов. Он был самым состоятельным человеком в деревне и научил местного торговца вести бухгалтерский учет. К нему приходило огромное количество писем, он вел переписку с марксистами со всех концов России и Европы. Ежедневно в течение нескольких часов работал над пухлой книгой «Развитие капитализма в России».

Через год к Владимиру Ульянову приехала Надежда Крупская. Будучи арестованной за организацию стачки, она добилась ссылки в Шушенское, заявив полиции, что приходится Ульянову невестой. Тот обрадовался приезду Крупской и привезенным ею книгам, но не был в восторге от появления родительницы Надежды Константиновны, которую недолюбливал. Своей матери он писал: «Надежде Константиновне... поставили трагикомическое условие: если не вступит немедленно в брак, то назад в Уфу». Чтобы решить проблему, 10 июля 1898 года они поженились. Новобрачные тотчас принялись за перевод книги Сиднея и Беатрисы Уэбб «Теория и практика тред-юнионизма». В русском варианте книги насчитывалась тысяча страниц. Зимой оба катались на коньках по льду реки. Владимир Ильич был превосходным конькобежцем: засунув руки в карманы, он мчался что есть сил. Надежда Константиновна смело, но неуклюже ковыляла следом. Однажды примеру дочери решила последовать и ее мать, но тотчас упала на спину. Всем троим нравилась снежная сибирская зима, чистый прозрачный воздух, покой и тишина тайги, дремлющей под белой пеленой снегов. «Мы жили словно в заколдованном царстве», – вспоминала Н. К. Крупская.

Поскольку срок ссылки В. Ульянова закончился раньше, чем у Н. Крупской, оставив жену и тещу в Сибири, он поехал в Санкт-Петербург. Вскоре от имени «потомственного дворянина Владимира Ильича Ульянова» было подано прошение с просьбой разрешить ему вернуться в Сибирь перед поездкой за границу и проститься с женой. Просьба была удовлетворена. После этого началась жизнь революционера-одиночки, который переезжал из одного европейского города в другой. Он успел зарекомендовать себя как организатор подпольной работы и талантливый пропагандист. Издавая и редактируя газету «Искра», выходившую за рубежом и нелегально ввозившуюся в Россию, он в еще большей мере развил свои способности. Именно в этот период он начал подписываться псевдонимом «Ленин». Его брошюра «Что делать?» обратила на себя внимание; он составил программу российской социал-демократической партии, как стали называть себя живущие за рубежом русские марксисты. Ленин уже не боялся нападать и на самого царя; излюбленными его эпитетами были «Николай Кровавый» и «Николай Вешатель».

Когда срок ссылки Н. К. Крупской окончился, она приехала к мужу в Мюнхен. В 1902 году редакция «Искры» переехала в Лондон, следом за ней отправились в город туманов Ленин и Крупская. Столь резкая смена обстановки была особенно болезненной для Н. К. Крупской, приехавшей из тихой сибирской деревни в огромный, шумный, грязный, киша-

щий машинами город. Семейство сняло двухкомнатную квартиру без мебели в доме № 30 на Холфорд-сквер, принадлежавшем миссис Ио. Под именем Якова Рихтера Ленин записался в библиотеку Британского музея. По утрам он работал, а под вечер вместе с женой, забравшись на верх двухэтажного автобуса, совершал поездки по городу. У них возникли трения с домохозяйкой, которая возмущалась тем, что Крупская не занавешивает окна порттьерами и не носит обручальное кольцо. Дело кончилось тем, что один их русский знакомый объяснил хозяйке, что квартиранты ее обвенчаны, и предупредил, что если она не перестанет им докучать, то ее привлекут к судебной ответственности.

Благодаря своей неумолимости, целеустремленности и самоотверженности Ленин вскоре стал одним из лидеров партии. Оказавшись в ее главе, он начал проявлять агрессивную нетерпимость и свои воззрения не желал обсуждать даже с другими руководителями. Исключение из правила он делал лишь тогда, когда этого требовали обстоятельства. Из-за несговорчивости Ленина в крохотной партии эмигрантов наметился раскол.

С целью прекращения распрей социал-демократы в июле 1903 года созвали объединительный съезд, на который в Брюссель приехали сорок три делегата. Встреча состоялась в старом амбаре, где прежде хранилась мука. Помещение было украшено кумачом и кишело крысами и блохами. Бельгийская полиция, которая и прежде не давала спуска русским революционерам, обыскивала комнаты, где они жили, и осматривала багаж, вдруг потребовала, чтобы эмигранты выехали за пределы страны в течение двадцати четырех часов. Вся компания села на пароход и через Ла-Манш отправилась в Лондон, не переставая спорить.

Продолжая свои заседания в принадлежавшей социалистам церкви, делегаты вскоре осознали, что их исторический «объединительный съезд» ведет к опасному расколу между Плехановым и Лениным. Выступления Плеханова строились в лирическом ключе, они брали за живое; речи Ленина были проще, логичнее и доходчивее. Спор шел об организационной структуре партии. Ленин настаивал на том, чтобы партию составляла небольшая, спаянная железной дисциплиной элита профессиональных революционеров. Плеханов и его единомышленники были за то, чтобы партия была открыта для всех желающих. При голосовании Ленин, с незначительным перевесом, собрал большинство. Его сторонники стали называться большевиками, а противники – меньшевиками. Взглянув на Ленина, отчасти со страхом, отчасти с восхищением, Плеханов произнес: «Из такого теста получаются Робеспьеры».

Если Ленин был Робеспьером, то Александр Керенский был русским Дантоном. Сам пораженный сходством их судеб и образования, Керенский писал: «Не надо меня уверять, будто Ленин олицетворяет некую азиатскую „стихийную русскую силу“. Я родился под тем же небом, дышал тем же воздухом, слушал те же крестьянские песни и играл на том же гимназическом дворе. Видел те же бескрайние дали с высокого берега Волги. Я твердо уверен: то, что сделал Ленин, преднамеренно и жестоко изувечив Россию, мог сделать лишь человек, который утратил всякую связь с нашей Родиной и вытравил в себе всякое сыновнее чувство к ней».

Федор Керенский, отец Александра Федоровича, был мягким, интеллигентным человеком, которого поначалу прочили в священнослужители, но он избрал учительскую профессию. Едва начав службу, он женился на своей ученице, офицерской дочери, дед которой был крепостным. Являясь директором Симбирской гимназии, Ф. Керенский принадлежал к сливкам местного общества. «С тех пор, как я себя помню, жили мы в огромной, прекрасной квартире, предоставленной нам казной, – писал его сын, А. Ф. Керенский. – Длинный ряд кабинетов; у старших сестер гувернантки; вспоминаю праздники для детей, устраивавшиеся в других домах местного общества».

Став учащимся, Александр стоял в церкви на почетном месте, ведь он был директорским сыном. «Помню, в раннем детстве я был поистине верноподданным. Я искренне любил Россию... традиционную Россию с ее царями и православной церковью, с избран-

ными слоями местного чиновничества». Дядя Керенского был настоятелем Симбирского собора. Александр мечтал стать когда-нибудь «звонарем, который, забравшись на высокую колокольню, под облака, ударами могучего колокола призывает верующих в Божий храм».

В 1889 году, когда Александру исполнилось восемь лет, его отец получил назначение в Туркестанский край, и семейство Керенских переехало в Ташкент. Однажды вечером Александр подслушал, как родители обсуждают нелегально распространявшуюся брошюру Льва Толстого, в которой писатель выступал против союза, заключенного между отсталой самодержавной Россией и Французской республикой, которой Толстой восхищался. «И все же моим монархическим взглядам и юношескому обожанию царя все услышанное не нанесло ни малейшего ущерба, – писал А. Ф. Керенский. – ...В день смерти Александра III я долго заливался горячими слезами, читая официальный некролог... Я истово молился, выстаивая все заупокойные службы по случаю кончины царя, и усердно собирал в классе деньги с учеников на венок в память царя».

В 1899 году Керенский приехал в Санкт-Петербург с целью поступить в университет. Столица переживала период расцвета искусства и науки, в городе было полно студентов, принадлежавших ко всем слоям общества из всех уголков империи. «Не думаю, чтобы в какой-то другой стране высшее образование стоило так дешево и было так доступно до Великой войны, как в России... Плата за обучение была ничтожной... Обед стоил от пяти до десяти копеек... Самые бедные студенты подчас перебивались с хлеба на квас, им приходилось бегать из дома в дом, давая уроки, и не каждый день обедать; однако все жили и учились».

Керенский, благопослушный сын правительственного чиновника, поначалу почти не интересовался политикой. Однако политика являла собой неотъемлемую часть студенческой жизни в Петербурге. Увлёкся ею и Александр Керенский, начавший принимать участие в студенческих сходках. Одни студенты придерживались марксистских воззрений, другие разделяли взгляды народников. Керенскому по душе были вторые. «Симбирск, детские воспоминания... да и традиции русской литературы – все это неудержимо влекло меня к народничеству... Целиком заимствованная у иностранцев марксистская теория оказывала большое впечатление на юные умы своей строгой целостностью и логичностью. Однако она плохо вписывалась в социальную структуру российского общества. В народничестве было много неопределенного и непоследовательного, но оно являлось продуктом русской мысли, уходило корнями в русскую почву и вполне отвечало идеалам русских интеллигентов».

Полный юношеского восторга, однажды Керенский выступил с речью на студенческой сходке. На следующий день оратора вызвали в деканат и объявили о временном исключении из университета. Однако вскоре он возобновил занятия, рассчитывая приняться за диссертацию, посвященную одному из аспектов уголовного права. Однако, прежде чем А. Ф. Керенский закончил аспирантуру, это «чрезвычайно почтенное занятие» успело наскучить ему: «Пожалуй, оно даже претило мне. Стоит ли печься об интересах частных лиц, когда мечтаешь служить народу и бороться за свободу. Я решил стать адвокатом, защищающим политических узников».

В течение следующих шести лет Александр Керенский побывал во всех уголках России, защищая политических заключенных от произвола властей. Но в 1905 году перед отъездом из Петербурга у него произошла необыкновенная встреча: «Была Пасхальная ночь. Я возвращался с пасхальной утрени часа в четыре утра. Я не сумею описать очарование весеннего Санкт-Петербурга в предрассветные часы, особенно когда находишься на берегу Невы или идешь по набережной... Возвращаясь домой, охваченный светлым, радостным чувством, я шел к мосту у Зимнего дворца. Возле Адмиралтейства, напротив Зимнего, я остановился. На балконе, задумавшись, стоял молодой император. Внезапно меня охватило предчувствие, что однажды пути наши каким-то образом пересекутся».

Глава восьмая

Совет кайзера

В первые годы царствования Николая II на императора оказывали влияние не только его родительница, наставник К. П. Победоносцев и великие князья, но и кузен, германский кайзер Вильгельм II. С самого начала Вильгельм покровительственно поглядывал, похлопывал по плечу, льстил молодому кузену, учил жить и оказывал на него давление. Будучи на девять лет старше Николая II, кайзер занял немецкий трон в 1888 году, за шесть лет до того, как стал царем русский цесаревич. Опытнее и старше кузена, германский император всячески старался подчеркнуть оба своих преимущества. В течение десяти лет, с 1894 по 1904 год, Вильгельм II оказывал известное воздействие на внешнюю политику России. Лишь повзрослев и приобретя опыт, государь сумел избавиться от непрошеного советчика. Однако ущерб уже был нанесен. В результате вмешательства кайзера Россия потерпела военное поражение в Азии.

По натуре два императора резко отличались друг от друга. Николай II был воспитан, застенчив, он болезненно ощущал свою неопытность. Кайзер же был хвастливым и грубым солдафоном. Николай Александрович в бытность свою цесаревичем не торопился стать царем; Вильгельм же едва не сорвал корону с головы умирающего отца, Фридриха III. Став императором, Николай Александрович стремился чаще находиться в кругу семьи и избегал всяческой мишуры и суеты. А Вильгельму нравилось появляться повсюду в начищенных до блеска сапогах, белом плаще, с серебряной нагрудной бляхой и в остроконечной, зловещего вида каске.

Половину обрамленного белокурыми волосами худощавого лица кайзера занимали огромные нафиксатуаренные усы, которыми император чрезвычайно гордился. Накручивал и напوماживал их цирюльник, ежедневно приходивший во дворец. Эта роскошная растительность отчасти восполняла физический дефект, который Вильгельм II всячески пытался скрыть. По вине акушера левая рука у него была короче правой. Когда маленький Вилли появился на свет, врач чуть не выдернул ручку младенца из суставной сумки, отчего она стала плохо развиваться. Искалеченную руку кайзер прятал в специально пришитые на одежде карманы. Без посторонней помощи во время трапезы он и куска мяса не мог разрезать.

В условиях прусского двора, где вырос Вильгельм и царил милитаристский дух, физический недостаток должен был сказаться на его характере. Прусский принц обязан был ездить верхом и метко стрелять. Поэтому Вильгельм заставил себя научиться обоим этим искусствам. Кроме того, он стал отличным пловцом, гребцом, превосходно играл в теннис. Его правая, здоровая, рука стала поразительно сильной. Чтобы усилить болевые ощущения у того, кому кайзер жал руку, он надевал перстень камнем внутрь.

Девятнадцатилетним студентом Боннского университета Вильгельм влюбился в принцессу Елизавету Гессенскую, старшую сестру будущей русской императрицы Александры Федоровны. Юноша часто гостил в Дармштадте у родственников своей тетки по матери. Верный себе, даже в гостях он был себялюбив и груб. То ему хотелось покататься верхом, то затеять охоту, то заняться греблей или поиграть в теннис. Нередко случалось, что в самый разгар игры он швырял наземь ракетку или спрыгивал с лошади и требовал, чтобы все следовали его примеру и занимались тем, чего хочет он. Устав, он приказывал своим кузенам и кузинам усаживаться вокруг него и слушать, как он читает Библию. Когда начались эти визиты, Аликс было всего шесть лет, и на нее не обращали внимания. Зато Элле было уже четырнадцать, и Вильгельм настаивал, чтобы девочка, которая на вид была старше своих лет, играла с ним, сидела рядом и внимательно его слушала. Но Элла его терпеть не могла.

В расстроенных чувствах оставив Бонн, четыре месяца спустя кронпринц обручился с другой немецкой принцессой, Августой Шлезвиг-Гольштейнской. После того как Элла вышла замуж за великого князя Сергея Александровича, Вильгельм не захотел с нею знаться. Позднее кайзер признался, что, учась в Боннском университете, большую часть времени он писал любовные стихи, посвященные прекрасной кузине.

Вздорный, тщеславный характер Вильгельма, его опрометчивость, резкие переходы от истерического восторга к крайнему отчаянию постоянно держали его министров во взвинченном состоянии. «Кайзер, – заявил Бисмарк, – похож на воздушный шар. Если не держать его в руках, неизвестно, куда он полетит». На полях официальных бумаг Вильгельм, словно взбесившись, писал: «Чушь!», «Враки!», «Мошенники!», «Рыба вонючая!», «Типичная для восточных лентяев ложь!», «Фальшив, как и подобает французу!», «Это вина англичан, а не наша!». С важными сановниками он обращался довольно фамильярно и почтенных адмиралов и генералов нередко шлепал по мягкому месту. На официальных и частных лиц, принимаемых кайзером, обрушивался такой град слов, что они не знали, как им быть. «К сожалению, – объяснял один германский дипломат, – у кайзера есть досадная привычка говорить тем быстрее и неосмотрительнее, чем больший интерес представляет для него тот или иной вопрос. Из-за этого он не раз попадал впросак... прежде чем компетентные лица или эксперты успевали высказать ему свое мнение». Наблюдать, как смеется кайзер, было жутко. «Если император смеется, а это он любит, – заметил один наблюдатель, – то смеется от души. Откинув назад голову, разинув рот до ушей и сотрясаясь всем корпусом, он топает ногой, изображая крайнее удовольствие от услышанной шутки».

Вильгельм был настолько уверен в своей непогрешимости, что подписывался на бумагах «Вильгельм Великий». Парламенты он терпеть не мог. Однажды на колониальной выставке ему показали хижину вождя какого-то африканского племени. Вокруг нее на кольях были нанизаны черепа его врагов. «Хотел бы я видеть на их месте депутатов рейхстага», – брякнул германский император.

Дурные манеры Вильгельма оскорбляли не только посторонних людей, но и собственных родственников. Свою мать, Викторию, которая до замужества была английской принцессой, он публично обвинял в том, что она-де настроена проанглийски, а не прогермански. В письме к родительнице, английской королеве Виктории, принцесса так отзывалась о своем двадцативосьмилетнем сыне: «Ты спрашиваешь меня, каково вел себя Вилли, когда приезжал сюда? Он был со мной до невозможности груб, неприветлив и дерзок». Царь Александр III не раз отчитывал Вильгельма, считая его «дурно воспитанным, безответственным мальчишкой». Встречаясь с кайзером, Александр III всегда поворачивался к нему спиной и разговаривал через плечо. Императрица Мария Федоровна Вильгельма не переваривала. Она видела в нем выскочку, правившего империей, созданной за счет соседей, в том числе любимой ее Дании, и захватившей датские провинции Шлезвиг и Гольштейн. Отношение ее к кайзеру было таким же, как и ее сестры Александры, вышедшей замуж за английского короля Эдуарда VII. «Подумать только, мой мальчик Джорджи действительно стал немецким солдафоном, напялившим синий мундир и остроконечную каску», – писала королева Александра своему сыну, ставшему впоследствии королем Георгом V, когда тот получил почетный чин полковника одного из полков германского императора. Когда русский царь был вынужден присвоить кайзеру чин адмирала Российского императорского флота, то попытался деликатно объяснить это родительнице: «Милая Мама, к сожалению, придется теперь назначить Вильгельма нашим адмиралом. Д. Алексей напомнил мне об этом, и я думаю, что, как ни скучно, все же приходится дать ему наш морской мундир, тем более что в прошлом году он назначил меня капитаном I ранга у себя и, что всего хуже, мне нужно будет его встречать

в Кронштадте. *C'est à vomir!*²⁰) После очередного визита кайзера царь писал: «Слава Богу, германский визит окончен... Она [жена Вильгельма] пыталась всех очаровать и выглядела безобразно в богатом и безвкусно подобранном платье. Шляпки, которые она надевала вечером, были просто невозможны». Государыня Александра Федоровна с трудом заставляла себя быть с кайзером вежливой. Когда он выдавал свои неуклюжие шутки, она отворачивалась, а когда брал на руки ее дочерей, содрогалась. Пожалуй, общая неприязнь к Вильгельму была той точкой, где мнения обеих императриц – вдовствующей и царствующей – совпадали.

Своей неумолимой энергией Вильгельм одновременно отталкивал и притягивал Николая II. Кайзер писал: «Принимая во внимание... частый обмен письмами и сообщениями, чем постоянно и напрасно приводится в движение сложный механизм посольств, не хочешь ли ты возобновить старый обычай, соблюдавшийся нашими предками около ста лет, а именно иметь каждому из нас при своем штабе личного адъютанта? Дела более интимного и частного характера могли бы идти, как и в прежние времена, непосредственно через них, и сношения благодаря этому значительно упростились бы».

Началась знаменитая переписка «Вилли и Ники». Осыпая царя лестливыми комплиментами и советами и обращаясь к нему, как к «дражайшему Ники», кайзер писал по-английски и подписывался «любящий тебя Вилли». В восторге от ответа царя тверскому земству, в котором тот указывал на «бессмысленные мечтания об участии представителей земства в делах внутреннего управления», кайзер всячески подчеркивал необходимость сохранения самодержавия, «задачу, возложенную на нас Всевышним». Он также отмечал, что «подавляющее большинство русского народа все еще возлагает свои надежды на... царя и чтит его как помазанника Божьего», и предсказывал, что «народ будет... приветствовать тебя и на коленях молиться за тебя». При личных встречах Вильгельм, похлопывая Николая II по плечу, советовал: «Побольше речей и побольше парадов».

Используя личные связи, кайзер старался повредить антигерманскому союзу России с Францией. Николай II находился на престоле менее года, когда кайзер написал ему: «Неприятен не самый факт хороших отношений или дружбы между Россией и Францией, а та опасность, которая кроется для нашего монархического принципа – в форме, в которой эта дружба проявляется. Республика как бы возносится на пьедестал... Республиканцы – революционеры *de nature* (от природы). Французская Республика происходит от великой революции, проповедует ее идеи. Кровь Их Величеств все еще лежит на этой стране. Посмотри на нее, была ли она с тех пор когда-нибудь счастлива и спокойна? Не шла ли она от кровопролития к кровопролитию? А в периоды своего величия разве не шла она от войны к войне, пока не залила всей Европы и России кровью. Ники, даю тебе слово – Божье проклятье вовеки тяготеет над этим народом. На нас, христианских королях и императорах, лежит священный долг, возложенный на нас небом, именно – поддерживать принцип „Божьей милостью“».

Союз России с Францией устоял под этими нападками, но агитация кайзера по другому вопросу имела поразительный успех. Вильгельм ненавидел Восток и часто с пеной у рта кричал о «желтой опасности». В 1900 году, провожая солдат германской морской пехоты, отправлявшихся в Китай на подавление Боксерского восстания, кайзер напутствовал их словами, от которых стынет кровь в жилах: «Мои солдаты, вы должны знать, что вам предстоит встретиться с умелым, хорошо вооруженным, жестоким врагом! Встречайте же его и бейте! Никакой пощады. Никого не брать в плен. Убивайте всякого, кто попадется к вам в руки. Еще тысячу лет назад гунны под предводительством Аттилы прославились так, что их имена и поныне с ужасом вспоминают в легендах и сказаниях. Так пусть же в истории Китая слово „Германия“ будет греметь и через тысячу лет».

²⁰ Тошнотворно! (фр.)

В письмах к царю Вильгельм придавал исконной своей неприязни героический ореол. Россия, заявлял кайзер, призвана выполнить свою «священную миссию» в Азии: «Несомненно, в будущем России предстоит великая задача принести культуру на азиатский континент и защитить Европу от набегов желтой расы. Тут ты в моем лице всегда найдешь сторонника, готового сделать все, чтобы помочь тебе. Ты верно понял призыв Провидения... к защите Креста и древней европейской культуры от распространения монголов и буддизма... Я бы никому в Европе не позволил мешать тебе или напасть на тебя сзади в то время, когда ты стал бы выполнять миссию, возложенную на тебя Всевышним».

Для убедительности кайзер прибегнул к аллегории. Он послал царю картину, изображающую германского императора в сверкающих доспехах, с распятием в поднятой правой руке. У ног кайзера сидел облаченный в византийскую мантию царь, который снизу вверх с робким восхищением смотрел на Вильгельма. На заднем плане на голубой поверхности моря видны были германские и русские броненосцы. В 1902 году, увидев учения эскадры настоящих русских броненосцев, Вильгельм с борта своей яхты велел просемафорить царю, находившемуся на «Штандарте»: «Адмирал Атлантического океана шлет привет адмиралу Тихого океана».

Вильгельм действительно ненавидел азиатов, но им двигал еще и расчет. Многие годы Бисмарк поощрял экспансию России в Азии с целью уменьшить русское влияние в Европе. «России нечего делать на Западе, – говорил лукавый канцлер. – Там она лишь заразится нигилизмом и другими болезнями. Ее миссия в том, чтобы проникать в Азию; там она олицетворяет цивилизацию». Отвлекая взоры России от Европы, Германия тем самым уменьшала опасность войны на Балканах между Россией и Австрией и получала возможность остаться один на один с союзницей России – Францией. Кроме того, где бы Россия ни попыталась проникнуть в Азию, она наверняка столкнулась бы в Индии с Великобританией, а в районе Тихого океана – с Японией. Вильгельм II горячо поддержал план Бисмарка. «Мы должны постараться сделать так, чтобы Россия застряла в Восточной Азии, – доверительно сказал он одному из своих министров. – Тогда она меньше внимания будет уделять Европе и Ближнему Востоку».

Но не только кайзер внушал Николаю II экспансионистские идеи: попытать счастья в Азии жаждали и многие русские. А соблазнов было много. Единственный русский порт на Тихом океане, Владивосток, три месяца в году был скован льдом. К югу, вдоль тихоокеанского побережья, простиралась насквозь прогнившая Китайская империя. В 1895 году, к досаде России, энергичная, быстро воспринимавшая западные идеи Япония, эта островная империя, прибрала к рукам китайские территории, на которые давно зарились русские. В их числе был важный незамерзающий порт и крепость Порт-Артур. Спустя шесть дней после захвата японцами Порт-Артура Россия заявила, что предпринимаемые Японией шаги представляют собой постоянную угрозу миру на Дальнем Востоке. Не желая обострять отношения с Россией, японцы оставили крепость. Три года спустя Россия принудила беспомощных китайцев отдать ей Порт-Артур в аренду сроком на девяносто девять лет.

Многим лицам в Санкт-Петербурге оккупация Порт-Артура вскружила голову. «Радостные вести, – писал матери Николай II. – Наконец-то у нас будет незамерзающий порт». Новая ветка Великого Сибирского пути прокладывалась прямо через Маньчжурию. Когда же она была завершена, там остались русские рабочие и железнодорожные служащие. Во время Боксерского восстания в 1900 году русские войска «временно» оккупировали Маньчжурию. На севере тихоокеанского побережья никем не захваченным оставался лишь Корейский полуостров. Хотя Япония считала его важным для своей безопасности, группа русских авантюристов решила прибрать полуостров к рукам. План их состоял в том, чтобы создать там Восточно-Азиатскую промышленную компанию, так называемые Лесные концессии на реке Ялу, и под видом рабочих ввезти в Корею русских солдат. Если воз-

никнут какие-то осложнения, русское правительство снимет с себя всякую ответственность. Если номер пройдет, то Российская империя приобретет новые владения, а дельцы извлекут для себя большую экономическую выгоду. Русский министр финансов, С. Ю. Витте, решительно возражал против столь рискованного шага. Однако Николай II, подстрекаемый главой группы авантюристов, отставным ротмистром кавалергардского полка Безобразовым, одобрил этот план, после чего Витте подал в 1903 году в отставку. Сказал свое слово и Вильгельм, заявивший: «Всякому непредубежденному наблюдателю видно, что Корея должна и будет принадлежать России».

Проникновение России в Корею сделало неизбежной войну с Японией. Японцы согласились бы на компромиссное решение, если бы русские остались в Маньчжурии, предоставив японцам возможность хозяйничать в Корее. Но министры микадо не могли безучастно наблюдать, как русские устанавливают двуглавых царских орлов во всех портах и на всех мысах, обращенных к японским островам. В 1901 году в Санкт-Петербург для переговоров прибыл величайший из политических деятелей Японии, маркиз Ито.

«Ито был встречен в Петербурге весьма холодно. Он представлялся Его Величеству, был у министра иностранных дел, но никаких особых знаков внимания или радушия ему оказано не было, — вспоминал Витте. — На проект соглашения... Ито мы никакого определенного ответа не дали»²¹. Отчаявшись добиться положительных результатов, Ито уехал из России. В течение всего 1903 года японский посол Курино неоднократно просил внять его предупреждениям и тщетно искал аудиенции у царя. 3 февраля, поклонившись, Курино с угрюмым видом тоже покинул Россию.

В России никто не сомневался, что, если начнется война с Японией, русские выиграют ее без труда. Русской армии не придется сделать ни единого выстрела, заявляли генералы, просиживавшие штаны в светских гостиных. Мы, дескать, этих «макак» шапками закидаем. В. К. Плеве, министр внутренних дел, которому все чаще приходилось принимать меры для подавления революционных выступлений, проговорился: «Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война». И добавил, что Россия создана штыками, а не усилиями дипломатов.

Убаюканный сказками об огромном военном превосходстве России над Японией, Николай II решил, что последнее слово за ним, что если Россия не начнет войну, то ее и не будет. Послы и министры зарубежных стран, собравшиеся на праздничный прием в день Нового года, слышали, как царь с важным видом говорил о военной мощи России и о том, что никто не посмеет злоупотреблять его терпением и миролюбием. Тем не менее весь январь 1904 года из-за нерешительности русского императора кайзер находился в состоянии тревоги. В своих письмах он призывал царя не идти ни на какие соглашения с Японией, а сразу начинать войну. Кайзер пришел в ужас, когда Николай ответил, что надеется на мирное разрешение конфликта.

«Николай очень вредит себе своей мягкотелостью, — заявил германский император. — Такое поведение дискредитирует всех великих монархов».

Русскому царю не пришлось принимать решения, за него все решили японцы. Вернувшись однажды вечером из театра, Николай II получил телеграмму от генерал-адъютанта Е. И. Алексеева, наместника и главнокомандующего русской армией на Дальнем Востоке. Переписав ее, царь послал копию матери:

«„Около полуночи с 26 на 27 января японские миноносцы произвели внезапную минную атаку на эскадру, стоявшую на внешнем рейде крепости Порт-Артур. Причем броненосцы «Ретвизан», «Цесаревич» и крейсер «Паллада» получили пробоины. Степень их

²¹ В действительности же, по свидетельству германского посла в Петербурге, «Ито был встречен необычайно дружелюбно и с особой внимательностью».

серьезности выясняется. Подробности представлю Е. И. В. дополнительно. Генерал-адъютант Алексеев“.

Только что получил эту телеграмму. Значит, война началась. Помоги нам Господь Бог!
Твой Ники»

На следующее утро огромные толпы патриотически настроенного люда загрохотали по улицам Петербурга. С национальными флагами в руках, студенты, подходя к Зимнему дворцу, запели гимн. Подойдя к окну, царь и императрица поклонились народу. Глядя на толпу, Николай II испытывал смутное чувство. Хотя он и бряцал оружием с целью запугать врагов, мысль о кровопролитии ему претила. Не в пример народу, на скорую победу царь не рассчитывал. Узнав из секретных донесений об объеме ущерба эскадре, император записал в дневнике: «Досадно и больно за флот и за то мнение, которое может о нем составить в России!»

Масштабы катастрофы превзошли все опасения. За одно лишь поколение из отсталого феодального государства Япония превратилась в современную индустриальную и военную державу. Французские военные инструкторы и английские флотские специалисты помогли Японии создать руководимую инициативными командирами боеспособную армию. Через два года после возвращения Ито из Санкт-Петербурга японские генералы и адмиралы внесли коррективы в планы войны с Россией и, когда выяснилось, что дальнейшие переговоры ни к чему не приведут, первыми нанесли удар.

С самого начала борьба была неравной. Хотя в японской армии насчитывалось шестьсот тысяч, а в русской – три миллиона солдат, Япония направила на материк сразу сто пятьдесят тысяч. Им противостояло всего восемьдесят тысяч солдат русской регулярной армии, двадцать три тысячи гарнизонных солдат и тридцать тысяч стражников, охранявших железную дорогу. Базы снабжения у японцев находились в нескольких сотнях миль от линии фронта, и пополнять войска не представляло проблемы. Что же касается русских, то артиллерию, боеприпасы, продовольствие и живую силу им приходилось доставлять по имевшему одну колею Великому Сибирскому пути за четыре тысячи миль (около 6600 км). К тому же строительство железной дороги не было завершено. Южнее озера Байкал, где местность была гористой, она обрывалась. Летом этот участок преодолевался с помощью паромной переправы; зимой солдат и снаряды приходилось перевозить на санях, запряженных лошадьми.

Русский флот на Дальнем Востоке и японский императорский флот были приблизительно равны. Русские имели больше броненосцев и тяжелых крейсеров, японцы обладали численным преимуществом в легких крейсерах и миноносцах. Но благодаря внезапному нападению на русскую эскадру японцы захватили инициативу в свои руки и контролировали море. Русские корабли, уцелевшие после первого удара врага, не могли свободно маневрировать из-за минных полей, выставленных японцами, а на рейде подвергались новым атакам миноносцев противника. Когда знаменитый русский адмирал Макаров 13 апреля вышел из гавани Порт-Артура на своем флагманском корабле, броненосце «Петропавловск», судно подорвалось на mine и затонуло. Погибло семьсот моряков, в их числе и сам адмирал Макаров.

«Утром пришло тяжелое и невыразимо грустное известие, – записал Николай II. – Целый день не мог опомниться от этого ужасного несчастья... Во всем да будет воля Божья, но о милости Господней к нам грешным мы должны просить».

Владычествуя на море, Япония могла высаживать свои экспедиционные войска на любом участке побережья материка. Одна армия, высадившись в Корее, смяла пять сибирских полков, форсировала реку Ялу и двинулась на север, в Маньчжурию. Другая группа японских войск высадилась на побережье Желтого моря и осадила Порт-Артур, обстреливая его чудовищными 11-дюймовыми снарядами. Лето и осень 1904 года японская пехота

штурмовала одну укрепленную высоту вокруг Порт-Артура за другой. В январе 1905 года Порт-Артур пал. Японцы потеряли 57 780 человек²², русские – 28 200.

Русский император с унынием следил из Санкт-Петербурга за ходом войны. Первым его порывом было отправиться на фронт и встать во главе осажденных войск. И снова вмешались дяди и отговорили его. 22 сентября 1904 года государь писал матери из Петергофа: «Меня по временам сильно мучает совесть, что я сижу здесь, а не нахожусь там, чтобы делить страдания, лишения и трудности похода вместе с армией. Вчера я спросил д. Алексея, что он думает. Он мне ответил, что не находит мое присутствие там нужным в *эту* войну. А здесь оставаться в такое время, по-моему, гораздо тяжелее».

Император ездил по стране, посещал военные лагеря и проводил смотр войск. Целью поездок было напутствование русских войск и новобранцев, следовавших на Дальний Восток. При этом Его Величество и Ее Величество раздавали войскам образа, в том числе образ святого Серафима Саровского. Государыня отменила все увеселения и превратила огромные залы Зимнего дворца в мастерские, где сотни женщин, принадлежавших к самым разным классам общества, шили одежду и изготавливали перевязочные материалы. Александра Федоровна ежедневно бывала в этих помещениях и нередко сама садилась за работу.

Видя неизбежность поражения русской армии, по наущению кайзера царь отправил на Дальний Восток Балтийскую эскадру с целью добиться превосходства на море над противником в районе Тихоокеанского побережья. Вице-адмирал Рожественский, командующий эскадрой, не очень верил в успех предприятия, но, повинуясь приказу императора, распорядился, чтобы корабли готовились к походу. В октябре 1904 года Николай II, находясь на борту своей яхты «Штандарт», прощался с эскадрой. После того как окрашенные в шаровый цвет броненосцы и крейсера вышли из Либавы «в дальнейшее многотрудное плавание», император написал: «Благослови путь ее, Господи, дай ей прийти целою к месту назначения и там выполнить ее тяжелую задачу на благо и пользу России!»

Как назло, задолго до того, как его эскадра добралась до Японских островов, вице-адмирал Рожественский едва не развязал войну с Англией. На адмирала произвело огромное впечатление вероломное нападение японских миноносцев на русские корабли в Порт-Артуре. Он предположил, что японцы могут снова прибегнуть к этой подлой тактике и, пройдя под чужим флагом нейтральные воды, нанести еще один страшный удар русской эскадре. Человек осторожный, вице-адмирал сразу после выхода из порта приказал выставить дополнительные посты наблюдения. Проходя Немецким морем, находившиеся во взвинченном состоянии командиры русских кораблей внезапно увидели, что они окружены целой флотилией малотоннажных судов. Без лишних слов русские обрушили огонь орудий на английские траулеры, которые вели лов рыбы на Доггер-Банке. После первых же залпов русские осознали свою ошибку. Но адмирал так перепугался, что, вместо того чтобы, застопорив машины, заняться спасением уцелевших, он помчался прочь²³.

Потоплен был всего один траулер и убиты два матроса, но Великобритания почувствовала себя оскорбленной. Николай II, и без того возмущенный дипломатической поддержкой, оказываемой Англией японцам, отказался принести свои извинения британскому правительству. 13 октября 1904 года он писал матери из Царского Села: «Англичане кипятятся сильно, они даже имеют свои эскадры наготове. Вчера я послал телеграмму д. Берти с сожалением о смерти невинных людей, но *не* с извинением, потому что нельзя извиняться, когда не знаешь причин и обстоятельств того, что случилось. Я не думаю, что англичане будут дерзость иметь пойти дальше громких слов».

²² В действительности японцы потеряли 110 000 человек и 15 кораблей, 16 кораблей получили повреждения.

²³ Дело обстояло иначе. Установлено, что эскадру действительно атаковали японские миноносцы, до этого скрывавшиеся в норвежских фьордах.

Русский посол в Лондоне, граф Бенкендорф, вернее оценил гнев британцев и сразу же порекомендовал обеим сторонам обратиться в Гаагский суд. Царь неохотно согласился, и впоследствии России пришлось выплатить компенсацию в шестьдесят пять тысяч фунтов стерлингов.

После этого неприглядного инцидента вице-адмирал Рожественский повел свою эскадру в Атлантику, держа курс на мыс Доброй Надежды. Обогнув мыс, русские корабли направились в сторону Индийского, а затем Тихого океана. Три месяца эскадра простояла на рейде у принадлежавшего Франции острова Мадагаскар. В это время русские дипломатические агенты обследовали все верфи мира с целью приобрести дополнительное количество броненосцев для усиления эскадры. Кайзер приказал экипажам германских коммерческих судов снабжать русскую эскадру топливом. На уединенных якорных стоянках Мадагаскара и залива Камран, что в Индокитае, немецкие моряки погрузили сотни тонн угля в бункера потрепанных штормом кораблей адмирала Рожественского.

В два часа пополудни 27 мая 1905 года двигавшаяся двумя кильватерными колоннами русская эскадра, впереди которой шли восемь броненосцев, вошла в Цусимский пролив, отделяющий Японию от Корейского полуострова. Командующий японской эскадрой адмирал Того выстроил свои корабли, двигавшиеся впереди русской эскадры, так, чтобы охватить головную ее часть, и с дистанции 38 кабельтовых (около 7 км) обрушил огонь на головной броненосец, затем на следующий... Под шквалом снарядов русские корабли взрывались, переворачивались или просто теряли ход. Через сорок пять минут бой был окончен. Того дал сигнал миноносцам атаковать подбитые корабли. Погибли все русские броненосцы, семь из двенадцати крейсеров и шесть из девяти эскадренных миноносцев²⁴.

Цусимское сражение, крупнейшая морская битва со времен Трафальгарской, оказало огромное влияние на тактику морского боя во всех флотах мира. Это коснулось и Британии, чьи жизненные интересы зависели от целостности королевского военно-морского флота, который, оказывается, мог проиграть войну в одном лишь генеральном сражении. Перепугался и кайзер, лелеявший мечту об океанском флоте. В результате за четыре года Первой мировой войны гигантские флоты Великобритании и Германии встретились лишь однажды, у побережья Ютландии. Цусимский бой убедил американского президента Теодора Рузвельта в том, что ни одна держава не должна распылять свой военный флот, как сделали это русские. Рузвельт тотчас начал проводить в жизнь планы сооружения канала на Панамском перешейке с целью соединения двух океанов, омывающих побережья страны.

«Телеграмма [о Цусимской трагедии] была принята в пути в императорском поезде, — вспоминал Мосолов. — Царь послал ее Фредериксу для передачи военному министру Сахарову и свите.

Генерал Сахаров долго совещался с царем. По окончании разговора он подтвердил нам, сколь обеспокоен государь известием:

— Царь обсуждал с нами событие, проявил полное сознание будущих трудностей. Он мне начертил мероприятия, вызванные новым положением».

Внешне император проявлял самообладание, но в своем дневнике в тот вечер записал: «Теперь окончательно подтвердились ужасные известия о гибели почти всей эскадры в двухдневном бою».

Сознавая, что России войну не выиграть, Николай II вызвал к себе С. Ю. Витте и отправил его в Портсмут в качестве главного уполномоченного для ведения мирных переговоров с Японией при посредничестве президента США Теодора Рузвельта. Хотя война заканчивалась так, как и предсказывал Витте, поручение это принял он весьма неохотно. Когда нужно вычистить сточную канаву, возмущался бывший министр, то посылают за Витте. А

²⁴ Автор весьма упрощенно и тенденциозно дает картину боя. См.: Русско-японская война. Кн. 1–7. СПб., 1912–1918.

едва грязная работа закончена, то для более приятных поручений появляется уйма других кандидатов.

После того как Витте на борту германского парохода «Вильгельм Великий» пересек Атлантический океан в обществе множества европейских журналистов, он повел себя так, как подобает «представителю величайшей империи, у которой приключилась маленькая неприятность». Прибыв в Портсмут в штате Нью-Гемпшир, где должны были происходить переговоры, русский уполномоченный обнаружил, что американцы восхищены «смелыми япончиками». Витте решил изменить мнение американской публики. «Я свободно допускал к себе корреспондентов... Постепенно американское общественное мнение, а вслед за тем и пресса все более и более склоняли свою симпатию к главуполномоченному русского царя, – вспоминал Витте. – Такому повороту общественного мнения содействовали и японские уполномоченные... их скрытностью и уединенностью... Образ моего поведения постепенно все более и более располагал ко мне прессу и публику. Когда меня возили экстренными поездами, я всегда подходил, оставляя поезд, к машинисту и благодарил его, давая ему руку... К удивлению публики... статс-секретарь Его Величества... более прост, более доступен... Мое поведение... налагало на меня большую тяжесть... Я должен был быть непрерывно актером».

И старания его оказались не напрасными.

Оказавшись, благодаря действиям Витте, в положении грубиянов, японские уполномоченные не смогли бы добиться удовлетворения всех их претензий. Наконец, Николай II, зная, что финансовое положение Японии не позволяло ей продолжать войну, заявил своему министру иностранных дел: «Передайте Витте мой приказ закончить завтра переговоры при любых обстоятельствах. Я предпочитаю продолжать войну, чем ждать великодушных уступок со стороны Японии». Комура, приехавший на переговоры победителем, вынужден был пойти на компромисс.

После конференции Витте поехал к президенту Рузвельту на его дачу в Сагамор-Хиллс на острове Ойстер-Бэй. «Мы у президента завтракали... Завтрак более чем простой, на столе, не покрытом скатертью, для европейца очень трудно варимый. Вина никакого – одна ледяная вода». Витте «был удивлен, как мало они [Рузвельт и многие американские деятели] знают политическую констелляцию (обстановку. – *Ред.*) вообще и европейскую в особенности... Мне приходилось слышать самые наивные, если не сказать невежественные, политические суждения...» Рузвельту Витте тоже не очень пришелся по душе... «Не могу сказать, что он мне понравился, – заявил президент. – Я полагал, что его хвастливость и заносчивость не только глупы, но и шокирующе вульгарны по сравнению с благородной сдержанностью японцев. Кроме того, он произвел на меня впечатление человека эгоистичного и полностью лишенного идеалов».

В Россию С. Ю. Витте вернулся довольный тем, что им было достигнуто. «Меня всюду возносили и возвеличивали. Сам государь был нравственно приведен к необходимости дать мне совершенно исключительную награду, возведя меня в графское достоинство. И это при личном ко мне нерасположении его и в особенности императрицы и при самых коварных интригах со стороны массы царедворцев и многих высших бюрократов, столь же подлых, как и бездарных».

И действительно, Витте провел переговоры блестяще. «Никто из профессиональных дипломатов не мог бы сделать того, что было сделано им», – писал А. П. Извольский, вскоре ставший русским министром иностранных дел. Царь принял С. Ю. Витте на борту своей яхты в сентябре 1905 года. «В Бьерке к нам явился Витте, – сообщал Николай II своей родительнице. – Он был прост и весьма интересен. После длинного разговора с ним, когда я объявил ему о графском титуле, с ним почти случился „столчок“, и он затем три раза старался поцеловать руку!»

Цусима положила конец «священной миссии» России в Азии. Побитый и уничтоженный японскими «макашками», русский гигант снова направил свои взоры в сторону Европы. Наблюдавший из Берлина за ходом войны кайзер был вполне доволен ее исходом. Такого соседа, как русский царь, – без флота, с разбитой армией, разочарованным, озлобленным народом – опасаться было нечего. Вильгельм был уверен, что Николай II по-прежнему расположен к нему. Он утешал царя: дескать, поражения терпели даже Фридрих Великий и Наполеон. Вильгельм изображал из себя этакого верного союзника России, «защищавшего» ее границы в Европе от его собственного союзника, Австрии. И теперь, после провала авантюры на Дальнем Востоке, в которую сам же и втянул русского государя, кайзер стал вновь добиваться своей прежней цели – разрушить союз России и Франции, соблазняя Николая II создать альянс самодержцев – русского и германского.

Особенно ярким тому примером явилась его встреча с царем в Бьерке у побережья Финляндии в июле 1905 года. Непосредственным ее поводом послужила шумиха, поднятая прессой после инцидента на Доггер-Банке. Британская печать, требовавшая, чтобы корабли британского королевского флота не позволяли немецким пароходам снабжать углем суда русской эскадры, привела Вильгельма в состояние бешенства. На письмо германского императора Николай II ответил следующим образом: «Я вполне разделяю твое неудовольствие по поводу поведения Англии... Безусловно, пора положить этому конец. Единственное средство этого достигнуть, как ты говоришь, это – чтобы Германия, Россия и Франция пришли к соглашению уничтожить англо-японское высокомерие и нахальство. Составь и набросай, пожалуйста, проект такого договора и сообщи мне его. Как только он будет нами принят, Франция должна будет присоединиться к своей союзнице».

Вильгельм II чрезвычайно обрадовался и принялся составлять проект такого соглашения. На следующее лето кайзер направил царю частную телеграмму, в которой приглашал кузена встретиться с ним в море в качестве «простого туриста». Николай Александрович согласился и вышел на своей яхте из Петергофа, не взяв с собой никого из министров. Вечером того же дня обе яхты – «Гогенцоллерн» и «Штандарт» – бросили якоря в одной из финских шхер. Два императора встретились за ужином. На следующее утро Вильгельм полез в карман и как бы случайно извлек оттуда проект договора о союзе между Россией и Германией. Одно из условий заключалось в том, чтобы сообщить Франции о таком соглашении после его подписания и предложить ей, если она того пожелает, присоединиться к России и Германии. По словам кайзера, Николай II, прочитав проект, заявил: «Превосходно. Я согласен».

«Тогда, может, ты подпишешь документ? – небрежно произнес Вильгельм. – Это будет напоминать мне о нашей встрече».

Николай II поставил свое имя на документе, Вильгельм торжествовал. Со слезами радости на глазах он сказал царю, что их общие предки смотрят на них с небес и с восторгом одобряют их действия.

Вернувшись в свои столицы, оба императора были неприятно поражены. Германский канцлер, фон Бюлов, осудил договор, назвав его бесполезным для Германии, и грозился подать в отставку. Расстроенный кайзер написал канцлеру полное отчаяния письмо: «На следующее утро после твоего прошения об отставке ты не застанешь своего императора в живых. Подумай о моей бедной жене и детях». Ламсдорф, русский министр иностранных дел, пришел в ужас. Он не верил своим глазам и ушам. Союз с Францией является краеугольным камнем внешней политики России, объяснял он царю. Подобный факт нельзя так легко сбрасывать со счетов. Франция никогда не вступит в союз с Германией, а Россия, в свою очередь, не вправе заключить такой союз без предварительных консультаций с Францией.

Впоследствии Вильгельма уведомили, что составленный им проект соглашения в том виде, в каком он предложен, не может быть ратифицирован. Кайзер воззвал к царю, страстно

убеждая его пересмотреть свое решение: «Твой союзник совершенно покинул тебя в течение всей войны, в то время как Германия помогала тебе как могла... Мы соединили руки и подписали договор пред лицом Бога, который слышал наши обеты. Что подписано, то подписано, и Бог тому свидетель». Однако Бьеркские соглашения так и не были официально одобрены, и вскоре переписка кузенов почти прекратилась. Да и влияние кайзера на русского императора резко пошло на убыль. Но глаза у царя открылись слишком поздно. К 1905 году он проиграл войну, и Россия на всех парах неслась к революции.

Глава девятая

1905 год

«Маленькая победоносная война», которой так страстно желал министр внутренних дел Плеве, завершилась, но сам он ее конца не дождался. В. К. фон Плеве был профессиональным полицейским. Самым блестящим эпизодом в его карьере был арест всех лиц, причастных к убийству Александра II. Назначенный в 1902 году после гибели его предшественника от рук террориста, Плеве, по словам одного из его сослуживцев, был хорош для выполнения мелких поручений, но недостаточно умен для государственной деятельности. Став министром, он запретил какие бы то ни было политические собрания. Студентам не разрешалось собираться на улицах Москвы и Санкт-Петербурга. Без предварительного письменного разрешения полиции нельзя было приглашать к себе на вечеринку больше чем самое малое число гостей. Предметом особой ненависти Плеве было пятимиллионное еврейское население России²⁵. Подвергаемые репрессиям русские евреи в массе своей становились террористами. При Плеве полиция закрывала глаза на действия антисемитов. В его бытность министром внутренних дел произошел знаменитый дикий и жестокий кишиневский погром, во время которого разъяренной толпой было убито 45 евреев и разрушено 600 домов, где жили еврейские семьи; полиция вмешалась лишь на следующий день. Правительство осудило погром, губернатор был снят с должности, погромщики были арестованы и наказаны, но Плеве сохранил министерский пост. С. Ю. Витте заявил Плеве, «что при той политике, которую он ведет... он неизбежно погибнет от руки какого-нибудь фанатика». И действительно, 15 июля 1904 года под карету, в которой ехал Плеве, была брошена бомба и он был убит.

Несмотря на смерть министра, его детище – рабочее движение, созданное и тайно руководимое полицией, продолжало жить²⁶. Руководителем петербургской организации рабочих стал священник Георгий Гапон, который рассчитывал укрепить в рабочих монархические чувства, чтобы обезопасить их от вируса революционных идей. Он надеялся направить возмущение рабочих экономическими трудностями против заводчиков, тем самым отведя удар от правительства. Что касается фабрикантов, то и их полицейские власти убедили в целесообразности создания контролируемой организации рабочих, чтобы оградить мастеровых от влияния социалистической пропаганды.

Но Гапон не был обыкновенным агентом охраны. Он искренне желал помочь трудящемуся люду и был популярен среди обитателей пролетарских районов Петербурга, где проповедовал. Цель созданного им «Собрания русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга» заключалась, по его словам, «в постепенном созидании среди фабрично-заводских рабочих разумного и благожелательного элемента с русским самосознанием, который, добиваясь... улучшения в духовном и материальном быту рабочих, не поступался бы... коренными русскими началами». Кое-кто заподозрил попу в связях с полицией, однако подавля-

²⁵ Антисемитизм, типичная для России болезнь, восходил к древнейшим временам. «Для православного, – объяснял один еврейский историк, – еврей был язычником, осквернителем истинной веры, убийцей Христа». Этому же мнению придерживались и цари. Петр I, не разрешавший торговцам-евреям въезд в Россию, заявил: «Задача моя искоренять зло, а не приумножать его». Вторя Петру, Екатерина II сказала: «От врагов Христовых интересной прибыли не желаю». Именно Екатерина II после включения в состав Российской империи густо населенных евреями областей восточной Польши установила черту оседлости, которую не должны были пересекать жившие в Польше и на Украине евреи. Ограничения не были чересчур строгими, однако в XIX веке жизнь евреев в России была сопряжена с преследованиями. Следует отметить, что евреи, перешедшие в православие, свободно вписывались в русское общество. – *Примеч. авт.*

²⁶ Идея организации рабочего движения такого рода – явления неоднозначного – принадлежала не Плеве, а Зубатову.

ющая масса рабочих поддерживала его, видя в организации Гапона средство для устройства собраний и маршей протеста.

Весть о падении Порт-Артура – еще одном унижении русского народа – всколыхнула всю страну, возмущенную бездарным военным руководством. Небольшая по размерам стачка на Путиловском заводе в Петербурге внезапно разрослась, в нее включились тысячи бастующих рабочих²⁷. Гапону оставалось или возглавить движение, или же оказаться за бортом. Он решил отвергнуть роль полицейского агента и стать вождем рабочих. Целую неделю он ходил с одного собрания на другое, произнося страстные речи. Перечень требований, предъявляемых к правительству, с каждым днем увеличивался. Вообразив себя заступником рабочего люда, в конце недели Гапон заявил, что поведет людей к Зимнему дворцу и от имени русского народа передаст царю петицию. Он зримо представлял себе, как выйдет на балкон царь-батюшка и, увидев внизу человеческое море, вызовет свой народ от «эксплуатации капиталистов» и «произвола чиновничьего правительства, состоящего из казнокрадов и грабителей, не только... не заботящихся об интересах народа, но попирающих эти интересы». Помимо требования защитить народ, в петиции содержались требования об учредительном собрании, всеобщем избирательном праве, образовании, отделении церкви от государства, амнистии всем политическим заключенным, подоходном налоге, прожиточном минимуме и восьмичасовом рабочем дне.

Гапон не сообщил о своих намерениях ни одному ответственному правительственному чиновнику. Да если бы он это и сделал, то вряд ли кто-либо к нему прислушался бы. Князь Святополк-Мирский, недавно назначенный либеральный министр внутренних дел, был занят приготовлениями к традиционному обряду Водосвятия, во время которого государь с духовенством и свитой должны были присутствовать на освящении воды митрополитом. Когда в тот день (6 января) царь проезжал по улицам Петербурга, его приветствовали толпы народа. По традиции с Петропавловской крепости, находящейся напротив Зимнего дворца, начали салютовать орудия. Одно из них оказалось заряженным не холостым, а боевым снарядом, который взорвался у ног царя, ранив полицейского. Расследование показало, что налицо была простая случайность.

Лишь в субботу, 8 января, когда Гапон уведомил правительство, что на следующий день состоится шествие рабочих, и просил передать царю просьбу принять у него петицию, Святополк-Мирский встревожился. Состоялось экстренное совещание. Ни у кого и в мыслях не было обращаться с подобного рода просьбой к императору, который находился в Царском Селе и не ведал ни о шествии, ни о петиции. Предложение, чтобы петиция была принята кем-то из членов императорской фамилии, было также отклонено. В конце концов, уведомленный начальником полиции о том, что у того недостаточно людей, чтобы арестовать Гапона, имевшего столько сторонников, министр внутренних дел и его коллеги решили вызвать в город дополнительные войска в надежде удержать положение под контролем.

Лишь в субботу вечером Николай II узнал от Святополка-Мирского о том, что может произойти на следующий день. «Из окрестностей вызваны войска для подкрепления гарнизона, – записал в дневнике 9 января император. – Рабочие до сих пор вели себя спокойно. Количество их определяется в 120 000 человек. Во главе союза какой-то священник-социалист Гапон. Мирский приезжал вечером с докладом о принятых мерах».

²⁷ То было время ожесточенных стычек во всех промышленных странах. К примеру, во время стачки 1894 года судья Уильям Говард Тафт, будущий президент США, писал жене: «Солдатам придется убить кое-кого из толпы, чтобы прекратить беспорядки. Пока убито только шесть человек. Этого едва ли достаточно, чтобы произвести впечатление». В конце концов было убито 30, ранено 60 и арестовано 400 рабочих. Шесть лет спустя Теодор Рузвельт, баллотировавшийся в вице-президенты, заявил в частной беседе: «Волнения, охватившие значительные слои нашего населения, можно успокоить лишь в том случае, если арестовать десять-двенадцать их вожakov, поставить к стенке и расстрелять. Думаю, дело тем и кончится. Эти вожаки затевают у нас социальную революцию и свержение Американской республики». – *Примеч. авт.*

Воскресным утром 9 января 1905 года под свист метели поп Гапон двинулся во главе шествия. Из рабочих кварталов демонстранты направились к центру города. Взявшись за руки, шли спокойно, в радостном ожидании успеха. Одни несли кресты, образа и хоругви, другие – национальные флаги и портреты царя. Слышались песнопения, гимн «Боже, Царя храни». В два часа пополудни все колонны должны были подойти к Зимнему дворцу.

Столкновений с войсками не было. Но во всех частях города у мостов и на основных магистралях города выстроились шеренгами пехотинцы, подкрепленные казаками и гусарами. Недоумевая, что это значит, и боясь опоздать к встрече с царем, толпы продолжали двигаться вперед. Возникла паника. Солдаты открыли огонь. Мужчины, женщины, дети падали, сраженные залпами. Утоптаный снег окрасился кровью. По официальным данным, было убито 92 человека и сотни были ранены. Фактическое же число жертв было, очевидно, в несколько раз больше²⁸. Гапон сбежал, другие руководители шествия были арестованы. Изгнанные из столицы, они разъезжали по империи, и в их устах количество жертв переросло в тысячи.

Кровавое воскресенье стало поворотным пунктом в истории России. Оно разрушило вековую веру в единение царя и народа. Когда пули пронзали иконы, хоругви и царские портреты, которые рабочие несли в руках, послышались возгласы: «Царь нам не поможет». А потом стали добавлять: «Выходит, у нас нет больше царя!» Неумелые действия правительства были восприняты за рубежом как жестокая расправа. Рамсей Макдональд, будущий британский премьер-министр, осудил царя, назвав «кровавым» и «обыкновенным убийцей»²⁹.

Спрятавшийся за границей Гапон опубликовал открытое письмо, в котором громил «Николая Романова, бывшего царя, а ныне душегуба России. Невинная кровь рабочих, их жен и детей навсегда легла между тобой и народом!.. да падет вся пролитая кровь на тебя, вешатель!». Гапон стал подлинным революционером: «Я призываю все социалистические партии прийти к немедленному согласию и начать вооруженное восстание против царизма!»

Но репутация Гапона оказалась подмоченной. Руководители партии эсеров³⁰ были убеждены, что он по-прежнему связан с полицией. Его приговорили к смертной казни, и в апреле 1906 года Гапона нашли повешенным на заброшенной даче в Озерках.

Узнав о трагедии, случившейся 9 января, государь, находившийся в Царском Селе, был потрясен до глубины души. «Тяжелый день! – записал он вечером того же дня. – В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело!» Были срочно созваны министры, и Витте посоветовал царю немедленно заявить во всеуслышание, что он не имеет никакого отношения к расправе, что войска, дескать, начали стрелять без приказа. Не желая порочить армию, Николай II отказался делать это. Чтобы смягчить впечатление от Кровавого воскресенья, генерал-губернатор Трепов отобрал 34 рабочих и доставил их в Царское Село. Царь принял эту «делегацию» и выступил с речью, в которой призвал рабочих помочь армии на фронте и не слушать подстрекателей-революционеров. Когда рабочие вернулись в Петербург, то их

²⁸ В январском номере за 1918 год журнала «Пламя», выходившего в Петрограде под редакцией А. Луначарского, указывалось, что к резиденции царя шло не 300 000, а 140 000 человек. Число погибших в результате подлой провокации составило не 130, а 54 человека.

²⁹ И гапоновская провокация, и события 1905 г. были организованы Парвусом, которого И. Бунич называет «отцом первой русской революции».

³⁰ В их числе полицейские агенты и провокаторы – такие как Евно Азеф, Пинхус Рутенберг, Борис Савинков и ряд других. Кстати, в отличие от последних, Гапон не скрывал от ближайших товарищей своих сношений с Зубатовым, Плеве и градоначальником.

на некоторых фабриках, по словам Витте, так встретили, «что они должны были оттуда удалиться».

Государыня была в отчаянии. Через пять дней после Кровавого воскресенья она написала сестре, принцессе Виктории Баттенбергской: «Ты понимаешь, какое трудное время мы переживаем. Поистине время тяжких испытаний. Моему бедному Ники приходится нести тяжкий крест, но ему не на кого опереться, никто не может ему по-настоящему помочь. У него было столько неприятностей и разочарований, и все-таки он по-прежнему полон отваги и веры в Провидение. Он так много и так упорно трудится, но ему недостает „настоящих“ людей... Плохие всегда под рукой, остальные же, из ложной скромности, держатся в тени. Мы пытаемся встречаться с новыми людьми, но это сложно. На коленях молю Господа умудрить меня, чтобы я смогла помочь супругу в его тяжком труде...

Не верь всем ужасам, о которых пишут в газетах. От их рассказов волосы встают дыбом, все это бесстыдная ложь. Да, увы, войскам пришлось стрелять. Толпе неоднократно было приказано разойтись и сказано, что Ники нет в столице (поскольку зимой мы живем в Царском Селе) и что войска будут вынуждены стрелять, но толпа не захотела повиноваться, и пролилась кровь. Всего убито 92 человека и 200–300 человек ранено. Это ужасно, но иначе толпа выросла бы до гигантских размеров, и погибли бы тысячи. Цифры погибших раздуваются, распространяясь по стране. В петиции содержались всего два требования самих рабочих, остальное же кошмарно: отделение церкви от государства и т. д. и т. п. Если бы была направлена небольшая депутация, изложившая бы требования рабочих, все было бы иначе. Узнав о содержании петиции, многие рабочие пришли в ужас и обратились с просьбой защитить их, чтобы они могли работать без помех.

Петербург – порочный город, в нем ничего русского. Русский народ искренне предан своему монарху, а революционеры, прикрываясь его именем, настраивают крестьян против помещиков и т. д., каким образом, не знаю. Как бы мне хотелось быть мудрее и оказаться по-настоящему полезной супругу. Я люблю свою новую родину. Она так молода, сильна, в ней столько доброго, только народ неуравновешен и похож на больших детей. Бедный Ники, как ему трудно приходится. Если бы у его родителя было больше надежных людей, которых он смог бы привлечь, мы смогли бы назначать их на нужные должности; теперь же у нас или очень старые, или слишком незрелые люди, у нас нет выбора. От дядей проку мало. Миша [великий князь Михаил Александрович, младший брат государя] еще совсем мальчик...»

Но Кровавое воскресенье было лишь началом страшного года. Через три недели, в феврале, в Москве был убит великий князь Сергей Александрович, дядя царя и муж Эллы. Великий князь, гордившийся тем, что его так ненавидят революционеры, попрощавшись с женой, выезжал из Никольских ворот Кремля, где в это время находилась жена, и в ту минуту в него бросили бомбу. Услышав грохот взрыва, Елизавета Федоровна воскликнула: «Это Серж!» – и кинулась к супругу. Но нашла лишь окровавленные куски, разбросанные на снегу. Набравшись мужества, великая княгиня подошла к умирающему кучеру и успокоила его, сказав, что генерал-губернатор остался жив. Впоследствии Елизавета Федоровна посетила убийцу, эсера Каляева, в тюрьме и просила его покаяться: «Если вы вступите на путь покаяния, я умолю Государя даровать вам жизнь и буду молиться Богу, чтобы Он вас простил так же, как я сама уже вас простила». Тот отказался, заявив, что его смерть будет способствовать свержению самодержавия.

После убийства мужа жизнь Эллы круто изменилась. Веселой, порывистой молодой женщины, которая руководила младшей сестрой, оставшейся без матери, и которая отвергла ухаживания Вильгельма II, каталась на коньках и танцевала с цесаревичем, как не бывало. Теперь на первый план вышла та святая доброта и мягкость характера, которые позволяли великой княгине мириться с нравом мужа. Несколько лет спустя Елизавета Федоровна основала в Москве Марфо-Мариинскую обитель и стала ее настоятельницей. Великая княгиня

«проявила последнюю заботу о женском изяществе: она заказала рисунок одежды для своей общины московскому художнику Нестерову. Одежда эта состояла из длинного платья тонкой шерстяной материи светло-серого цвета, полотняного нагрудника, тесно окаймляющего лицо и шею, и, наконец, из длинного покрывала белой шерсти, падающего на грудь в широких складках».

Каждый месяц в разных концах России происходили теракты. 19 октября 1906 года император писал матери: «Тошно стало читать агентские телеграммы, только и были сведения о забастовках в учебных заведениях, аптеках и пр., об убийствах городских, казаков и солдат, о разных беспорядках, волнениях и возмущениях. А господа министры, как мокрые курицы, собирались и рассуждали о том, как сделать объединение всех министерств, вместо того чтобы действовать решительно». Разгром русской эскадры под командованием Рожественского в Цусимском бою послужил сигналом к восстаниям на кораблях Балтийского и Черноморского флотов. Матросы броненосца «Потемкин», возмущенные тем, что их якобы накормили несвежим мясом, побросали своих офицеров за борт и, подняв красный флаг, курсировали вдоль побережья, подвергая артобстрелу приморские города. Когда запасы топлива иссякли, экипаж корабля сдался румынским властям в порту Констанца.

К середине 1905 года вся страна была парализована всеобщей забастовкой. От Варшавы до Урала бездействовали железные дороги и заводы; суда стояли у причалов без разгрузки. В Петербурге не хватало продовольствия, не издавались газеты, начались перебои со снабжением электроэнергией. Днем улицы заполнялись толпами, которые аплодировали ораторам, с крыш домов свешивались кумачовые флаги. По вечерам на улицах стало безлюдно и темно. В провинции крестьяне грабили поместья, калечили и воровали господский скот, жгли усадьбы, и пламя пожаров освещало ночное небо.

Откуда ни возьмись появились новоявленные организации рабочих – советы, куда избирали делегатов по одному из тысячи. Возникли они стихийно, но влияние их и количество стало быстро расти. Появился и лидер – Лев Бронштейн-Троцкий, страстный оратор, член меньшевистской фракции РСДРП. Советы стали угрожать фабрикантам разнести в пух и прах их заводы, если те не закроются. Тогда вводились войска. Перед всеми казенными зданиями прохаживались часовые; по улицам гарцевали казаки. Стоило вспыхнуть искре, и началась бы революция.

В одном из самых известных его писем императрице-матери государь так описывал тогдашние события: «Наступили грозные тихие дни, именно тихие, потому что на улицах был полный порядок, а каждый знал, что готовится что-то, – войска ждали сигнала, а *те* не начинали. Чувство было, как бывает летом перед сильной грозой! Нервы у всех были натянуты до невозможности... В течение этих ужасных дней я виделся с Витте постоянно, наши разговоры начинались утром и кончались вечером при темноте. Представлялось избрать один из двух путей: назначить энергичного военного человека и всеми силами постараться раздавить крамолу; затем была бы передышка и снова пришлось бы через несколько месяцев действовать силою; но это стоило бы потоков крови и в конце концов привело бы к теперешнему положению...

Другой путь – предоставление гражданских прав населению – свободы слова, печати, собраний и союзов и неприкосновенности личности; кроме того, обязательство проводить всякий законопроект через Государственную думу – это, в сущности, и есть конституция... Почти все, к кому я ни обращался с вопросом, отвечали так же, как Витте... Он прямо объявил, что если я хочу *его* назначить председателем Совета министров, то надо согласиться с его программой и не мешать ему действовать. Манифест был составлен им и [членом Государственного совета князем Алексеем] Оболенским. Мы обсуждали его два дня, и наконец, помолвившись, я его подписал... Единственное утешение – это надежда, что такова воля

Божья, что это тяжелое решение выведет дорогую Россию из того невыносимого хаотического состояния, в каком она находится почти год».

Сам С. Ю. Витте, разработавший первую русскую конституцию и создавший первый парламент, ни в конституции, ни в парламенты не верил. По словам Т. Т. фон Лауэ, Витте заявил: «Конституция у меня в голове, ну а в душе...» – и с этими словами плюнул на пол. Витте, самый талантливый администратор в России, был рослый, грузный, плечистый господин с большой, как тыква, головой. Начав свою карьеру скромным чиновником в Тифлисе, где родился в 1849 году, Витте стал крупнейшим государственным деятелем, к мнению которого прислушивались два императора.

Мать Витте была русской, отец – потомком голландских переселенцев. Уроженец Прибалтики, старший Витте был образованным человеком, который, «потеряв и свое состояние, и состояние жены на Нетахских заводах для разработки руды», предоставил сыну выбираться в люди, полагаясь лишь на собственные силы и способности. Ни тем, ни другим Витте не был обделен. Поступив «в Одесский университет, я занимался и днем, и ночью, и поэтому за все время пребывания моего в университете я действительно был в смысле знаний самым лучшим студентом. Я до такой степени много занимался и так знал предметы, что никогда к экзаменам не готовился... Я написал диссертацию „О бесконечно малых величинах“... Диссертация была очень оригинальная... не заключала никаких формул, а в ней были только одни философские рассуждения», писал он в своих мемуарах.

Витте надеялся стать профессором математики, но в силу обстоятельств ему пришлось служить на Одесской железной дороге. Он занимал должности контролера и ревизора движения, затем получил место начальника конторы движения. Во время турецкой кампании 1877 года он, по существу, управлял Юго-Западной железной дорогой. «Удалось исполнить это дело удачно, только, пожалуй, благодаря присущему мне... решительному и твердому характеру», – вспоминал он. В феврале 1892 года Витте стал министром путей сообщения.

«...Я не преувеличу, если скажу, что это великое предприятие [сооружение Великого Сибирского пути] было совершено благодаря моей энергии, конечно поддержанной сначала императором Александром III, а потом императором Николаем II», – писал он в мемуарах. В августе 1892 года С. Ю. Витте был назначен на ответственный пост министра финансов. В этом качестве Витте был также ответствен за торговлю и промышленность. И в результате утроил производительную мощь России. «И это ставилось мне в укор. Болваны!» – возмущался Витте. Даже в личной жизни С. Ю. Витте принимал все меры, чтобы не оказаться в дураках. Он был дважды женат, и обе жены были прежде замужем. Познакомившись со своей первой женой, Витте стал хлопотать о ее разводе и, женившись, увез ее в Петербург. Он удочерил единственную дочь жены от первого брака, но поставил при этом условие, что, если у них не будет собственных детей, девочка не станет его наследницей.

Витте государь унаследовал от отца вместе с престолом. И молодой император, и умудренный жизнью министр верили в будущее. «Я знаю, что он [Николай II] совсем неопытный, но и неглупый, и он на меня производил впечатление хорошего и весьма воспитанного молодого человека», – писал Витте и добавлял впоследствии: «Я в своей жизни не встречал человека более воспитанного, нежели ныне царствующий император Николай II». Императрица С. Ю. Витте нравилась меньше, хотя он и вынужден был признать, что она красива. Став министром финансов, он, несмотря на оказываемое ему сопротивление, ввел в стране золотую валюту. Это привлекло в Россию целую армию зарубежных купцов и промышленников, соблазняемых освобождением их доходов от налогов, правительственными субсидиями и заказами. Государственная монополия на продажу спиртных напитков, введенная по его инициативе, позволила казне получать миллионные доходы. Цинизм и напористость Витте претили императору, хотя он и ценил ум министра. После заключения Портсмутского

мира, который при тех обстоятельствах был равносильен победе России, в знак признания заслуг С. Ю. Витте царь возвел его в графское достоинство.

Опытный, проницательный политик, зарекомендовавший себя еще и миротворцем, Витте был самым подходящим деятелем, который смог бы справиться с распространением в стране революции. Даже вдовствующая императрица писала сыну: «Уверена, единственный человек, который сможет помочь тебе сейчас, – это Витте... Он, конечно, гениален». По просьбе царя Витте составил меморандум, в котором, проанализировав ситуацию, пришел к выводу, что существуют только два выхода из положения: военная диктатура или вступление на путь конституции. Сам Витте рекомендовал последний вариант, который обошелся бы дешевле и быстрее успокоил бы брожение умов. Такое предложение было поддержано и великим князем Николаем Николаевичем, двоюродным дедом государя, командующим Петербургским военным округом. На предложение стать военным диктатором он, по словам С. Ю. Витте, отреагировал следующим образом: «Тогда великий князь вынимает из кармана револьвер и говорит: „Ты видишь этот револьвер, вот я сейчас пойду к государю и буду умолять его подписать манифест и программу графа Витте; или он подпишет, или я у него же пушу себе пулю в лоб из этого револьвера“». А граф Фредерикс добавил: „Я не вижу иного выхода, как принятие программы Витте“».

Манифестом 17 октября 1905 года из абсолютной автократии Россия превращалась в полуконституционную монархию. В документе провозглашались «свобода совести, слова, собраний и союзов». Предполагалось создание выборного органа, Государственной думы; устанавливалось, «чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы». До конституционной английской монархии было еще далеко: в руках монарха оставалось руководство обороной и внешней политикой государства, он один обладал полномочиями назначать и смещать министров. И все же с обнародованием манифеста России в считанные месяцы удалось пройти тот трудный участок пути, на преодоление которого Европе понадобилось не одно столетие.

Граф Витте оказался в неловком положении. Убедив монарха даровать России конституцию, он рассчитывал на ее эффективность. Он был назначен на пост председателя Совета министров и тотчас добился отставки Победоносцева. Занимавший должность обер-прокурора Святейшего синода в течение тридцати шести лет, тот сдал дела князю Оболенскому, у которого, по его словам, «на неделе семь пятниц».

Но вместо того, чтобы улучшаться, положение постепенно ухудшалось. Правые ненавидели Витте за посрамление принципа самодержавности, либералы ему не доверяли, а левые опасались, что революция, которой они ждали, ускользнет у них из рук. «Ничего не изменилось, борьба продолжается», – заявил Павел Милюков, известный историк и либерал. В недавно основанной газете «Известия» Лев Троцкий писал: «Пролетариат не хочет ни полицейского хулигана Трепова, ни либерального маклера Витте, ни волчьей пасти, ни лисьего хвоста. Он не желает нагайки, завернутой в пергамент конституции».

Из-за того, что вследствие манифеста полиция лишилась многих своих прав, в различных частях России начались беспорядки. В Прибалтике крестьяне восстали против своих помещиков-немцев, тут и там создавая крохотные деревенские республики. На Украине и в Белоруссии группы правых экстремистов, называвших себя черной сотней, набросились на евреев, которые всегда были козлами отпущения. Начались еврейские погромы в Киеве и Одессе. В Закавказье объектами нападков стали армяне. В Польше и Финляндии высочайший манифест был воспринят как признак слабости царского строя. Создавалось впечатление, что империя разваливается. Возникали массовые демонстрации, участники которых требовали автономии и независимости. В Кронштадте и Севастополе вспыхнули восстания моряков. В декабре Московский совет рабочих и солдатских депутатов вывел на баррикады две тысячи рабочих и студентов. Провозгласив Временное правительство, они десять дней отби-

вались от правительственных войск. Восстание было подавлено переброшенным из Петербурга лейб-гвардии Семеновским полком, солдаты которого расчистили улицы Москвы пушками и штыками. В этот период в Россию вернулся Ленин. Вскоре полиция напала на его след, и ему пришлось то и дело менять место убежища. И все же он злорадствовал: «Идти вперед и стрелять, – восклицал он. – Зовите австрийские и германские войска против русских крестьян и рабочих. Мы за разрастание борьбы, мы за мировую революцию».

Между тем император с нетерпением ждал, когда же эксперимент с конституцией принесет плоды. Дела у Витте не ладились, и царя это огорчало. Из писем его к вдовствующей императрице видно, как росло его разочарование.

27 октября: «Странно, что такой умный человек [Витте] ошибся в своих расчетах на скорое успокоение».

10 ноября: «Все боятся действовать смело, мне приходится всегда заставлять их и самого Витте быть решительнее. Никто у нас не привык брать на себя, и все ждут приказаний, которые затем не любят исполнять».

1 декабря: «Витте готов приказать арестовать главных руководителей мятежа. Я ему давно говорил про это, но он все надеялся обойтись без крутых мер».

12 января 1906 года: «Витте, после московских событий, резко изменился: теперь он хочет всех вешать и расстреливать. Я никогда не видел такого хамелеона... Благодаря этому... почти никто ему не верит».

Чувствуя, как из-под ног у него уходит почва, Витте попытался завоевать доверие царя тем, что из им же составленного манифеста цинично выбросил наиболее важные пункты. Не дожидаясь выборов в Думу, Витте самолично составил ряд основных законов, согласно которым императору всероссийскому принадлежала верховная самодержавная власть. Чтобы сделать правительство независимым в финансовом отношении от ассигнований со стороны Думы, граф Витте, используя огромное личное влияние за рубежом, получил у французского правительства заем на сумму свыше двух миллиардов франков.

Хотя именно с его помощью был создан русский парламент, в делах его граф не участвовал. Перед началом заседаний Государственной думы царь пригласил Витте к себе и предложил подать прошение об отставке. Тот сделал вид, будто обрадован таким оборотом дела, и одному из своих коллег заявил: «Перед вами счастливейший из смертных. Государь не мог мне оказать большей милости, как увольнением меня от каторги, в которой я просто изнывал. Я уезжаю немедленно за границу лечиться, ни о чем больше не хочу слышать и представляю, что будет разыгрываться здесь. Ведь вся Россия – сплошной сумасшедший дом, и вся пресловутая передовая интеллигенция не лучше всех». Разумеется, то была чепуха. До конца жизни Витте хотелось вернуться на службу. Но надежды его не сбылись. «Нет, никогда, пока я жив, не поручу я этому человеку самого маленького дела. Довольно прошлогоднего опыта, о котором я вспоминаю как о кошмаре», – писал 19 октября 1906 года родительнице государь. Впоследствии Витте вернулся в Россию, и император пожаловал ему двести тысяч рублей. Но за девять лет, которые Витте еще прожил на свете, он лишь дважды встретился с царем, да и то эти встречи продолжались не более двадцати минут.

За месяцы войны с Японией и революции 1905 года государь и императрица лишь однажды испытали ничем не омраченную радость. 30 июля 1904 года царь записал в дневнике: «Незабвенный великий для нас день, в который так явно посетила нас милость Божья. В 1¼ дня у Аликс родился сын, которого при молитве нарекли Алексеем».

Долгожданный наследник родился внезапно. Был жаркий день. В полдень царь и царица, находившиеся в это время в Петергофе, сели обедать. Едва успев закончить первое, императрица почувствовала недомогание и ушла к себе в комнату. Спустя меньше часа на свет появился мальчик. Весил он восемь фунтов. В честь рождения наследника российского престола в Петергофе ударили пушки. Вторя им, загрохотали орудия Кронштадта, следом

за ними – батареи Петропавловской крепости. На этот раз было произведено триста залпов. Во всех уголках России палили из пушек, звонили в колокола, развешивали флаги. Цесаревич Алексей Николаевич, названный так в честь царя Алексея Михайловича, любимого Николаем II государя российского, явился первым с XVII века наследником престола, родившимся у царствующего императора.

Его Императорское Высочество Государь Наследник Цесаревич Великий Князь Алексей Николаевич был пухлым, миловидным ребенком с соломенными кудрями и ясными голубыми глазками. Как только им это позволили, в детскую на цыпочках вошли девятилетняя Ольга, семилетняя Татьяна, пятилетняя Мария и трехлетняя Анастасия и принялись разглядывать своего маленького братца.

Крестили августейшего младенца в петергофском соборе Петра и Павла. Алексей Николаевич лежал на расшитой золотом подушке, которую держала в руках княгиня Мария Голицына, гофмейстерина императрицы, которая по традиции опускала царских детей в купель при крещении. Вследствие ее преклонного возраста княгиня появлялась на церемонии с особой оснасткой: через плечо у нее для надежности была надела широкая парчовая перевязь, прикрепленная к подушке. Чтобы не поскользнуться, Голицына была в туфлях на каучуковой подошве.

Цесаревича крестили в присутствии многочисленной родни, в том числе и 87-летнего прадеда, датского короля Христиана IX. Не было лишь самого государя и императрицы: по обычаю, родителям не разрешается присутствовать при таинстве Крещения. Крестил младенца престарелый отец Янышев, который многие годы был законоучителем царских детей. Он нарек младенца Алексеем по имени царя Алексея Михайловича, второго государя из Дома Романовых, правившего в XVII веке, и погрузил его в купель. Цесаревич сердито заплакал. По завершении таинства царь ринулся в храм. Все это время он стоял поблизости, боясь, как бы престарелая княгиня и пожилой священник не уронили мальчика в купель. В тот день царственная чета принимала целую вереницу посетителей. Лежавшая на кушетке государыня то и дело улыбалась стоявшему рядом с ней императору.

Шесть недель спустя, 8 сентября, совсем под иным впечатлением, Николай II записал: «Аликс и я были очень обеспокоены кровотечением у маленького Алексея, которое продолжалось с перерывами до вечера из пуповины! Пришлось выписать Коровина и хирурга Федорова; около 7 час. они наложили повязку. Маленький был удивительно спокоен и весел! Как тяжело переживать такие минуты беспокойства».

На следующий день царь отметил: «Утром опять на повязке была кровь; с 12 час. до вечера ничего не было. Маленький спокойно провел день, почти не плакал и успокаивал нас своим здоровым видом!»

На третий день кровотечение прекратилось. Однако зародившаяся в душе у царя и царицы тревога продолжала усиливаться. Шли месяцы, Алексей научился стоять в кровати, потом ползать и пытался говорить. Когда ребенок спотыкался и падал, на ручках и ножках у него появлялись маленькие шишки и ссадины. За несколько часов они увеличивались в размерах, превращаясь в синеватые опухоли. Кровь под кожным покровом не свертывалась. Страшная догадка родителей подтвердилась. Ребенок был поражен гемофилией.

Этот чудовищный факт, не известный посторонним, давил тяжким грузом на сердце царя уже тогда, когда тот узнал о Кровавом воскресенье и разгроме эскадры в Цусимском бою, и когда подписывал манифест 17 октября. Груз этот давил на Николая до конца его жизни. Именно в этот период лица, часто встречавшиеся с государем, еще не подозревая причины, начали замечать в его характере все более усиливающийся фатализм, покорность судьбе. Императора всегда угнетало то обстоятельство, что он родился в день Иова Многострадального. Чем дальше, тем больше в государе проявлялись черты обреченности. В беседе со Столыпиным он заявил: «Поверьте мне, Петр Аркадьевич, у меня более чем пред-

чувствие, у меня в этом глубокая уверенность: я обречен на страшные испытания; но я не получу моей награды здесь, на земле...»

По иронии судьбы рождение желанного сына, как выяснилось, нанесло смертельный удар царю. Уже в те минуты, когда гремели орудия и взвивались флаги, приветствуя рождение цесаревича, возникла завязка страшной драмы. Вдобавок к проигранным сражениям и потопленным кораблям, революционным заговорам, стачкам и забастовкам появилось еще одно обстоятельство – поначалу незаметная болезнь маленького мальчика, приведшая к крушению императорской России. Трагедия семьи, недуг, неизвестный посторонним, окруженный завесой тайны и подтачивавший царственную семью изнутри, изменит историю России и всего мира.

Часть вторая

Глава десятая Царское Село

Обитатели дворца в Царском Селе тщательно скрывали недуг наследника. «Царское Село было особым миром, – писал Глеб Боткин, сын лейб-медика, – волшебной страной, куда могли проникнуть лишь избранные. Оно стало воплощенной легендой. Для преданных монархистов это был земной рай, обиталище полубогов. Для революционеров – гнездо „кроважых тиранов“, замысляющих свои „жуткие заговоры против ни в чем не повинного народа“».

Царское Село представляло собой символ российского самодержавия. В двадцати с небольшим верстах к югу от столицы стараниями русских царей и императриц в течение нескольких веков создавался этот обособленный мирок – ненастоящий, сказочный, напоминающий искусно изготовленную механическую игрушку. Вдоль высокой металлической ограды, окружающей императорский парк, днем и ночью разъезжали бородатые лейб-казаки в красных черкесах, черных папахах, высоких сапогах, с шашками на боку. На фоне бархатной зелени лужаек парка площадью восемьсот акров выделялись памятники архитектуры, обелиски и триумфальные арки. Рукотворное озеро, по которому можно было плавать на небольших парусных судах, осушалось и снова наполнялось водой, словно ванна. В одном конце парка возвышалась выкрашенная в розовый цвет турецкая баня; неподалеку искусственный холм увенчивала сверкающая позолотой алая китайская беседка. Среди купеческих деревьев, толстые ветви которых были стянуты стальными канатами и железными полосами, пролегали извилистые аллеи. По саду, усеянному экзотическими растениями, шла дорожка, по которой катались на пони. Тут и там темнели разросшиеся кусты сирени, посаженные царственными хозяйками. Со временем кусты превратились в густые заросли. После теплых весенних ливней воздух наполнялся их благоуханным ароматом.

Своим возникновением Царское Село обязано Екатерине I, чувственной супруге Петра I, которой захотелось иметь загородный дворец, куда можно было бы удалиться от каменных громад города, воздвигаемого мужем на болотистых берегах Невы. Дочь Петра I, Елизавета, унаследовала размах родителя. Затратив на строительство Зимнего дворца десять миллионов рублей, она обратила свои взоры к Царскому Селу. Не желая впредь трястись в карете, императрица приказала прокопать канал. Елизавета Петровна так и не успела довести дело до конца, но выкопанные участки каналагодились царскоселам, превратившим их в купальни.

Оба царскосельских дворца, расположенных на расстоянии полукилометра друг от друга, были построены во время царствования Елизаветы Петровны и Екатерины II. В 1752 году Елизавета Петровна повелела знаменитому архитектору Растрелли воздвигнуть в Царском Селе такой дворец, который затмил бы своим блеском Версальский. Растрелли построил величественное, в стиле барокко здание, выкрашенное в белый и голубой цвета, в котором насчитывалось свыше двухсот комнат, ныне известное нам как Екатерининский дворец. Дворец этот так понравился императрице, что она возвела архитектора в графское достоинство. Искренне восхищаясь сооружением и лстя императрице, французский посол заметил, что такому шедевру недостает лишь стеклянного футляра. В 1792 году императрица Екатерина II поручила другому итальянскому архитектору, Кваренги, построить для ее любимого внука, будущего императора Александра I, еще один дворец, поменьше. В отличие

от вычурного Екатерининского дворца спроектированный Кваренги Александровский дворец был скромен. Именно сюда и привез весной 1895 года свою молодую жену Николай II. Здесь они прожили двадцать два года.

Когда речь идет о дворце, то понятие «скромный» становится относительным. В Александровском дворце насчитывалось свыше ста комнат. Из огромных окон царь и императрица видели террасы, павильоны, статуи, сады и нарядные кареты, запряженные великолепными лошадьми. Просторные залы со сверкающим паркетным полом чередовались с кабинетами и покоеями, отделанными мрамором, красным деревом, сверкающими позолотой и хрусталем, задрапированными бархатом и шелком. Под свисающими с потолка огромными люстрами расстилались роскошные ковры, покрывавшие натертые до блеска полы. Окна, через которые заглядывали хмурые сумерки, в зимнее время закрывали голубовато-серебристые гардины. Прохладные залы обогревались огромными изразцовыми печами, и запах древесной смолы смешивался с ароматом благовоний. В любое время года Александра Федоровна украшала дворец цветами. С наступлением холодов цветы доставлялись в Царское Село поездом из Крыма. Каждой комнате свойствен был свой букет запахов. В высоких китайских вазах стояли лилии, источавшие тонкий аромат; в серебряных чашах – нежные фиалки и ландыши, в драгоценных лаковых горшочках – душистые гиацинты.

Чтобы беречь этот рай земной, содержать в порядке газоны и срезать цветы, чистить лошадей, полировать автомобили, натирать полы, стелить постели, протирать хрусталь, прислуживать на банкетах, купать и одевать царских детей, нужны были сотни рук. Помимо собственного Его Величества конвоя из казаков царскую семью охранял сводно-гвардейский полк. Его составляли пять тысяч солдат, тщательно отобранных из всех полков лейб-гвардии. Они обеспечивали охрану ворот и патрулирование в парке. В вестибюлях, коридорах, на лестницах, в кухнях и даже погребах дворца постоянно находились на посту три десятка часовых. Помимо них во дворце дежурили переодетые в штатское полицейские, которые наблюдали за прислугой, торговцами, рабочими и заносили в особую тетрадь имена всех, кто приходил во дворец и покидал его. В пасмурную погоду, выглянув из окна, царь видел рослого солдата в шинели, фуражке и сапогах, шагавшего взад и вперед. Неподалеку обычно скучал полицейский агент в калошах и с зонтиком в руках.

По сверкающему паркету залов, проходя через задрапированные шелком покои, двигались камер-лакеи в великолепных ливреях. В своих лакированных башмаках неслышно ступали конюхи в алых плащах, украшенных императорскими орлами, и шляпах с алыми, желтыми и черными страусовыми перьями. «Вверх по лестнице, покрытой ковровой дорожкой, взбежали камер-лакеи в своих белоснежных чулках, – вспоминал один посетитель, попавший в царский дворец. – Мы проходили через гостиные, вестибюли, банкетные залы, ступая то по ковру, то по натертому до блеска паркету, то снова по ковру... У каждой двери стояло по два ливрейных лакея в самых разнообразных костюмах, в зависимости от того, возле какой комнаты они находились. Одни были в обычных черных фраках, другие в польских костюмах, третьи в красных башмаках, белых чулках и гетрах. Около дверей одной из комнат стояли два живописных лакея... в алых чалмах, скрепленных блестящими пряжками».

Со времен Екатерины II в жизни дворца ничего не изменилось ни во внешней ее стороне, ни в ритме. Установленный еще в прошлом веке, придворный этикет оставался неизменным, как гранитная глыба. После встреч с царем или императрицей, уходя, придворные пятились. Никто не смел перечить члену императорской семьи. К представителям царской фамилии нельзя было обращаться первым. Находясь в присутствии государя или государыни, друзья не здоровались, словно бы не замечая друг друга, если этого первой не делала августейшая особа.

Нередко казалось, что придворный протокол существует сам по себе, по инерции, безо всякого вмешательства людей. Однажды лейб-медик Е. Боткин был удивлен, получив

Анненскую ленту. Согласно протоколу он испросил у царя аудиенции, чтобы выразить тому свою признательность. Встречаясь ежедневно с Боткиным во дворце, государь поразился просьбе. «Что-нибудь случилось, если вы желаете встретиться со мной официально?» – спросил он. «Нет, Ваше Величество, – ответил врач. – Я лишь хотел выразить вам свою благодарность за награду», – указал он на звезду, приколотую к груди. «Поздравляю, – улыбнулся царь. – А я и не знал, что наградил вас».

С личностью императора была связана жизнь всего царскосельского общества. Царское Село представляло собой нарядный провинциальный городок, обитателей которого интересовало лишь одно: жизнь двора и придворные сплетни. Все, что происходило в аристократических особняках, выстроившихся вдоль широкого, обсаженного деревьями бульвара, который вел от вокзала к императорскому парку, было связано с тем, что происходило в царской семье. Стоило царю или государыне кому-то кивнуть, улыбнуться или сказать слово – и разговоров хватало на целую неделю. А какие разгорались страсти, когда дело касалось должностей, наград, приглашений на чашку чая! Визиты во дворец ценились на вес золота. Что могло быть приятней, чем услышать баритон дворцового скорохода: «Вам телефонируют из покоев Ее Императорского Величества!»

Дирижером придворной жизни, церемониймейстером всех событий, происходивших при дворе, раздававшим ордена и ленты, арбитром всех споров был престарелый граф Владимир Борисович Фредерикс, потомок шведского дворянского рода. В 1897 году, в возрасте шестидесяти лет, Фредерикс стал министром императорского двора. Должность эту он занимал вплоть до событий 1917 года, когда она была упразднена. Николай Александрович и Александра Федоровна души не чаяли в «our old man»³¹, как они называли Фредерикса. Тот, в свою очередь, относился к государю и императрице как к родным детям и в узком кругу называл их «mes enfants»³².

«Граф Фредерикс, – писал Морис Палеолог, французский посол, – вполне олицетворяет жизнь двора. Из всех подданных царя на него сыплется больше всего почестей и титулов. Он – министр императорского двора и уделов, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, член Государственного совета, канцлер императорских орденов, главноуправляющий кабинетом Его Величества. Все его долгое существование протекло во дворцах и придворных церемониях, в шествиях и в парадах, под шитьем и галунами... Он посвящен во все тайны императорской фамилии. Он раздает от имени императора все милости и все дары, все выговоры и все кары. Великие князья и великие княгини осыпают его знаками внимания, так как это он управляет их делами, он заглушает их скандалы, он платит их долги. Несмотря на всю трудность его обязанностей, нельзя указать ни одного его врага, столько у него вежливости и такта. К тому же он был одним из самых красивых людей своего поколения, одним из самых изящных кавалеров, и его успехи у женщин неисчислимы. Он сохранил свою стройную фигуру, свои очаровательные манеры... Он совершенный образец своего звания, высший блюститель обрядов и чинопочитания, приличий и традиций, учтивости и светскости».

Но возраст давал себя знать. Фредерикс выдыхался, силы оставляли его. Засыпал во время заседаний. Стал забывчив. Во время войны во дворец прибыл князь Барятинский, чтобы вручить государю орден Святого Георгия. «Фредерикс направился к царю объявить о приходе князя, – вспоминал Г. Боткин, – но, пока брел из комнаты в комнату, забыл, зачем идет, и ушел прочь. Государь ждал князя в одной комнате, князь государя – в соседней. Оба были удивлены и раздосадованы такой медлительностью». В другом случае Фредерикс подошел к государю и, приняв его за своего зятя, Воейкова, спросил: «А ты будешь сегодня

³¹ «Наш старик» (англ.).

³² «Дети мои» (фр.).

на высочайшем завтраке?» Когда император недоуменно посмотрел на министра, тот объяснил, что принял его за кого-то другого.

Вторым любимцем Николая II среди придворных был князь В. М. Орлов, начальник военно-походной канцелярии Его Величества. Высокообразованный, с саркастическим складом ума, потомок одного из фаворитов Екатерины II, князь был всем известен как «толстяк Орлов». Он был настолько тучен, что, садясь, не видел собственных коленей. В прежние времена он был конногвардеец, но в пожилом возрасте не мог уже забраться на лошадь. Во время парадов, когда государь и его свита ехали верхом, Орлов шел рядом с ними пешком.

Естественно, эти придворные были ярыми монархистами «plus royaliste que le roi»³³. Россия, какой ее хотелось бы видеть таким людям, как Орлов, была страной робких, глубоко набожных мужиков, всей душой преданных царю. Врагами же России были те, кто подрывал самодержавие, – политики и революционеры. Такие речи нашептывались императору, несмотря на военные поражения, восстания, взлеты и падения министров и членов Думы. По словам Г. Боткина, волшебный, сонный мир Царского Села, убаюканный песнями усатых сирен, которые напевали «Боже, Царя храни», добросовестно посещали церковь, время от времени со скромным видом спрашивая, когда наградят их очередным орденом, представляют к следующему чину или увеличат жалованье, в конце концов оказался на краю бездны.

«Дворец был построен покоем, – писала Т. Боткина, дочь лейб-медика, разделившего судьбу царской семьи. – Фасадом своим, центром которого являлось полукруглое окно кабинета Его Величества, он выходил на газонную часть парка. Флигеля выходили на большой двор, с чугунными воротами на улицу. В левом флигеле и нижнем этаже центра находились парадные комнаты; в правом флигеле помещалась часть свиты и коронованные гости; в верхнем этаже центра была спальня Их Величеств и комнаты Их Высочеств... Жили они очень тесно. Алексей Николаевич имел две комнаты: спальную и классную. Великие княжны имели две спальни, в которых они жили по двое». Возник особый мир, где царская семья вела уединенную, мирную жизнь.

После бракосочетания Александра Федоровна велела заново отделать комнаты в их флигеле. Для портьер, ковров, обивки мебели, подушек использовались яркие ткани, выписанные из Англии. Любимым цветом императрицы был mauve – сиреневый. Из комнат на втором этаже, предназначенных для детей, была вынесена громоздкая мебель. Ее заменили простые кровати и комоды светлого дерева. Комнаты были задрапированы английским кремоном ярких, веселых тонов. Благодаря стараниям царицы правое крыло дворца стало походить на уютную английскую виллу.

Границу, отделявшую этот интимный мир от остальных дворцовых помещений, охраняли четыре кричаще одетых экзотических телохранителя. У дверей рабочего кабинета царя или будуара, где отдыхала императрица, стояли огромного роста негры в алых шароварах, шитых золотом куртках, туфлях с остроконечными, загнутыми вверх носками. Подруга Александры Федоровны, Анна Вырубова, вспоминала: «За ее стулом стоял арап Джимми в белой чалме и шитом платье. Арап этот был одним из абиссинцев, которые дежурили у покоев Их Величеств... Абиссинцы эти были остатком придворного штата двора времен Екатерины Великой». В действительности же это был американский негр по имени Джим Геркулес. Некогда нанятый Александром III, Джим продолжал свою службу, движимый лишь личной преданностью царской семье. В отпуск Джим ездил в Америку, откуда привозил детям гостинцы – банки повидла из гуайавы.

За тяжелыми дверями, охраняемыми этим фантастическим квартетом, жила своей размеренной жизнью императорская семья. Зимой Царское Село покрывала снежная пелена, солнце вставало лишь в девять часов. Император же к семи был уже на ногах. Одевшись

³³ «Более монархисты, чем сам король» (фр.).

при свете лампы, он завтракал вместе с дочерьми и отправлялся в кабинет работать. Александра Федоровна редко выходила из своего будуара раньше полудня. Утром, полулежа в кровати или на кушетке, она читала или сочиняла длинные сентиментальные письма подругам. В отличие от Николая Александровича, императрица писала свои послания на нескольких страницах, из всех знаков препинания используя лишь многоточия, тире и восклицательные знаки. У ног ее лежал небольшой мохнатый шотландский терьер Эйра. Многие находили, что у собаки подлый нрав: нередко, выскочив из-под стола, Эйра хватала посетителя за пятки. Царица же души в ней не чаяла и носила ее с собой повсюду, даже в столовую.

Не в пример многим царственным супругам, государь и императрица спали вместе; спальня была просторной, с большими окнами, выходившими в парк. Большая двуспальная кровать светлого дерева стояла в простенке между двумя окнами. На полу был мохнатый ковер сиреневого цвета, на нем – стулья и кушетки, обитые цветастой тканью. Справа от кровати – дверь в небольшую молельню государыни. В помещении этом, освещенном тусклым пламенем лампад, висела икона, на столике лежала Библия. Другая дверь вела в ванную комнату императрицы, где в нише хранились разные старинные предметы. Воспитанная в викторианском духе, Александра Федоровна требовала, чтобы ванна и туалет днем драпировались.

Самым знаменитым помещением во дворце – а одно время и во всей России – была Сиреневая гостиная. И портьеры, и ковер, и подушки – все было сиреневого цвета. Даже мебель была сиреневая с белым. «Комната эта была полна цветов, кустов цветущей сирени или розанов, и в вазочках стояли цветы», – вспоминала Вырубова. На столах и полках лежали книги, газеты, фарфоровые и эмалевые безделушки³⁴. Предметы, собранные в этой комнате, напоминали императрице родных, настраивали на религиозный лад. Стены были увешаны иконами. Над кушеткой висела огромная, освещенная по вечерам электрической лампой картина «Сон Пресвятой Богородицы». На другой стене – портрет принцессы Алисы, матери государыни. На почетном месте на столике находилась большая фотография королевы Виктории. Единственным портретом в будуаре, изображавшим не святого и не родственника царицы, был портрет королевы Марии-Антуанетты.

В этой уютной комнате, среди дорогих ее сердцу предметов, Александра Федоровна отдыхала душой. Здесь по утрам она беседовала с дочерьми, помогала им выбрать себе платье и решить, чем сегодня заняться. Сюда спешил к супруге царь, чтобы выпить чашку чая, прочесть газеты, поговорить о детях и государственных делах. Разговаривали они по-английски, хотя с детьми Николай II говорил по-русски. Для Александры Федоровны муж был *Ники*. А. А. Вырубова вспоминала: «Высокая, с золотистыми густыми волосами, доходящими до колен, она, как девочка, постоянно краснела от застенчивости; глаза ее, огромные и глубокие, оживлялись при разговоре и смеялись. Дома ей дали прозвище Sunny (Солнышко) – имя, которым всегда называл ее государь». Иногда в комнатах царского флигеля слышался мелодичный звук, похожий на птичью трель. Этим сигналом Николай звал к себе жену. В первые годы их брака, услышав этот зов, Александра Федоровна покрывалась румянцем и, бросив все дела, спешила к своему супругу. Когда подросли дети, таким же манером царь подзывал к себе и их; этот похожий на птичий свист звук нередко раздавался в Александровском парке.

Рядом с Сиреновой гостиной располагался гардероб, где в шкафах висели платья царицы, на полках лежали шляпы и украшения. У императрицы было шесть девушек-каме-

³⁴ Помимо распятий, икон и образов, Александра Федоровна коллекционировала предметы с изображением свастики. Известная испокон веков, свастика в течение многих тысячелетий была символом Солнца, возрождения и бесконечности. Этот знак видели на предметах, найденных при раскопках Трои, на тканях инков, на стенах римских катакомб. Но поколение, выросшее после гибели императрицы, восприняло этот знак возрождения как символ насилия, нетерпимости и террора. – *Примеч. авт.*

ристок, в обязанности которых входило одевать и раздевать царицу. Правда, она их не слишком утруждала. Однако никто не видел Александру Федоровну раздетой или принимающей ванну. Мылась императрица без посторонней помощи, а когда требовалось привести в порядок волосы, появлялась она в кимоно. Расчесывала и укладывала золотисто-медные волосы матери чаще всего великая княжна Татьяна Николаевна. Когда туалет царицы был почти закончен, она посылала за камеристками, которые застегивали ей пуговицы и надевали украшения. «Сегодня только рубины, – говорила императрица, или же: – К этому платью жемчуг и сапфиры». Всем другим драгоценностям царица предпочитала жемчужные ожерелья и обычно надевала несколько ниток жемчуга, свисавших до пояса.

Днем Александра Федоровна носила свободного покроя платья, отделанные у ворота и талии кружевами. Распространенные в эпоху короля Эдуарда VII узкие юбки находила очень неудобными. «Неужели вам действительно нравится эта юбка?» – спросила императрица свою фрейлину Юлию (Лили) Ден, муж которой служил офицером на царской яхте «Штандарт». «Видите ли, Ваше Величество, *c'est la mode*³⁵», – ответила дама. «Такая юбка ни на что не пригодна, – возразила государыня. – А ну, Лили, докажите мне, что она удобна. Бегите, Лили, бегите, посмотрю, как это у вас получится».

Платья для императрицы шила законодательница дамских мод в Петербурге, некая мадам Бриссак. Эта портниха сколотила целое состояние и приобрела в столице особняк. Все ее клиентки, в том числе сама царица, жаловались на цены, которые та заламывала. Мадам Бриссак доверительно сообщала государыне: «Прошу вас, не говорите этого никому, Ваше Величество, но я всегда делаю вам скидку». Впоследствии Александра Федоровна узнала, что, когда ее золовка, великая княгиня Ольга Александровна, пожаловалась на дороговизну, француженка шепнула ей на ухо: «Прошу вас, не говорите этого никому в Царском Селе, Ваше Императорское Высочество, но я всегда делаю вам скидку».

По вечерам императрица облачалась в белые или кремовые шелковые платья с серебряным шитьем и вышивкой гладью, украшала волосы бриллиантами и надевала жемчужное ожерелье. Шелкового белья она не любила, предпочитая белье и украшенные вышивкой ночные сорочки из тонкого полотна. Туфли выбирала на низком каблуке, с острым носком, обычно из золотистой или белой замши. Выходя из дому, всегда брала с собой зонт от солнца, даже если надевала шляпу с широкими полями.

Вспоминая день, когда ее представили императрице в Царском Селе, – это случилось в 1907 году, – Лили Ден так описывает врезавшуюся ей в память встречу: «Среди густой зелени показалась высокая, стройная женщина... Государыня была в белом, в шляпке, драпированной белой вуалеткой. Нежное белое лицо... рыжевато-золотистые волосы, синие глаза, гибкая фигура. Помню, что жемчуга в ожерелье были великолепны. Всякий раз, как императрица поворачивала голову, в бриллиантах ее серег вспыхивали огни... Я обратила внимание на то, что по-русски она говорит с заметным английским акцентом».

Зима для царских детей была порой нескончаемых уроков, которые начинались в девять утра. Учителя преподавали им арифметику, географию, историю, русский, французский и английский языки. Перед началом занятий их осматривал лейб-медик доктор Евгений Сергеевич Боткин, проверяя, не воспалено ли у них горло и нет ли сыпи. Помимо Боткина, за здоровьем детей следил приезжавший из Петербурга доктор Острогорский. Позднее появился молодой доктор Деревенко, специально приставленный к больному гемофилией цесаревичу. Но больше всех дети любили доктора Боткина. Это был высокий, видный господин в темно-синем сюртуке с золотой цепочкой от часов на животе. От него всегда пахло крепкими парижскими духами. Когда юные великие княжны были свободны, они любили ходить из комнаты в комнату, отыскивая доктора по запаху.

³⁵ Это модно (*фр.*).

В одиннадцать утра царь и его дети оставляли занятия и отправлялись на часовую прогулку. Иногда, захватив ружье, царь стрелял в парке в ворон. У него было одиннадцать великолепных английских колли, которых он любил брать с собой на прогулку, и те прыгали и резвились вокруг хозяина. Зимой вместе с детьми и их учителями Николай Александрович сооружал ледяные горы из больших снежных комьев, облитых водой, с которых можно было спускаться на санках.

Обед представлял собой целое событие. Императрица за трапезой обычно не появлялась, и царь усаживался за стол с дочерьми и свитой. По русскому обычаю перед трапезой священник читал молитву и благословлял пищу. Обычно это делал отец Васильев, законоучитель царских детей. Священник был крестьянского происхождения и не имел высшего теологического образования. Не обладая обширными теоретическими познаниями, отец Васильев был искренне и глубоко религиозен. Слыша, как своим надтреснутым голосом громогласно произносит слова молитвы священник, императрица думала, что он является воплощением православного русского народа. Как духовник, отец Васильев умел утешить. В каком бы грехе ему ни каялись, он улыбался доброй улыбкой и говорил: «Не терзайся. Дьявол не творит ничего подобного. Не курит, не пьет, не гуляет, а все же он дьявол». Среди придворных, сидевших в шитых золотом мундирах, отец Васильев заметно выделялся. В длинной черной рясе с широкими рукавами, с черной бородой до пояса и большим серебряным наперсным крестом, он походил на большого ворона.

Иногда в столовой появлялся еще один любопытный персонаж. То был француз Кюба, дворцовый шеф-повар. В Царском Селе его тонкое искусство некому было оценить. Излюбленным лакомством царя был поросенок с хреном, орошаемый рюмкой портвейна. Икра однажды вызвала у государя сильную изжогу, и с тех пор он избегал этого изысканного лакомства. Как правило, он предпочитал простую крестьянскую пищу – щи, борщ, кашу, вареную рыбу и фрукты. Александра Федоровна аппетитом не отличалась и ела как цыпленок, и все же Кюба, величайший кулинар своего времени, надеялся, что среди царских гостей когда-нибудь окажется подлинный ценитель французской кухни. Иногда, приготовив особенно изысканное блюдо, повар в своем ослепительно белом фартуке и колпаке останавливался в дверях столовой в ожидании похвалы от хозяина и гостей.

Пополудни, когда дети еще занимались, императрица часто отправлялась покататься. Распоряжение «приготовить к двум часам карету Ее Величества» служило сигналом, после которого в конюшне начиналась бурная деятельность. Выкатывалась открытая английская коляска, сверкающая лаком, запрягались лошади, на запятках «кареты государя и императрицы стояли гайдуки в высоких шапках и синих кафтанах; за великими князьями и наследником скакали конвойцы. Появлялся толстый кучер в медалях, которого несколько конюхов начинали подсаживать, запахивать на нем кафтан и подавать вожжи. Усевшись, кучер неизменно крестился, конвойный офицер вставал на подножку, и пара медленно ехала с нашего двора под арку, а оттуда в ворота Александровского парка», – вспоминает Т. Боткина.

После приказа подать коляску начинали суетиться не только конюхи, но и полицейские. «Если государыня заказывала экипаж к известному часу, камердинер передавал это по телефону на конюшню, о чем сейчас же докладывалось дворцовому коменданту, который отдавал приказание быть начеку всей полиции... Стоило государыне остановиться где или поговорить со знакомыми, чтобы этих несчастных сразу обступала... полиция, спрашивая фамилию и повод их разговора с государыней», – писала в мемуарах А. Вырубова.

Государь редко сопровождал супругу во время таких прогулок. Он предпочитал вылазки верхом в обществе графа Фредерикса или же генерала Александра Орлова, командовавшего Уланским Ее Императорского Величества полком. Направлялись они обычно в сторону Красного Села, мимо окрестных деревень. Нередко во время поездок император останавливался поговорить с крестьянами. Расспрашивал их о жизни, деревенских пробле-

мах, видах на урожай. Рассчитывая встретить государя, приходили и крестьяне из других местностей, чтобы передать ему прошение или обратиться с какой-то проблемой. Почти всегда просьбы эти удовлетворялись³⁶.

Чай подавали ровно в пять часов. Процедура была всегда одинаковой. Из года в год на покрытые белыми скатертями столы ставились все те же стаканы в серебряных подстаканниках, те же тарелки с горячими булками, то же английское печенье. Ни пирожных, ни иных лакомств не было. Своей фрейлине и подруге Анне Александровне Вырубовой государыня жаловалась: «У всех бывает вкуснее чай, чем у нас, и более разнообразия». «При высочайшем дворе если что заводилось, то так и оставалось с Екатерины Великой до нашего времени, – писала Вырубова. – Залы с натертым паркетом и золотой мебелью душились теми же духами, лакеи и скороходы, одетые в шитые золотом кафтаны и головные уборы с перьями, переносили воображение в прежние века, как и арапы в белых чалмах и красных рейтузах. Садясь за чайный стол, государь брал кусочек калача с маслом и медленно выпивал стакан чая с молоком... Затем, закулив папиросу, читал агентские телеграммы и газеты, а императрица работала. Пока дети были маленькие, они в белых платьицах и цветных кушаках играли на ковре с игрушками, которые сохранялись в высокой корзине в кабинете государыни; позже они приходили с работами. Императрица не позволяла им сидеть сложа руки...»

После чая император возвращался к себе в кабинет. До восьми вечера он принимал посетителей. Те, у кого было какое-то дело, приезжали поездом из Петербурга, когда над Царским Селом опускались сумерки. В ожидании, пока царь освободится, гости могли посидеть в приемной, листая книги и журналы.

М. Палеолог так описывал встречу с царем: «Аудиенция носит совершенно частный характер, но тем не менее я должен быть в полной парадной форме, как это подобает, когда являешься к царю, самодержцу всея Руси. Меня сопровождает церемониймейстер Евреинов, также весь расшитый золотом. Мою свиту составляют только Евреинов, камер-фурьер в обыкновенной форме и скороход в живописном костюме времен императрицы Елизаветы, в шапочке, украшенной красными, черными и желтыми перьями. Меня ведут через парадные гостиные, через личную гостиную императрицы, дальше – по длинному коридору, на который выходят личные покои государя и императрицы. В нем я встречаюсь с лакеем в очень простой ливрее, несущим чайный поднос. Далее открывается маленькая внутренняя лестница, ведущая в комнаты августейших детей; по ней убегает в верхний этаж камеристка. В конце коридора находится последняя гостиная, комната дежурного флигель-адъютанта... Я ожидаю здесь около минуты. Арап в пестрой одежде, несущий дежурство у дверей кабинета Его Величества, почти тотчас открывает дверь.

³⁶ Генерал Спиридович рассказал следующую историю, похожую на легенду. Однако этот полицейский генерал, человек практичный и добросовестный, не таков, чтобы рассказывать сказки. Засидевшись допоздна в одной из комнат Петергофского дворца, предназначенной для приема посетителей, генерал Орлов услышал странный звук, доносившийся из прихожей. Там он обнаружил девушку, которая горько рыдала. Бросившись генералу в ноги, она рассказала, что жениха ее приговорили к смертной казни и что наутро приговор будет приведен в исполнение. По ее словам, он студент, больной чахоткой, связавшийся с революционерами. Незадолго до ареста он попытался оставить подрывную деятельность, но «товарищи» ему не позволили это сделать. Он и без того умрет от болезни, объясняла девушка. Обняв генерала за ноги, заливаясь слезами, она умоляла передать царю ее просьбу помиловать юношу. Тронутый слезами девушки, генерал, несмотря на поздний час, приказал подать тройку и поехал в Александрию, в царскую резиденцию. Однако камердинер не пустил его. Спустя несколько минут появился царь и спросил: «Что случилось?» Орлов объяснил, в чем дело. «Я очень благодарю вас за то, что вы так поступили. Когда можно спасти жизнь человеку, не надо колебаться. Слава Богу, ни ваша, ни моя совесть не смогут нас в чем-либо упрекнуть». Государь вышел и передал Орлову две телеграммы: на имя министра юстиции и коменданта Петропавловской крепости: «Задержите казнь такого-то. Ждите приказаний. Николай». «Бегите на Дворцовый телеграф, – прибавил государь, – отправьте телеграммы и одновременно телефонируйте министру юстиции и коменданту...» По освобождении жених девушки был осмотрен придворным врачом, по словам Мосолова, и послан за счет государыни в Крым. Потом Орлов получил от молодых письмо, где указывалось: «Что бы ни случилось, мы готовы отдать свои жизни за государя». «Видите, как вы хорошо сделали, что послушались *votre inspiration* (внутреннего голоса). Вы осчастливили двух людей», – сказал государь. – *Примеч. авт.*

Император встречает меня со свойственной ему приветливостью, радушно и немного застенчиво. Комната, где происходит прием, очень небольших размеров, в одно окно. Меблировка покойная и скромная, кресла темной кожи, диван, покрытый персидским ковром, письменный стол с ящичками, выровненными с тщательной аккуратностью, другой стол, заваленный картами, книжный шкаф, на котором портреты, бюсты, семейные памятки».

С 6 до 8 часов государь принимал министров. Он обычно встречал посетителей в неофициальной обстановке. Встав из-за письменного стола, жестом приглашал гостя занять кресло, спрашивал, не желает ли тот курить, и сам закуривал папиросу. Слушал очень внимательно и, хотя схватывал суть дела раньше, чем успевал изложить его посетитель, никогда того не перебивал.

Ровно в восемь официальный прием заканчивался, и император шел обедать с семьей. Чтобы показать, что аудиенция окончена, царь вставал и подходил к окну. Посетителей заранее предупреждали, чтобы у них не оставалось на этот счет сомнений, как бы ни был с ними любезен государь. «Боюсь, я утомил вас», – вежливо произносил царь, заканчивая беседу.

«Гости были редко. В 9 часов в открытом платье и бриллиантах, которые государыня всегда надевала к обеду, она поднималась наверх помолиться с наследником. Государь занимался до 11 часов».

Часто император приходил после ужина в гостиную и читал вслух, в то время как жена и дочери занимались рукоделием. «Одно из самых светлых воспоминаний, – признавалась впоследствии Вырубова, – это уютные вечера, когда государь бывал менее занят и приходил читать вслух Толстого, Тургенева, Чехова и т. д. Любимым его автором был Гоголь. Государь читал необычайно хорошо, внятно, не торопясь, и это очень любил». Иногда, желая угодить дамам, читал им какой-нибудь английский роман. Николай Александрович одинаково хорошо читал по-русски, по-английски и по-французски, неплохо знал немецкий и датский. Книгами царя снабжал его личный библиотечарь, в обязанности которого входило приобретать каждый месяц десятка два лучших книжных новинок, появившихся в мире. Книги Николай Александрович складывал в известном порядке и не любил, если этот порядок нарушался.

Иногда вместо чтения семейство разглядывало фотографии. Вырубова вспоминала: «Их Величество лично клеили свои альбомы, употребляя особый белый клей, выписанный из Англии. Государь любил, чтобы в альбоме не было бы ни одного пятнышка клея, и, помогая ему, надо было быть очень осторожным. Государыня и великие княжны имели свои фотографические аппараты. Фотограф Ган везде сопровождал Их Величества, проявляя и печатая их снимки. У императрицы были большие зеленые альбомы с собственной золотой монограммой в углу; лежали они все в кабинете».

Дни, проходившие в приятном однообразии, заканчивались вечерним чаепитием в одиннадцать часов. Иногда к чаю приходил в двенадцать часов ночи император. «После чая государь уходил писать свой дневник», – отмечала Вырубова. Затем забирался в белый кафельный бассейн, в котором можно было плавать. Добравшись до постели, обычно тотчас засыпал, если не мешала супруга, продолжавшая читать, хрустя при этом печеньем.

Глава одиннадцатая «Отма» и Алексей

Детские находились над Сиреновой гостиной императрицы. «Тишину этой комнаты нарушали звуки рояля сверху, где великие княжны поочередно разучивали одну и ту же пьесу, или же когда пробегут по коридору, и задрожит хрустальная люстра», – писала Вырубова. Попасть наверх можно было на лифте или по лестнице.

Четыре великие княжны, обитавшие в этих просторных, хорошо проветриваемых комнатах, воспитывались в строгой простоте, как и подобает внучкам Александра III, отличавшегося спартанскими привычками. Спали они на жестких кроватях с волосатыми матрасами, почти без подушек и каждое утро принимали холодные ванны по утрам и теплые по вечерам. Вырубова вспоминала: «У императрицы при детях была сперва няня англичанка и три русские няни, ее помощницы. С появлением наследника она рассталась с англичанкой и назначила его няней вторую няню». И англичанка, и русские няни были строги, хотя и не без слабостей. Так, русская няня, назначенная Ольге Николаевне, была не прочь приложиться к бутылке. Застав ее однажды в постели в обществе казака, ее тотчас уволили. Няня Марии Николаевны, мисс Игер, увлекалась политикой и все время обсуждала дело Дрейфуса. «Однажды, забыв о том, что Мария находится в ванне, она снова принялась разбирать это дело, – вспоминала младшая сестра государя, великая княгиня Ольга Александровна. – Мария, с которой ручьями текла вода, вылезла из ванны и принялась бегать нагишом по коридору дворца. К счастью, я подросла вовремя и, подхватив девочку, отнесла ее мисс Игер, которая все еще продолжала разглагольствовать о деле Дрейфуса».

Прошло много лет с момента гибели четырех дочерей последнего русского царя, проживших такую короткую жизнь, и о личных их качествах нам теперь трудно судить. Лишь вокруг имени Анастасии Николаевны, самой младшей из великих княжон, ходит много толков. И не только из-за особенностей ее детского характера, сколько в связи с невероятными, зачастую фантастическими претензиями, предъявлявшимися многочисленными самозванками после екатеринбургского злодеяния. Однако можно определенно сказать, что все четыре девушки отличались друг от друга, и с возрастом разница эта становилась всё заметнее.

Старшая, Ольга Николаевна, походила на отца – застенчивая и робкая, с длинными русыми волосами, голубыми глазами и широким русским лицом. Она поражала своей добротой, целомудрием, глубиной чувств. У нее был быстрый, цепкий ум. В беседах с хорошо знакомыми ей людьми она проявляла искренность и остроумие. Была начитана, знала литературу и поэзию и часто прочитывала книги, лежавшие на столе императрицы, раньше ее самой. Однажды, когда мать обнаружила, что дочь читает книгу, которую она искала, Ольга Николаевна не растерялась: «Ты должна подождать, Мама, пока я не выясню, стоит ли тебе читать эту книгу».

По совету учителя французского языка, швейцарца Пьера Жильяра, Ольга Николаевна подчеркивала незнакомые слова. Читая «Отверженные» по-французски, девочка добросовестно подчеркнула слово «Merde!»³⁷, произнесенное генералом Камбронном, командовавшим наполеоновской гвардией в битве под Ватерлоо, в ответ на предложение сдаться. Учителю едва не досталось на орехи. Не встретив Жильяра, Ольга Николаевна спросила у отца, что это слово значит. На следующий день, во время прогулки в парке, царь заметил учителю: «Вы, однако, обучаете моих детей странному подбору слов». Жильяр покраснел и смутился.

³⁷ Французское ругательство.

«Бросьте, не смущайтесь, – сказал царь, – я отлично понял все, что произошло, и я ответил дочери, что это один из славных терминов французской армии».

Если Ольга Николаевна походила на отца, то Татьяна Николаевна, которая была на полтора года младше, пошла в мать – худенькая и высокая. Она редко шалила и сдержанностью и манерами напоминала государыню. Она всегда останавливала сестер, напоминала волю матери, отчего девочки постоянно называли ее «гувернанткою». На людях и дома она неустанно окружала государыню заботой. С роскошными каштановыми волосами, сероглазая, стройнее и элегантнее всех своих сестер, она была организованная, волевая, с твердыми принципами. «Вы сразу понимали, что перед вами царская дочь», – отозвался однажды о ней один из офицеров императорского конвоя.

В обществе великая княжна Татьяна Николаевна затмевала свою старшую сестру. Лучше играла на рояле, хотя реже упражнялась и меньше старалась. Красивая, уверенная в себе, она чаще, чем Ольга Николаевна, выезжала в свет. Именно она принимала решения за сестер и брата. Если нужно было обратиться к родителям с какой-то просьбой, дети поручали это Татьяне Николаевне. Удивительное дело, но Ольга Николаевна не была в обиде на сестру за то, что она ею командует. Напротив, обе девушки были всем сердцем привязаны друг к другу.

Третья дочь, Мария Николаевна, была самой хорошенькой: румяные щеки, густые светло-каштановые волосы, большие синие глаза, которые в семье называли «Машины блюдца». В детстве она была пухлой и пышущей здоровьем. Став подростком, стала веселой и кокетливой. Марии Николаевне нравилось рисовать, но ленца и веселость натуры мешали ей развивать свои способности. Излюбленной темой Марии, которую домашние звали Машкой, были замужество и дети. По мнению многих, кто знал Марию Николаевну, не будь она царской дочерью, эта крепкая, добросердечная девушка стала бы прекрасной женой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.